

Казахстанский институт
стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан

**Центральная Азия
и Каспийский регион:
риски, вызовы, угрозы**

Алматы, 2012

УДК 327
ББК 66.4
Ц 37

*Рекомендовано к печати Ученым Советом
Казахстанского института стратегических исследований
при Президенте РК*

под редакцией Б.К. Султанова

Редакционная коллегия:

Л.Р. Каратаева (ответственный редактор),
А.А. Морозов (ответственный за выпуск)

Авторский коллектив:

Б.К. Султанов (введение, 2.1, заключение),
С.К. Кушкумбаев (1.1, 2.3), М.Т. Лаумулин (1.2, 2.6),
К.Л. Сыроежкин (1.3, 1.4, 1.5), И.А. Черных (1.6),
Л.А. Тимофеев (2.2, 2.5, 2.9), Б.А. Ауелбаев (2.4),
Р.С. Серик (2.7), Г.Н. Ким (2.8), Б.Л. Сырлыбаева (2.10),
Л.Р. Каратаева (2.11)

Ц 37 Центральная Азия и Каспийский регион: риски, вызовы, угрозы: коллективная монография / Под общ. ред. Б.К. Султанова. — Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, 2012. — 224 с.

ISBN 978-601-7242-69-5

Монография, подготовленная авторским коллективом КИСИ при Президенте РК, посвящена актуальным проблемам Центральной Азии и Каспийского региона, рискам, вызовам и угрозам региональной безопасности в контексте складывающейся геополитической ситуации в сопредельных странах и влияния на данный процесс различных мировых центров силы.

Издание предназначено для политологов, специалистов-международников, государственных служащих, преподавателей и студентов высших учебных заведений, а также для широкого круга читателей, интересующихся проблемами международной и региональной безопасности.

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978-601-7242-69-5

© КИСИ при Президенте РК, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 5

**ГЛАВА 1. НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ
БЕЗОПАСНОСТИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ
В СОПРЕДЕЛЬНЫХ РЕГИОНАХ 16**

- 1.1. Вывод войск ISAF из Афганистана: вызовы и угрозы для региональной безопасности 16
- 1.2. Перспективы развития ситуации вокруг Ирана 22
- 1.3. Иран в политике КНР 47
- 1.4. Обновленная Россия: Центральная Азия в планах кремлевской политики стратегического сдерживания 57
- 1.5. Китай: роль и место Центральной Азии во внешнеполитической стратегии пятого поколения управленцев страны 64
- 1.6. Технология арабских («оранжевых») революций и возможности ее применения в странах Центральной Азии 74

**ГЛАВА 2. СИТУАЦИЯ НА КАСПИИ:
ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ И УГРОЗЫ
РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 85**

- 2.1. Политика и интересы России в Каспийском регионе 87
- 2.2. Роль прикаспийских регионов РФ в обеспечении безопасности на Каспии 92
- 2.3. Политика и интересы Туркменистана на Каспии 100
- 2.4. Политика и интересы Ирана на Каспии 111
- 2.5. Политика и интересы Азербайджана на Каспии 124
- 2.6. Политика США в Каспийском регионе 132
- 2.7. Стратегия ЕС на Каспии 152

2.8. Интересы стран АТР на Каспии	168
2.9. Правовой статус Каспийского моря на современном этапе.....	174
2.10. Вопросы экологии на Каспии	184
2.11. Угрозы терроризма и экстремизма на Каспии.....	200
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	212
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	214
ҚСЗИ туралы ақпарат	216
Информация о КИСИ.....	218
Information about the KazISS.....	220

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня уже очевидно, что мир вступил в новую фазу своего развития, определяемую тем, что фундаментальные проблемы, приведшие к глобальному финансово-экономическому кризису 2007—2009 гг., не получили своего разрешения. Это наглядно можно увидеть на примере государств Европейского Союза, экономика которых находится в состоянии длительной рецессии, не говоря уже о развивающихся странах. По мнению ряда экспертов, мир ожидает новый этап глобального экономического кризиса, который может наступить уже в 2013 г.

Вследствие этого наблюдаются попытки избежать его или, по крайней мере, минимизировать возможные последствия, в том числе путем трансформации существующей структуры геополитических и геоэкономических отношений, в частности, создания глобальных организаций, но уже без участия стран Запада (БРИКС).

В течение последних лет мир является свидетелем уже не эрозии, а кризиса международного права. За примерами не надо далеко ходить — Сербия, Ирак, Ливия, теперь — Сирия. Не исключено, что завтра мы будем наблюдать аналогичную картину в Иране — одном из пяти прикаспийских государств.

Это не может не вызывать беспокойства в странах Центральной Азии. Мировое сообщество проявляет все больший интерес к государствам региона из-за их стратегического месторасположения (общие границы с Афганистаном, Китаем, Россией, Ираном), запасов урана, редкоземельных металлов и т. д. Казахстан и Туркменистан являются прикаспийскими государствами, обладающими значительными запасами нефти и газа на шельфе Каспийского моря. Значение наше-

го региона возрастает из-за существующих/потенциальных маршрутов транспортировки энергоносителей на мировые рынки.

Нельзя не учитывать и того, что ситуация в Центральной Азии в последние годы имеет тенденцию к ухудшению. Страны региона все чаще сталкиваются с проявлениями религиозного экстремизма, международного терроризма, наркотрафика, организованной преступности, нелегальной миграции.

Причины этих негативных явлений заключаются в первую очередь в незавершенности процесса политического и экономического реформирования и сложной социально-экономической ситуации в странах региона. Поэтому первостепенными задачами являются создание конкурентоспособных экономик, осуществление активной социальной политики, проведение своевременных политических реформ, поддержание межэтнического и межконфессионального мира и согласия.

Вместе с тем нельзя отрицать систематического негативного воздействия на страны нашего региона со стороны внешних сил, заинтересованных в дестабилизации ситуации. Осложняющий фактор — географическое соседство государств Центральной Азии с зонами политической нестабильности и локальных конфликтов в Афганистане и Пакистане. Негативно влияют на ситуацию в регионе непрекращающиеся террористические атаки против органов власти и правоохранительных структур в республиках Северного Кавказа Российской Федерации, Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР. Мощным генератором терроризма и религиозного экстремизма являются сложные социально-экономические и политические процессы, происходящие на Ближнем и Среднем Востоке, уже спровоцировавшие государственные перевороты и гражданские войны в ряде стран этого региона.

Противодействовать нынешним угрозам в Центральной Азии можно только в том случае, если будет налажено эффективное сотрудничество всех стран региона, в том числе с участием сопредельных государств и авторитетных международных организаций — Организации Объединенных Наций (ООН), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

Национальным интересам Казахстана, согласно опросу, проведенному среди казахстанских экспертов агентством «Рейтинг.KZ», в наибольшей степени отвечают следующие международные организации:

- ООН и ОДКБ — по 19,46 балла;
- ШОС — 18,91;
- СНГ — 17,12;
- ОБСЕ и Таможенный союз/ЕЭП — по 17,06 балла.

Самые низкие баллы в общем рейтинге имеют:

- Организация экономического сотрудничества — 13,36;
- Совет евроатлантического партнерства и программа «Партнерство во имя мира» НАТО — 14,34 балла [1].

На наш взгляд, нельзя исключать попытки отдельных транснациональных корпораций (ТНК), занятых в сырьевом секторе, прежде всего в нефтегазовом, создать в нашем регионе (по аналогии со странами Арабского Востока) обстановку «управляемого хаоса» — для ослабления контроля за их деятельностью со стороны государственных органов.

По мнению Президента РК Н.А. Назарбаева, страны нашего региона, развиваясь как единое пространство, смогут создать «пояс экономического благополучия», который будет надежной преградой для международного терроризма, религиозного экстремизма, наркотрафика и нелегальной миграции, распространяющихся из Афганистана и других кризисных государств [2].

Но взаимодействие стран может строиться только при понимании общих для региона проблем, как в сфере торгово-экономических связей, так и в области обеспечения безопасности. Пока же совместные проекты «пробуксовывают», несмотря на взаимные заверения об общности исторических, культурных, языковых, этноконфессиональных и иных факторов.

В настоящее время в регионе складывается драматическая ситуация с обеспечением продовольствием вследствие засухи в США, Канаде, России и Казахстане. Так, в Таджикистане общая потребность в продовольственной пшенице составляет 1,5 млн т (на 1.09.12 г. собрано 863,6 тыс. т зерновых культур). В основном пшеница и мука завозятся в Таджикистан из Казахстана (свыше 90%) и из России. Но в Казахстане на 8 октября 2012 г. намолочено зерна почти вдвое меньше, чем в прошлом году (14,3 млн т; в 2011 г. — 26 млн). Цены в РК на пшеницу к 1 сентября выросли на 6,6%, а в Таджикистане на казахстанскую муку уже повысились на 20%. В России на 1 октября 2012 г. собрано около 73 млн т зерна (в 2011 г. — 92 млн т) [3].

Серьезной проблемой для государств региона является отсутствие консенсуса относительно территориально-пограничных вопросов между Узбекистаном и Кыргызстаном, Узбекистаном и Таджикистаном, Кыргызстаном и Таджикистаном. Так, из общей протяженности государственной границы между Кыргызстаном и Узбекистаном (1 378,44 км) делимитировано 1 007,1 км (73,1%). Более 300 км относятся к 60 спорным участкам, по которым до сих пор не достигнуто взаимопонимание. Из общей протяженности государственной границы между Кыргызстаном и Таджикистаном (970,8 км) делимитировано только 519,1 км (53,4%) [4].

Между странами региона существуют трудноразрешимые экономические противоречия.

Кыргызстан предполагает использовать свои гидроэнергетические ресурсы как средство усиления геополитического и экономического влияния в регионе. Для этого он стремится заручиться поддержкой третьих стран — США, России, Китая, ЕС.

У *Таджикистана* не урегулирован вопрос с Узбекистаном по транзиту электричества из Туркменистана. Ежегодно, зимой, энергетическая проблема оборачивается не только ухудшением двусторонних отношений, но и обострением социально-экономических противоречий внутри страны.

Туркменистан заинтересован в развитии проектов Прикаспийского газопровода, а также газопровода Туркменистан — Китай, транспортного коридора «Север — Юг».

Узбекистан держит в напряжении соседей по региону своей непредсказуемой внешней и энергетической политикой. В сфере региональной безопасности Ташкент сейчас делает ставку на сотрудничество с США в надежде получить значительную часть оружия и военной техники войск НАТО, которые будут выводиться из Афганистана начиная с 2014 г.

События на Ближнем и Среднем Востоке показали значение информационно-психологических войн, главными инструментами которых являются СМИ, интернет-пространство, не поддающееся контролю, и сотовая связь. Основная мишень — молодежь, объединяющаяся в социальные сети, фанатские движения, которые способны к стремительной саморадикализации.

Сегодня в событиях на Арабском Востоке используются приемы и методы работы с толпой, применявшиеся ранее в «бархатных революциях» в Восточной Европе, «цветных революциях» на постсоветском пространстве и основывавшиеся на раскрутке эмоциональных слоганов: «угнетенный народ», «нарушение справедливости», «обнищание народа», «подавление оппозиции», «отсутствие демократических сво-

бод» и т. д. «Переносчиками» этих лозунгов являются НПО, финансируемые из-за рубежа, а также представительства международных организаций и фондов.

В связи с приближающимся выводом войск НАТО из Афганистана наблюдается активизация деятельности США в Центральной Азии. Если рассмотреть показатели торгово-экономического сотрудничества США со странами региона, то они незначительные. Так, в 2011 г. товарооборот США с Казахстаном составил 2 млрд 765 млн долларов. С остальными государствами региона товарооборот США гораздо менее значителен.

Поэтому одной из главных причин нынешнего внимания США к Центральной Азии является все-таки Афганистан и в первую очередь обеспечение транзита военных грузов для коалиционных войск НАТО в этой стране, а после 2014 г. — вывоз части боевой техники и военного имущества. Сейчас США рассматривают Узбекистан как ключевую страну в регионе из-за необходимости предстоящего вывоза военных грузов из Афганистана, а также в качестве связующей страны со своими военными базами в Афганистане, которые планируется сохранить в последующие годы.

Второй приоритетной задачей США остается сфера энергетики, ставка будет делаться на дальнейшую «американизацию» Каспия — с одной стороны, на переориентацию каспийских нефтегазовых ресурсов в западном направлении, минуя Россию, на сокращение нефтегазовых поставок в КНР — с другой.

Не вызывает сомнений, что Китай будет наращивать свое экономическое присутствие в ЦА, активно участвуя в развитии транспортной и торговой инфраструктуры региона.

Ведущим экономическим партнером Китая в Центральной Азии является Казахстан, на долю которого приходится 67,9% товарооборота КНР со странами региона (56,4% экспорта и

81,8% регионального импорта). В 2011 г. товарооборот Казахстана с Китаем составил 21 млрд 680,4 млн долларов.

При существующих темпах экономического сотрудничества Китай имеет реальные шансы превратиться в доминирующего актора в регионе. Значимость Центральной Азии для КНР будет возрастать по мере завершения строительства трансконтинентального автокоридора «Европа — Китай», железнодорожного перехода между Казахстаном, Туркменистаном и Ираном, трубопроводных маршрутов «Центральная Азия — Китай» и благодаря возможным перспективам создания энергетического коридора «Ближний Восток — Китай» через Центральную Азию.

Поскольку устойчивый дефицит Китая в углеводородном сырье будет только нарастать, очевидно, что увеличение объемов импорта энергоносителей станет происходить за счет поставок из нашего региона. С экономической точки зрения для государств Центральной Азии это выгодно из-за: 1) прибыли от транзита углеводородов; 2) диверсификации маршрутов транспортировки нефти и газа, т. е. ослабления зависимости от маршрутов на Запад; 3) изменения состава иностранных участников на шельфе Каспия, а, следовательно, уменьшения зависимости от западных компаний.

Наметившееся было ослабление влияния России в Центральной Азии после вторичного избрания В.В. Путина президентом России приостановилось. Более того, РФ активизировала свое присутствие в Центральной Азии. За несколько месяцев после своего переизбрания В.В. Путин посетил, за исключением Туркменистана, все страны региона (причем Казахстан дважды). В результате Бишкек и Душанбе получили финансово-политическую поддержку Москвы для строительства гидросооружений (Камбаратинской ГЭС-1 и Верхне-Нарынского каскада ГЭС в Кыргызстане; Рогунской ГЭС — в Таджикистане).

Кроме того, В.В. Путин пообещал смягчить условия пребывания в России трудовых мигрантов из Кыргызстана (700 тыс. чел., которые перечислили на родину в январе—июне 2012 г. около 1 млрд долларов, т. е. 16% ВВП страны) и Таджикистана (1,13 млн чел., которые перечислили в РТ в 2011 г. около 3 млрд долларов, т. е. 50% ВВП).

В свою очередь Бишкек и Душанбе заявили о своих намерениях вступить в Таможенный союз. Взамен Россия получила мандат на продление срока пребывания своих военных баз в этих странах.

Наиболее активно Россия сотрудничает с Казахстаном. Подтверждением этому является интенсивность контактов на высшем уровне в 2012 г.: два визита В.В. Путина в РК (7 июня — в Астану; 19 сентября — в Павлодар на 9-й форум межрегионального сотрудничества) и ответный визит Н.А. Назарбаева в Москву (9 октября). В 2011 г. товарооборот России с Казахстаном составил 24 млрд долларов, превысив товарооборот с остальными странами региона (7 млрд 533 млн) более чем в 3 раза.

России для проведения активной и наступательной политики в регионе пока не хватает целеустремленности, последовательности, особенно в сфере так называемой «мягкой силы», но, судя по первым шагам во внешней политике В.В. Путина, за этим дело не станет.

Для ЕС наш регион представляет интерес, так как:

- а) является источником диверсификации импорта нефти (Казахстан) и газа (Туркменистан);
- б) через территорию региона осуществляется снабжение войск, находящихся в Афганистане, а начиная с 2014 г. из ИРА будут выведены войска НАТО;
- в) здесь происходит противодействие наркотрафику из Афганистана в Европу.

ЕС наиболее активно развивает экономическое сотрудничество с Казахстаном. В 2011 г. его товарооборот с РК

(28 млрд 673 млн евро) почти в 10 раз превысил товарооборот Евросоюза с остальными странами региона (3 млрд 759 млн евро).

Афганская проблематика. Основные цели западной коалиции не достигнуты. Движение «Талибан» не ликвидировано. Экономика Афганистана находится в состоянии разрухи. Страна остается главным производителем опиума-сырца и основным поставщиком героина на мировой рынок, обеспечивая более 90% его потребления в мире.

Правительство Х. Карзая не контролирует большую часть территории страны, власть на местах преимущественно находится в руках бывших полевых командиров, многие из которых связаны с наркобизнесом.

Несмотря на объявленный вывод войск в 2014 г., окончательно уходить из Афганистана США не собираются и будут пытаться закрепиться на создаваемых в этих целях долговременных американских военных базах.

В случае возвращения к власти движения «Талибан» неизбежно возникновение нового витка гражданской войны в Афганистане. В этом случае открытым остается вопрос, какова будет судьба афганского государства: превратится ли оно в федеративное или конфедеративное или, может быть, распадется на несколько этнических сегментов? Тогда странам нашего региона придется самостоятельно решать весь комплекс проблем, связанных с Афганистаном.

Уже на протяжении двух лет возникает вопрос, возможен ли сценарий «арабской весны» в Центральной Азии? Можно приводить массу аргументов, доказывающих невозможность ее повторения в ЦАР. Но будет лучше узнать мнение нейтральных экспертов.

11 мая 2011 г. на слушаниях в конгрессе США о влиянии ближневосточных революций на страны Центральной Азии помощник госсекретаря США Р. Блейк заявил о том,

что страны Ближнего Востока и Центральной Азии имеют много общего, однако сценарий «арабской весны» невозможен в центральноазиатских государствах. По словам американского дипломата, различия в истории и культуре делают прямое сравнение между двумя регионами невозможным. Р. Блейк назвал три основные причины, по которым «арабская весна» не перекинется на страны Центральной Азии: 1) уровень безработицы в Египте и Тунисе значительно выше по сравнению со странами ЦА; 2) значительная часть трудоспособного населения Кыргызстана и Таджикистана находится на заработках в России; 3) энергетические ресурсы в Казахстане и Туркменистане позволяют смягчить влияние экономического кризиса*.

Сегодня Каспийский регион, богатый запасами нефти и газа, — один из ключевых узлов современной энергетической политики. С одной стороны, прикаспийские государства заинтересованы в сотрудничестве с Россией, через территорию которой проходят основные трубопроводные маршруты, но с другой — проявляют все больший интерес к диверсификации экспортных маршрутов. Так, основными экспортными маршрутами казахстанской сырой нефти являются Каспийский трубопроводный консорциум (в 2016 г. пропускная способность достигнет 67 млн т), трубопровод Атырау — Самара (12 млн т), нефтепровод Казахстан — Китай (планируется довести пропускную способность до 20 млн т), а также морской порт Актау, через который осуществляется выход казахстанской нефти в Баку и Черное море.

Казахстан производит 40 млрд кубометров газа, из которых 10 млрд идет для удовлетворения внутренних потребностей, остальные направляются на экспорт, который осу-

ществляется через газопроводы Средняя Азия — Россия и Центральная Азия — Китай.

Туркменистан в целях снижения зависимости от российского «Газпрома» будет проводить более активную деятельность по диверсификации маршрутов поставок газа на мировые рынки, осуществляя в этих целях переговоры с ЕС, Украиной, закавказскими республиками, а также Китаем, Ираном, Турцией, Афганистаном, Пакистаном, Индией.

Казахстан и Туркменистан должны учитывать интересы остальных прикаспийских государств — Азербайджана, Ирана и России.

Поскольку долгосрочные интересы великих и региональных держав на Каспии будут способствовать усилению соперничества между ними, в первую очередь между США и ЕС, с одной стороны, Россией и Китаем — с другой, это неминуемо окажет влияние на наращивание вооруженных сил всех прикаспийских государств. Одновременно внерегиональные акторы будут стремиться создать на Каспии военные базы для последующего увеличения своей военной мощи.

Литература

1. Рейтинг международных и межгосударственных организаций с участием Казахстана // <http://www.agencyrating.kz>
2. Назарбаев Н.А. Выступление на IV Евразийском медиафоруме. Алматы, 19 апреля 2007 г. // <http://www.akorda.kz>
3. Мировые цены на зерно бьют рекорды и далеко ушли за пределы максимумов прошлого маркетингового сезона // <http://www.kazakh-zerno.kz>
4. Ибраев З. Страна-решето // <http://www.centrasia.ru>

* Роберт Блейк — помощник государственного секретаря США по делам Южной и Центральной Азии. Выступление перед членами Комиссии по безопасности и сотрудничеству в Европе, 11 мая 2011 г. // <http://iipdigital.usembassy.gov>

ГЛАВА 1. НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В СОПРЕДЕЛЬНЫХ РЕГИОНАХ

1.1. Вывод войск ISAF из Афганистана: вызовы и угрозы для региональной безопасности

Геополитическая обстановка в обширной зоне, включающей Афганистан и приграничные с ним территории соседних стран, прежде всего Пакистана, продолжает оставаться напряженной.

США и их союзники по ISAF анонсировали намерение вывести войска из страны в 2014 г. и прилагают усилия, для того чтобы минимизировать издержки этого шага в своих интересах в Афганистане и в регионе в целом.

В свете трудностей, с которыми Вашингтон сталкивается по ходу афганской кампании, в частности транзита военных грузов, очевидно, что Соединенные Штаты заинтересованы в установлении светских и лояльных политических режимов в Центральной Азии в ближнесрочной перспективе. Показательно, что, проводя переговоры со странами региона, США выказывают готовность помогать местным режимам в их противостоянии террористической угрозе и наркотрафику из Афганистана. Сотрудничество идет главным образом по линии укрепления безопасности границ, а также подготовки и снаряжения различных сил специального назначения, погранвойск и полиции.

Снятие символических ограничений на военную помощь Узбекистану в начале февраля 2012 г., с одной стороны, — вынужденная мера в обмен на транзит, с другой — свиде-

тельство стремления Вашингтона сохранить в регионе позиции одного из влиятельных игроков после вывода войск из Афганистана.

США не могут не учитывать нарастающего раздражения в афганском обществе не только по отношению к иностранному военному присутствию, но и поддерживаемому Западом правительству Х. Карзая.

Антиамериканские выступления, вспыхнувшие по всему Афганистану после сожжения нескольких экземпляров Корана на базе Баграм в феврале 2012 г. и особенно после появления фильма «Невинность мусульман», в очередной раз продемонстрировали уязвимость позиций США и их союзников. В этой связи Вашингтон еще более заинтересован в поэтапной передаче ответственности за безопасность афганскому правительству и выводе значительной части своего воинского контингента из страны.

«Иракский» вариант для США предпочтителен, но ситуация в Афганистане отличается от иракской. Как известно, позиции лояльных западным странам политических сил в Афганистане (как сторонников Х. Карзая, так и его оппонентов) остаются неустойчивыми и очевидно, что США не уверены в стабилизации ситуации после 2014 г.

Они предпочитают вариант, при котором формально контроль в стране будут осуществлять местные силы безопасности, но при этом в Афганистане сохранятся американские военные базы.

В этом контексте Вашингтон продолжает поиск компромисса с талибами (как минимум с частью из них) и готовится символически объявить о завершении военной операции в стране в 2014 г. Сохранение военного присутствия на базах хотя и останется раздражающим фактором для радикальных групп в Афганистане, тем не менее сократит военные операции и минимизирует их негативные репутационные издержки.

Эти планы подтверждаются заявлениями западных политиков и военных. Так, 5 марта 2012 г. в ходе посещения провинции Гильменд и инспектирования подразделений афганских сил безопасности и войск международной коалиции командующий ISAF генерал Дж. Аллен заявил: «Если афганская сторона выразит такое желание, мы останемся здесь и после 2014 года, когда ответственность за обеспечение безопасности будет полностью и окончательно передана афганской стороне» [1].

Командующий ISAF в ходе встречи с местными властями продемонстрировал оптимистичный настрой, заявив, что афганская армия и полиция уже окрепли настолько, что могут самостоятельно обеспечивать стабильность в регионе.

Однако губернатор провинции отметил, что ситуация в области обеспечения безопасности в Гильменде далека от приемлемой. По его мнению, процесс национального примирения идет медленно, а потому «присутствие иностранных войск необходимо для закрепления уже достигнутых успехов и восстановления мира в этом регионе» [2].

Как известно, в ноябре 2011 г. в Кабуле Лойя-джирга одобрила подписание соглашения с США о долгосрочном стратегическом сотрудничестве, подразумевающего также наличие военных баз США в Афганистане на долгосрочной основе (как минимум в течение 10 лет). Однако при этом был выдвинут ряд условий подписания этого документа, среди которых два основных: 1) передача всех афганских заключенных из американских тюрем под юрисдикцию Афганистана; 2) прекращение ночных рейдов на дома афганских граждан, в ходе которых гибнут мирные жители.

Ранее пресс-служба управделами президента Афганистана заявила, что афганское правительство подвергается сильному давлению извне в целях подписания этого соглашения до саммита НАТО в мае 2012 г. В итоге, как известно, согла-

шение было подписано главами США и Афганистана 1 мая 2012 г. в Кабуле.

По сути, формальное выполнение условий администрации Х. Карзая со стороны Вашингтона должно было способствовать укреплению тактических позиций афганского президента во внутренней политике, который, как известно, также должен будет покинуть свой пост в 2014 г.

Несомненно, западная коалиция заинтересована в том, чтобы преемник Х. Карзая обладал более крепкими позициями и авторитетом в афганском обществе.

Ключевые союзники США по западной коалиции также готовы поддержать их планы в Афганистане на период после 2014 г. Так, после встречи с президентом Таджикистана Э. Рахмоном в Душанбе 2 марта 2012 г. государственный министр вооруженных сил Великобритании Н. Харвей заявил, что «мы не уйдем в 2014 году. Международное сообщество привержено помогать Афганистану несколько последующих лет» [3].

По его словам, Великобритания намерена оставить некоторое количество своего военного снаряжения, которое необходимо афганским силам. Кроме того, Лондон намерен провести переговоры с Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном по поводу того, какая часть британского военного имущества может иметь ценность для этих стран. По данным Минобороны Великобритании, к 2014 г. им предстоит вывезти из Афганистана около 11 тыс. контейнеров и около 3 тыс. бронемашин [4].

Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан проявляют финансовую заинтересованность в транспортировке по своей территории грузов ISAF. В частности, Узбекистан как один из ключевых участников Северной сети поставок (ССП) существенно повысил транзитные тарифы [5]. Данный факт с раздражением был воспринят западными участниками ISAF.

В этом контексте США и их союзники, несмотря на снятие санкций, продолжают с осторожностью вести переговоры с Ташкентом, сохраняя сомнения в лояльности действующего там режима.

Для Запада режим в Узбекистане остается крайне сложным. Учитывая неблагоприятный социально-экономический фон в стране, вполне вероятно, что в случае роста экстремистской активности либо повторения событий наподобие андижанских официальный Ташкент может оказаться в большей зависимости от расположения западных стран. Кроме того, именно Узбекистан остается основной целью ИДУ и ряда других экстремистских групп, расположившихся в Афганистане и пакистано-афганском пограничье. Риск обратной их инфильтрации в регион Центральной Азии после 2014 г. только возрастет.

Несмотря на возобновление транзита по территории Пакистана, США и другие участники коалиции пока не меняют планов по вывозу значительной части своего военного имущества через страны Центральной Азии. Более того, как отмечалось, намерение передать часть своего военного снаряжения государствам региона, наряду с муссирующимися слухами о появлении новых американских военных баз в Центральной Азии, вызывает понятное раздражение России.

Говоря о ситуации в Афганистане, Владимир Путин в своей предвыборной статье подчеркнул, что «международный военный контингент под эгидой НАТО не решил поставленных задач. Террористическая и наркоугроза, исходящие из Афганистана, не снижаются. Объявив об уходе из этой страны в 2014 году, американцы занимаются созданием там и в соседних государствах военных баз без внятного мандата, целей и сроков их функционирования. Нас это, понятно, не устраивает» [6].

Конкуренция России и США в Центральной Азии затрагивает и сотрудничество в сфере противодействия нарко-traфику. Данный вопрос — один из ключевых для Москвы. Как известно, Госдепартамент США официально объявил о выделении 4,2 млн долларов на борьбу с наркотрафиком в странах Центральной Азии, расположенных по соседству с Афганистаном. В рамках Центральноазиатской антинаркотической инициативы (САЦИ) эта сумма будет распределена между структурами по борьбе с наркотрафиком пяти стран региона [7].

Если учесть, что под различные программы в рамках САЦИ по линии Управления по борьбе с наркотиками (DEA) США выделяют странам региона 14 млн долларов, а по линии Пентагона — 101 млн, по сути, речь идет о значительных финансовых ресурсах.

Россия, как известно, отвергла подход США, считая его борьбой со следствием, а не с причинами, т. е. производством героина в Афганистане. С недоверием относясь к западным проектам и программам в Центральной Азии, Россия пытается создать альтернативу этим инициативам.

В частности, Москва прорабатывает вопрос о создании специальной программы содействия экономическому развитию стран Центральной Азии. По заявлению директора Федеральной службы РФ по наркоконтролю В. Иванова, речь идет о «корпорации развития Центральной Азии с помощью Российской Федерации». По его словам, «есть поручение Владимира Путина о проработке вопроса о создании этого инструмента нашего влияния и нашей помощи странам Центральной Азии. Только через подъем экономики, через программы развития можно решить проблему транзита наркотиков через государства Средней Азии» [8].

По сути, в ближайшей перспективе страны региона рискуют вновь стать ареной обострившегося соперничества Рос-

сии и Запада. В случае дальнейшего усложнения международной обстановки вокруг Сирии и Ирана позиции Москвы и Пекина, с одной стороны, и позиции США и других западных держав — с другой, будут все более поляризоваться. К этому добавляется вопрос размещения элементов американской ПРО в Восточной Европе. В этом случае ССП может стать косвенной заложницей этого противостояния. По линии ОДКБ и ШОС Россия и КНР могут оказывать воздействие на своих центральноазиатских партнеров в целях давления на США.

1.2. Перспективы развития ситуации вокруг Ирана

В последние месяцы ситуация вокруг иранской атомной программы обостряется ускоренными темпами. Очевидно, что Тегеран поднимает планку противостояния с Западом, США и МАГАТЭ. Со своей стороны Соединенные Штаты и Израиль в открытую обсуждают возможность нанесения превентивного удара по ядерным объектам ИРИ. В настоящий момент вероятность вооруженного конфликта между Ираном и Америкой высока как никогда после событий 1980—1981 гг. [9]

Европейские государства и ЕС в целом в своем большинстве поддерживают Вашингтон путем введения санкций. Оппортунистическую политику начинает вести Китай, из действий которого становится понятно, что он готов к смене основного поставщика нефти для своей экономики Ирана на Саудовскую Аравию. Россия не решается полностью поддержать Тегеран на международной арене и в ООН, поскольку также сомневается в искренности намерений иранского руководства и не желала бы иметь по соседству еще одну ядерную державу.

Запад уже предпринимает силовые попытки остановить иранскую атомную программу. Так, с помощью кибератаки и заражения компьютерным вирусом «Стакнет» системы управления атомными объектами удалось приостановить иранскую программу обогащения урана. Кроме того, физически устраняются (спецслужбами Израиля) представители иранского атомного сообщества и ученые-ядерщики, осуществляются взрывы на ракетных шахтах.

Подобное развитие событий серьезно осложняет стратегическую ситуацию вокруг Центральной Азии. Эскалация военного конфликта с Ираном грозит подрывом стабильности в обширном регионе ЦА, Каспийского моря и Кавказа. Вооруженная операция против ИРИ и возможные ответные меры Тегерана резко ухудшат безопасность и стабильность Центральной Азии, нанесут удар по политическим и экономическим интересам Казахстана.

Однако Астана располагает (совместно со своими союзниками) возможностями и дипломатическими инструментами для стабилизации ситуации и развития событий в позитивном направлении. К этим инструментам относятся председательство РК в ОИС, консультации в рамках ШОС и ОДКБ, двусторонние и многосторонние переговоры с Ираном.

Стратегия Соединенных Штатов

В Совете по международным отношениям (Вашингтон) совместно с Пентагоном уже разработана стратегия действия против Ирана. Суть ее сводится к следующему: Вашингтону нужно провести хирургически точную и выверенную операцию, уничтожив иранские ядерные объекты, выдержать неизбежные ответные действия Ирана, а затем попытаться быстро снизить градус противостояния [10].

Стратегия нанесения удара по ИРИ исходит из постулата: риск появления Ирана, вооруженного атомной бомбой, перекрывает риски, связанные с военными действиями против него. Критики в американском экспертном сообществе предупреждают, что подобная акция, скорее всего, обречена на неудачу и даже в случае успеха способна вызвать полномасштабную войну и спровоцировать мировой экономический кризис. Они призывают Америку полагаться на невоенные способы, такие как дипломатия, санкции и тайные операции, чтобы не допустить появления у Тегерана атомной бомбы. Указывая на неприемлемо высокую цену бомбардировки ИРИ, большинство критиков считают, что США следует просто научиться сосуществовать с ядерным Ираном, если другие меры не помешают этой стране достигнуть цели.

Военные специалисты утверждают, что тщательно спланированный военный удар, призванный уничтожить иранскую ядерную программу, «спас» бы ближневосточный регион и весь мир от реальной опасности и существенно укрепил бы национальную безопасность Соединенных Штатов в долгосрочной перспективе.

В последнем докладе МАГАТЭ, выпущенном в ноябре 2011 г., содержатся еще более убедительные (с точки зрения американских «ястребов») доказательства того, что Исламская Республика Иран выдержала санкции и саботаж и уже испытывает ядерные детонаторы и перепроектирует свои ракеты, с тем чтобы они могли нести ядерные заряды.

По оценке Института науки и международной безопасности, Иран, если пожелает, может произвести первый образец ядерного вооружения уже через полгода. Планы Тегерана разместить в течение 2012 г. стратегически важные и засекреченные ядерные исследования в безопасных местах еще больше снизят вероятность успешной военной операции. Если Иран выдворит инспекторов МАГАТЭ, начнет обогащать запасы

имеющегося урана до оружейного уровня в 90% или установит усовершенствованные центрифуги на объекте по обогащению урана в Куме, США должны немедленно нанести удар, в противном случае они упустят последнюю возможность помешать Тегерану вступить в клуб ядерных держав.

Другим аргументом, который используют сторонники нанесения удара по Ирану, является следующий. Ядерный Иран сразу же ограничит свободу действий американцев на Ближнем Востоке. Имея атомный потенциал, иранцы способны угрожать ядерной войной политическим или военным инициативам США на Ближнем Востоке, вынуждая Вашингтон тщательнее обдумывать каждый шаг. Региональные соперники Ирана, такие как Саудовская Аравия, вероятно, решат обзавестись собственным арсеналом, а это даст старт гонке вооружений. Для сдерживания геополитических соперников Тегеран может принять решение о передаче ядерных технологий своим союзникам — как другим государствам, так и террористическим группировкам.

Имея в своем распоряжении атомную бомбу, Иран будет располагать более надежным прикрытием для традиционной агрессии и силовой дипломатии. Это чревато, например, эскалацией противостояния проиранских террористических группировок с Израилем. Чтобы отвести иранскую угрозу, Соединенным Штатам придется разместить военно-морские и наземные соединения и, быть может, даже ядерное оружие на Ближнем Востоке и при этом держать в регионе значительные силы в течение грядущих десятилетий. Помимо регулярных войск американцы будут вынуждены развернуть здесь значительные разведывательные мощности для мониторинга любых попыток Ирана передать ядерную технологию.

Таким образом, сдерживание ядерного Тегерана потребует от США осуществления серьезных политических и военных инвестиций на Ближнем Востоке в условиях экономи-

ческого кризиса, и это в то время, когда они стремятся вывести свои войска из региона. Сдерживание будет означать колоссальные экономические и геополитические издержки для Соединенных Штатов.

Однако существуют серьезные препятствия для проведения военной операции против ИРИ. Если США удастся обнаружить все иранские ядерные предприятия, их уничтожение может оказаться чрезвычайно трудным делом. Критики вооруженного нападения утверждают, что ядерные объекты рассредоточены по всей территории страны, находятся глубоко под землей в специально защищенных от атаки бункерах. Кроме того, они со всех сторон окружены средствами ПВО, что крайне затруднит налет и сделает его опасным. К тому же Иран умышленно размещает некоторые ядерные установки в непосредственной близости от населенных пунктов.

Даже если удар усилит позиции сторонников жесткой линии внутри руководства ИРИ, исход внутривосточной борьбы в Иране, считают эти эксперты, должен быть для США менее значимым, чем жизненно важные интересы обеспечения собственной национальной безопасности и предотвращение появления у Ирана ядерного оружия.

Американские «ястребы» исходят из того, что перспектива сдерживания Исламской Республики Иран, оснащенной ядерным оружием, может стать чрезвычайно дорогостоящим проектом, растянутым на несколько десятилетий и с высокими рисками для национальной безопасности США.

Соединенные Штаты назвали условия, при которых война с Ираном станет неизбежной. Глава Пентагона Л. Панетта предупредил в январе 2012 г., что по ИРИ будет нанесен удар, если Тегеран непосредственно приступит к созданию ядерной бомбы, а также в случае перекрытия иранцами Ормузского пролива.

Тем не менее против применения военной силы в отношении Ирана высказываются многие высокопоставленные чиновники администрации Б. Обамы.

Позиция России

Москва, формируя позицию по иранской атомной проблеме, исходит из того, что России важно не самоустраняться, а продолжать предотвращать силовой сценарий. Но в целом она исходит из того, что появление у Ирана ядерного оружия взорвет ДНЯО, который остается краеугольным камнем международной безопасности. Благодаря ДНЯО Москва имеет исключительное положение в качестве члена «ядерной пятерки» [11].

В сфере российско-иранских отношений существует немало серьезных проблем. Ни российские политики, ни крупный российский бизнес не стремятся вплотную работать с ИРИ: разговоры о «близких отношениях» двух стран во многом миф. Иран не раз обманывал Россию, умалчивая о своих ядерных объектах и исследованиях двойного характера. Иранцы отказались от приглашения России сотрудничать по вопросу обогащения урана в международном центре в Ангарске. Иран также отказался от предложения по топливу для Тегеранского исследовательского реактора, изначально выработанного при активном вовлечении России.

Со своей стороны Россия неоднократно подводила ИРИ: затягивала строительство Бушерской АЭС, не продала современные противоракетные системы. Не поддержала Тегеран с его запросом вступить в ШОС. Более того, РФ голосовала за все четыре резолюции Совета Безопасности ООН о санкциях против Ирана.

России далеко не всегда понятно, как и кем принимаются решения в Тегеране. Со своей стороны Иран сомневается в

том, что Москва не делится частью полученной от него конфиденциальной информации с Вашингтоном и Тель-Авивом. В 2010 г. в Совбезе ООН санкции прописывались таким образом, что не затрагивали права России на поставки Ирану оборонительных комплексов, в частности С-300 или С-400. Однако президент Дм. Медведев своим указом решил, что Россия должна воздержаться от таких поставок.

В последнее время между Москвой и Тегераном неоднократно возникали проблемы в дипломатической сфере. Но это не помешало России выступить с «планом Лаврова» по Ирану, основанным на «поэтапности и взаимности». Однако в ноябре 2011 г. был обнародован доклад МАГАТЭ, принятие которого, как рассчитывали в Тегеране, Москва просто обязана была заблокировать.

Россия не может смотреть на Иран как на своего серьезного и долгосрочного партнера в регионе — не на декларативном уровне, а на уровне действий. Такие попытки периодически происходят, но то и дело прерываются, по видимому, из-за ложной боязни испортить отношения с американцами.

В условиях нагнетания турбулентности, имеющего целью психологическое давление на Тегеран, Россия стоит на том, что все возможные санкции по пресечению доступа Тегерана к ядерным и ракетным технологиям уже приняты и действуют. Ни США, ни Евросоюз не вняли настоятельным пожеланиям России не вводить санкции вне Совета Безопасности ООН.

Ряд российских экспертов предлагают Кремлю скорректировать свою позицию по ИРИ. Так, в условиях, когда Ирану прямо угрожают ракетными ударами, Россия могла бы помочь ему укрепить обороноспособность поставками средств ПВО (при условии, что они не будут передаваться третьей стороне).

Далее, в свое время Россия не поддержала заявку Ирана на вступление в ШОС; причем было решено, не принимать в эту организацию государства, находящиеся под санкциями Совета Безопасности ООН.

В Москве высказывается идея, что можно (пока неформально) обсудить вопрос: не устарел ли механизм «шестерки» (США, РФ, КНР, ЕС в лице ФРГ, Франции и Великобритании), в рамках которого сейчас в основном обсуждается иранская ядерная программа и другие вопросы по Ирану. В переговорах с последним вместо «шестерки» можно было бы использовать уже имеющийся формат БРИКС. Здесь помимо России присутствуют представленный, как и она, в «шестерке» Китай, ранее участвовавшая в диалоге с Ираном Бразилия и поддерживающая диалог с Ираном Южная Африка. Индия в последнее время является оппонентом ИРИ, но в этом качестве она и может быть полезна, особенно учитывая ее близкие связи с США в сочетании с традиционно взвешенной линией в международных делах.

Предлагается также, что Москве следует плотнее, чем сейчас, вести двусторонний диалог с Пекином по иранской проблематике. При этом помнить, что у КНР имеются собственные интересы, которые могут и не совпадать с российскими. Так, Пекин успешно диверсифицирует источники импорта углеводородов и его энергетические потребности в Иране скоро могут быть замещены поставками из Саудовской Аравии.

Высказывается также мысль, что более продуктивной, чем БРИКС, могла бы стать группа по диалогу с Ираном, которую создали бы Россия и Турция. В нее могли бы войти те же Бразилия, Южная Африка, а также такие авторитетные (в мире и в Иране) игроки в вопросах ядерного нераспространения, как Казахстан, Индонезия и другие. Эксперты заключают, что при активном участии России эта группа могла бы

предоставить, как минимум, эффективное обеспечение первого, самого срочного шага по решению иранского ядерного вопроса — прозрачности ядерной программы ИРИ.

В целом, как единодушно считают российские специалисты, соскальзывание ситуации к войне или эскалации напряженности вокруг Ирана не отвечает интересам России.

Позиция ЕС

На заседании в Брюсселе в конце января т. г. главы МИД 27 стран Евросоюза утвердили решение о введении эмбарго на поставки нефти из Ирана и об ограничении взаимодействия с Центробанком ИРИ. С помощью санкций объединенная Европа пыталась заставить Тегеран отказаться от ядерной программы. Новым пакетом санкций предусмотрен незамедлительный запрет странам ЕС заключать любые контракты с Ираном в нефтяном секторе. На первом этапе были свернуты поставки иранских нефтепродуктов в Европу, а летом 2012 г. полностью прекратился импорт сырой нефти. За это время члены ЕС переориентировались на закупку нефти в других странах-производителях [12].

При этом государства ЕС не намерены полностью прерывать связи с Центробанком ИРИ. Против полного запрета выступила Германия, которой Иран задолжал 2,6 млрд евро. Брюссель требует от Тегерана «немедленного начала конструктивного диалога» о прекращении обогащения урана и о гарантировании мирного характера ядерной программы. В ЕС надеются, что нефтяное эмбарго лишит Тегеран части средств, направляемых на ядерные разработки, и сделает более уступчивым на переговорах с «шестеркой» (пятью постоянными членами СБ ООН и Германией).

Как делают вывод наблюдатели, увязшая в экономических проблемах Европа, не признаваясь в этом, по сути, само-

устраняется от решения иранского вопроса. ЕС импортирует около 20% иранской нефти. Великобритания не покупает иранскую нефть, а доля Ирана во французском нефтяном импорте в прошлом году составила лишь 3%. Основная доля европейских закупок — 68% — приходится на Грецию, Италию и Испанию. Иран в ответ на санкции ЕС ввел жесткие меры в отношении продажи нефти в сам Евросоюз.

Франция разделяет идею максимального нажима на Иран. Это немаловажный плюс для США. Но добиться единства рядов в Европейском Союзе Вашингтону вряд ли удастся. Большинство из европейских политиков исходят из того, что состояние мировой экономики и финансов, кризис еврозоны исключают возможность силовых акций, которые способны взвинтить цены на энергоносители, истощить бюджеты на непроизводительные расходы, замедляя темпы экономического восстановления.

Позиция Саудовской Аравии

Саудовская Аравия уже начала подготовку к операции по лишению Ирана нефтедолларов. Сокращение экспорта вкупе с возможным падением цены (а его прогнозируют многие экономисты, указывая неизбежность рецессии в еврозоне, США и экспортно-ориентированных экономиках Азии) может подкосить иранский режим. При этом игроки на сырьевых биржах США, которые во многом определяют мировую цену на нефть с помощью фьючерсных контрактов на поставки «черного золота», могут помочь в реализации этого плана.

Турки аль-Фейсал предложил Западу победить Иран силой нефтяных цен в обмен на признание независимости Палестины. Вашингтон вполне может поддержать такой план. Однако остается одна проблема. Принц Турции аль-Фейсал

требует за свою услугу крайне высокую цену — признание независимости Палестины. Он также дал понять Вашингтону, что, как и в случае с Бахрейном, Саудовская Аравия будет проводить политику, противоречащую политике США, включая противодействие правительству Нури аль-Малики в Ираке. Пути саудовского правительства и Америки могут разойтись также в Афганистане и Йемене.

Требования Турции аль-Фейсала укладываются в стратегию Эр-Рияда по укреплению своего влияния в арабском мире. Причем Саудовская Аравия наверняка не сможет собственными силами деблокировать пролив и выдержать прямое столкновение с иранскими вооруженными силами.

Саудовская правящая элита понимает, что унижить и разорить Иран войной с помощью Запада можно, но стать героем арабской улицы в союзе с США и Израилем невозможно. Но именно контроль над арабской улицей является целью Эр-Рияда для наращивания своего влияния в условиях «арабской весны».

Для Саудовской Аравии, Катара, Арабских Эмиратов и других монархий в случае с Ираном речь идет о региональном доминировании. Для Америки ситуация двойственная. Складывается коалиция в неожиданном составе — саудиты и их союзники, Израиль, США. Все заинтересованы закрыть иранский вопрос. Но Вашингтон рискует втянуться в сложную и опасную региональную интригу вокруг Ирана, тон в которой задают ведущие арабские страны, прежде всего богатые консервативные монархии.

Планы Израиля

Официальная позиция Израиля состоит в том, что Тель-Авив не готов признать независимость Палестины, но готов атаковать Иран без поддержки США.

В середине января 2012 г. начальник Объединенного комитета начальников штабов США М. Демпси срочно отправился в Израиль. Этот визит являлся частью процесса координации позиций Вашингтона и Тель-Авива по вопросу Ирана. Американцы пытались выяснить намерения правительства Израиля в отношении возможного удара по ИРИ. За несколько дней до этого визита Б. Обама лично позвонил премьеру Б. Нетаньяху и потребовал от него четко обозначить намерения Тель-Авива насчет Тегерана.

Многие эксперты считают, что настоящей движущей силой антииранской кампании является именно премьер-министр Нетаньяху. Он, конечно, не может не понимать, что его стратегия превентивного удара по Ирану несовместима с саудовской стратегией нефтяного оружия. Однако, скорее всего, жесткая позиция в отношении военного вмешательства в иранский кризис — вполне осознанный расчет. Это защитный механизм против выполнения главного требования саудовцев — признания независимого Палестинского государства в границах 1967 г. и переговоров с ним на основе арабской инициативы 2002 г.

С тех пор, как президент США заговорил о возвращении Израиля к границам 1967 г., израильская элита не особо доверяет ему. Согласно утечкам в израильской прессе, теперь, если Израиль решит напасть на Иран, американцам сообщат об этом лишь за 12 часов до удара из опасения, что США попробуют предотвратить атаку.

В конце февраля появились слухи о возможном присоединении Азербайджана к антииранскому фронту. Он планирует закупить у Израиля крупную партию беспилотных самолетов-разведчиков, а также системы противоракетной и противовоздушной обороны. Общая стоимость сделки — 1,6 млрд долларов. В Израиле упорно отрицают связь между очередным витком напряженности в Персидском заливе и

военными поставками Азербайджану. Информация о сделке породила волну спекуляций о том, что последний может стать частью антииранского фронта, который создают США и их союзники, чтобы противостоять региональным и ядерным амбициям ИРИ.

Интересы Ирана

У нынешнего руководства Ирана имеется *четыре круга* ключевых и связанных между собой стратегических задач, которые оно последовательно решает или пытается решить.

Первый круг интересов связан с внутривосточной устойчивостью. До последнего времени Иран оставался одним из наиболее демократических государств Ближнего Востока. Парламентские и президентские выборы в сочетании со сложной многоуровневой системой принятия решений делают систему потенциально уязвимой. Поэтому иранский режим крайне болезненно реагирует на подкармливание оппозиции извне. В этой связи у иранского руководства нет никаких причин начинать широкий диалог с Соединенными Штатами, поскольку те своей конечной целью (по крайней мере, как это видится в Тегеране) ставят демонтаж правящего режима, а раскручивание «ядерного вопроса» — это лишь метод для смены власти.

Вторая группа задач связана с технологическим прогрессом и самодостаточностью. Иран считает принципиально важным обладать собственными передовыми технологиями, так как только они обеспечат независимость, самодостаточность и свободу рук.

Третий круг интересов связан с обеспечением внешней безопасности и минимизацией риска вооруженных конфликтов по периметру границ и извне.

Наконец, *четвертый круг* связан с экспансией влияния в регионе, утверждением в качестве региональной сверхдержавы и магнита притяжения для всех мусульман Ближнего Востока, вне зависимости от того, сунниты они или шииты. Однако иранские региональные амбиции должны быть вписаны в реальный (а не сочиненный Тегераном) ближневосточный контекст.

Таким образом, блеф вокруг собственной атомной программы помогает Тегерану решать данные задачи. Тем не менее, как отмечают наблюдатели, у Ирана отсутствует не только ядерное оружие, но и политическое решение о его создании (такой гипотезы придерживается большинство международных экспертов, занимающихся ядерным нераспространением). Однако остается фактом, что Иран сначала строит ядерные объекты, а лишь потом сообщает о них в МАГАТЭ.

Сегодня для обеспечения своих стратегических задач иранскому руководству ядерное оружие не нужно. Потому что среди них нет задачи нападения на США, Израиль и, главное — нет задачи самоубийства режима.

В Иране рассчитывают на то, что принятие международных санкций в стенах Совета Безопасности ООН будет заблокировано Китаем, а на ведение очередной войны без санкции Совбеза США вряд ли пойдут.

Угроза перекрытия Ормузского залива, скорее всего, так и останется угрозой. Но в любом случае, ядерная программа — абсолютный приоритет иранских властей.

Возможный сценарий развития событий

Вплоть до начала 2012 г. казалось, что США не найдут эффективного решения иранской дилеммы. Однако в январе начал вырисовываться реальный сценарий, который поддержи-

вается «ястребами» в Вашингтоне, Брюсселе и Тель-Авиве. Существует вероятность того, что они все же могут начать войну с Ираном, но войну не наступательную, а «оборонительную». В случае реализации этого проекта США и их союзники будут выглядеть как защитники от иранской агрессии не только региона, но и всего мира. Актом агрессии, которую ожидают от Ирана, станет закрытие Ормузского пролива.

В начале 2012 г. антииранские силы в Вашингтоне, Брюсселе и на Ближнем Востоке, по всей видимости, нашли способ решить иранский вопрос. Вероятнее всего, они попытаются спровоцировать ИРИ на нападение или создать такую ситуацию, которая будет выглядеть как нападение. Необходимые условия для подобного развития появились после того, как Евросоюз принял эмбарго на импорт иранской нефти. Расчет строится на том, что в этом случае Иран должен реализовать свою угрозу по блокированию Ормузского пролива, что вызовет обострение отношений с восточноазиатскими союзниками и войну с арабскими соседями.

В ИРИ, скорее всего, понимают все последствия блокирования пролива. Однако угрозы уже озвучены, и если в Ормузском проливе при странных обстоятельствах (провокации Запада) подорвется какой-либо танкер, то вина Ирана будет для всех очевидной.

В конце января 2012 г. Вашингтон предпринял новую психологическую атаку на Иран. Было объявлено, что разрабатывается мощное оружие для разрушения подземных ядерных объектов. В Персидский залив направляется плавучая база для диверсионных операций.

Сценарий военной операции выглядит так. Вначале будет подавлена иранская система ПВО, выведены из строя радары. Имея базы в Ираке и Афганистане, американцы охватывают Иран со всех сторон, для проведения радиолокацион-

ной разведки у них идеальные условия. После подавления ПВО будут нанесены ракетно-бомбовые удары по ядерным объектам. Масштабная сухопутная операция практически исключена, возможны рейды диверсионных групп, но это маловероятно

В ходе воздушной операции главными мишенями должны стать предприятия по обогащению урана в Исфахане, тяжеловодный ядерный реактор в Араке и различные центрифуги для обогащения урана возле Натанза и Тегерана. Все они расположены на поверхности земли и крайне уязвимы для ударов с воздуха. Подземный объект в Натанзе также будет поражен — он хоть и находится в подземном бетонном бункере и окружен со всех сторон средствами ПВО, вряд ли уцелеет в случае попадания в него новой американской бомбы — 14-тонного массивного снаряда заглубляющегося типа, способного пробивать армированный бетон на глубину 60 м. Предприятие в Куме встроено в гору и, следовательно, представляет собой более трудную мишень. Но этот объект пока еще не введен в эксплуатацию и там немного ядерного оборудования. Если США будут действовать быстро, им не придется его уничтожать.

Вашингтон также смог бы ограничить потери среди мирного населения при любой операции. Самые важные атомные предприятия, такие как объект в Натанзе, построены вдали от густонаселенных территорий. Что касается менее существенных объектов, расположенных вблизи населенных пунктов, как, например, центрифуги по обогащению урана, то высокоточные управляемые ракеты могли бы поразить конкретные здания и при этом оставить нетронутыми соседние строения.

Американские аналитики предлагают: чтобы успокоить Тегеран, Соединенные Штаты могли бы для начала разъяснить, что заинтересованы только в уничтожении ядерной

программы, но не в свержении правительства. Вашингтону стоит обозначить, какие виды ответных действий будут беспощадно подавлены огневой мощью. Речь идет, прежде всего, о попытке перекрыть Ормузский пролив, о нападении на страны Персидского залива, а также американские войска и корабли или о проведении терактов на территории США. Затем они говорят о том, что необходимо довести до сведения Ирана, где проходят «красные линии» во время и после удара по ядерным объектам. Также предлагается всячески избегать эскалации конфликта, даже если Иран в ходе ответных действий перейдет какую-либо «красную линию».

Подобный сценарий предполагает, что США нужно быть готовыми к символическим ответным ударам по американским базам и кораблям в регионе. Во избежание ненужных потерь, которые могли бы вынудить Белый дом прибегнуть к наращиванию боевых действий, необходимо эвакуировать незадействованный персонал с американских военных баз, находящихся в зоне поражения иранскими ракетами, и надежно укрыть войска в бункерах, чтобы сделать их неуязвимыми для ответных действий.

Эксперты в Пентагоне считают, что Вашингтон вполне может удерживать конфронтацию в определенных рамках. В начале силовой акции мишенью должны стать иранские вооружения, которые представляют наибольшую опасность. Это не позволит Ирану развернуть их.

Вашингтон также в состоянии уменьшить негативные политические последствия, заранее заручившись всемирной поддержкой. Предполагается, что арабские государства конфиденциально поблагодарят Вашингтон за устранение иранской угрозы. Добившись подобного единодушия перед операцией, Соединенные Штаты могли бы избежать международного кризиса и ограничить масштабы конфликта. Аналитики уверены, что израильский удар по ядерным объектам

Ирана будет менее эффективным, чем американские бомбардировки.

Американские аналитики (во многом беспочвенно) уверены: после того как вся ядерная инфраструктура превратится в руины, вряд ли Ирану удастся возобновить развитие ядерной программы. Таким образом, заключают они, военная акция заморозит иранскую ядерную программу на несколько лет или десятилетие, а быть может, на более длительное время.

Вероятные последствия конфликта

Нападение на Иран может повлечь разрушительные последствия для международной безопасности, мировой экономики, иранской внутренней политики, и со всеми этими факторами необходимо считаться. Как отмечают критики, военные действия США способны разжечь полномасштабную войну на Ближнем Востоке. Конечно, Тегеран ведет себя провокационно, например, объявляя о скором пуске нового завода по обогащению урана, чем раздражает всех, включая и традиционно сдержанную Россию.

Иран может ответить на вторжение американских или союзнических войск и нанести ракетный удар по военным объектам или гражданскому населению в странах Персидского залива или даже Европы. Израиль, как и другие государства, возможно, окажется втянутым в вооруженное противостояние, что побудит США к эскалации конфликта в качестве ответной меры.

Иран может поразить территорию Израиля, военные базы США в регионе и нефтяные промыслы в Персидском заливе. Для американских кораблей иранские баллистические ракеты угрозы не представляют. Ее представляют небольшие быстроходные катера с взрывчаткой на борту и экипажем, состоящим из шахидов-смертников.

Вполне вероятно, что в условиях спиралевидного роста насилия стороны не увидят пути выхода из боевых действий, что приведет к длительной, кровопролитной и опустошительной войне, которая пошатнет позиции США в мусульманском мире.

В качестве ответной меры Иран предпримет попытку перекрыть Ормузский пролив, через который проходит более 20% нефти, поставляемой в разные страны мира. Даже если Тегеран не реализует угрозы, спекулянты, боясь возможных перебоев с поставками, поднимут цены на нефть, что вызовет более разрушительный по своим последствиям экономический кризис в тот момент, когда весь мир изо всех сил старается преодолеть рецессию в экономике.

Как считают американские аналитики, правительству США следовало бы смягчить экономические последствия удара. Например, оно могло бы не допустить срыва поставок нефти, вскрыв свой стратегический нефтяной резерв, и негласно договориться со странами Персидского залива об увеличении нефтедобычи накануне авиационного удара.

Но даже если Соединенным Штатам удастся ликвидировать ядерные установки Ирана и смягчить последствия удара, нет гарантий того, что по прошествии какого-то времени Тегеран не попытается заново отстроить объекты. Желание Ирана приобрести собственные ядерные технологии может даже усилиться, потому что руководство ИРИ захочет иметь оружие возмездия или просто надежную защиту на будущее.

Далее, военная операция усилит позиции «ястребов» в правительстве Ирана, поможет им сплотить население вокруг нынешнего режима и избавиться от сторонников реформ. Иран, как считают многие, развернул в Азии масштабную кампанию террора против израильских граждан и инте-

ресов еврейского государства. Пока жертвой этой кампании стали в первую очередь отношения Ирана с его немногочисленными союзниками.

С другой стороны, в случае успешного проведения операции у других стран региона пропадет желание начинать собственные атомные программы. В более широком смысле эта операция укрепит режим нераспространения ядерного оружия, поскольку Америка убедительно продемонстрирует, что будет и впредь применять военную силу для недопущения расползания ядерной угрозы. Она также сможет предотвратить израильскую операцию против Ирана.

Тем не менее в регионе Персидского залива войны с Ираном опасаются. Она не выгодна Объединенным Арабским Эмиратам, которые хотя и имеют нерешенный территориальный спор с Ираном, но выигрывают от торговли с ним. Она также не выгодна Оману, располагающему своей нефтяной инфраструктурой в Ормузском проливе и проводящему самостоятельную внешнюю политику. Она страшит Бахрейн, чья правящая семья держится у власти благодаря саудовской и американской военной помощи против воли шиитского большинства и может стать первой жертвой иранских «асимметричных действий». Скорее всего, не останется в стороне от военных действий Катар.

При этом находящийся на восточных границах Ирана Пакистан уже публично отказался помогать США. В Исламабаде не хотят ради проблемного бывшего союзника ссориться со своим потенциальным партнером и другом своего ближайшего нынешнего союзника — Китая. Находящийся к северу от Ирана Азербайджан тоже не спешит активно вмешиваться в ирано-американскую игру.

Эксперты утверждают, что нефтяные санкции не будут иметь критического значения без поддержки со стороны азиатских государств. Китай и Индия, занимающие соот-

ветственно первое (20%) и третье (16%) места в списке импортеров иранской нефти, уже заявили, что будут и дальше ее покупать вне зависимости от каких бы то ни было санкций. Находящаяся на втором месте (17%) Япония формально санкции одобрила, однако в Токио, по данным аналитического центра Stratfor, до сих пор не принято никаких планов по сокращению поставок или поиска альтернативных поставщиков.

Как уверены некоторые специалисты, Тегеран в любом случае замкнет ядерный топливный цикл (ЯТЦ), даже после израильских бомбардировок и уничтожения некоторых ядерных объектов. Но в случае бомбардировок Иран неизбежно проведет корректировку своей военно-стратегической линии.

Как отмечают некоторые эксперты, напряженность вокруг Ирана будет сохраняться: она нужна всем геополитическим акторам для внутривосточных целей: США — для предвыборной кампании, Западной Европе — в связи с долговым кризисом, России — чтобы поддерживать цены на нефть.

Крупные поставки иранской нефти идут в Индию. Причем, судя по сообщениям агентства, Дели договорился с Тегераном о расплате продуктами питания за нефть. Индия и Иран решили на двусторонней встрече вести расчеты в торговле не в международной валюте, а в рупиях.

Прогнозы развития ситуации

Сегодня Иран подошел к созданию самостоятельной национальной ядерной энергетики, заявляя о том, что будет стремиться к освоению ее полного цикла. В течение многих лет Иран осуществлял незаявленную деятельность в ядерной области, в том числе скрытно закупал, приобретал и

разрабатывал технологии двойного (мирного и военного) использования в нарушение своих обязательств по Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и Соглашению о гарантиях с Международным агентством по атомной энергии (МАГАТЭ). Такое поведение породило у многих стран недоверие к целям ядерной программы Ирана и в конечном счете — нынешний кризис.

В ближайшее время вполне вероятно, что Иран станет новой ядерной державой. ИРИ развивает космические, ракетные технологии, занимается гонкой вооружений и ведет достаточно агрессивную внешнюю политику в Персидском заливе, Восточном Средиземноморье, на Среднем Востоке. Таким образом, совсем скоро стоит ожидать ужесточения внешней политики Исламской Республики Иран, которое не только похоронит планы Б. Обамы по «вовлечению Тегерана», но и вызовет серьезный конфликт в регионе.

Практически все политические и клерикальные группировки внутри страны поддерживают идею развития ядерной энергетики как важнейшего элемента технико-научной модернизации. Вместе с тем часть элиты готова пожертвовать ядерными амбициями, считая, что наиболее оптимальным для сохранения исламского режима является не развитие ядерной составляющей военного потенциала, а укрепление экономической мощи за счет нормализации отношений с Европой и США, без чего осуществление модернизации экономики маловероятно.

Соединенные Штаты, прежде всего, решают проблему глобального масштаба. Ядерный Иран будет означать серьезный удар по престижу Вашингтона, который полтора десятилетия обещает не допустить этого. Таким образом, очевидно, что Вашингтон активизировал подготовку силовой акции (все подготовительные меры завершены). На принятие стратегического решения о военной операции против ИРИ вли-

яют несколько внутривнутриполитических и внешнеполитических факторов.

В настоящее время администрации Б. Обамы невыгодно в год выборов начинать еще одну крупномасштабную и дорогостоящую операцию. Однако ситуация может измениться во второй половине года: в случае падения рейтинга Б. Обамы и лидерования республиканского кандидата встанет вопрос об «успешной кампании» против Ирана, которая помогла бы одержать победу на выборах демократам. Эксперты считают, что в разгар избирательной кампании администрация Б. Обамы не заинтересована в военном конфликте с Тегераном. Америку пугают чрезмерные действия (убийство в Тегеране ученого-ядерщика М.А. Рошана), проявляемые Израилем в противостоянии с Ираном.

Внешнеполитический фактор — уход США из Ирака и Афганистана, попытка примирения, пусть внешнего, с талибами — все это выглядит как выравнивание фронта. В последнем случае снижается уровень конфронтации с одной из наиболее радикальных и опасных сил в регионе, крайне чувствительном для США в случае проведения операции против Ирана. В этом же ряду следует рассматривать и замирение с другими бывшими врагами США на Ближнем Востоке, например смягчение позиции в отношении «Братьев-мусульман» и даже салафитской партии Египта «Ан-Нур». Радикальные программы этих партий (в частности, лишаящие женщин и христиан права на руководящие должности) оставляют США, на удивление, равнодушными. Но, взяв под контроль Иран, США смогут с гораздо большей уверенностью в своих ресурсах вернуться к обустройству Ближнего Востока.

При этом в Вашингтоне считают, что в Дамаске должно сидеть лояльное и послушное США правительство — стратегически важное обстоятельство в случае войны с Ираном. Давление на Сирию со стороны США будет наращиваться.

Мешает этому Россия и отчасти Китай. Слишком ссориться с Москвой Соединенные Штаты не планируют, но эти издержки можно поправить в будущем. В частности, пересмотреть позицию по ПРО и что-нибудь пообещать.

Однако речь не идет о сиюминутных тактических планах Вашингтона. В глазах американских стратегов Иран стремительно превращается в регионе из маргинальной силы в доминирующую. Он приготовился к отступлению Соединенных Штатов из Ирака и Афганистана. Очевидно, что Тегеран будет иметь огромное влияние в Багдаде. Оно станет усиливаться по мере отступления США. Таким образом, стратегической целью Вашингтона (вне зависимости от иранской атомной программы) является «сдерживание» ИРИ.

По мнению аналитиков Stratfor, у Израиля (главного адвоката подобного удара) действительно недостаточно сил для того, чтобы уничтожить все объекты иранской ядерной программы, не говоря уже о том, чтобы нейтрализовать вооруженные силы Ирана и не дать им нанести ответный удар. По всей видимости, провести превентивную операцию с гарантированным отсутствием ответного удара не могут даже американцы. А ответный удар Тегерана по США и их союзникам в регионе (в частности, по саудовским нефтеперерабатывающим заводам) будет иметь для Вашингтона серьезные экономические и имиджевые последствия. В результате шансы Б. Обамы на переизбрание попросту утонут в Персидском заливе. В этой ситуации все, что остается США и Израилю, — это проводить точечные спецоперации.

Пентагон пришел к выводу, что самая мощная бомба, находящаяся в его распоряжении, не способна уничтожить подземные ядерные заводы в Иране. Эта бомба весом в 30 тыс. фунтов, именуемая прессой «сокрушителем бункеров», была специально сконструирована для того, чтобы пробивать гор-

ную породу и фортификационные заграждения, призванные защитить предприятия иранского атомного комплекса.

И, наконец, президент США Б. Обама в своем Послании о положении страны сказал, что по иранскому вопросу «никакие опции со стола не убраны». То есть остается шанс, что США не прибегнут к силовой акции против Ирана.

В своем отношении к иранскому кризису Казахстан должен исходить из существующих императивов, которые лежат в основе многих международных планов по урегулированию ситуации. Существует ряд первостепенных и очевидных требований к Тегерану, которые уже неоднократно озвучивались союзниками РК (в первую очередь Россией), а также авторитетными международными организациями (прежде всего МАГАТЭ). Данные требования включают в себя следующие шаги.

Первым шагом к решению иранского ядерного вопроса должно стать широкое, без пререканий сотрудничество Ирана с МАГАТЭ.

Вторым шагом могло бы стать снятие требований к Ирану об отказе от обогащения урана, что (по мнению специалистов) нереалистично.

Третьим шагом должна стать резолюция Совета Безопасности ООН о недопустимости применения силы или угрозы применения силы (включая и кибератаки) против любых атомных объектов Ближнего Востока, находящихся под гарантиями МАГАТЭ либо продемонстрированных инспекторам МАГАТЭ по их запросу, как построенных, так и находящихся в процессе строительства, а также против персонала этих объектов. Эта резолюция должна быть принята до начала работы Международной конференции по вопросам зоны, свободной от ОМУ (ЗСОМУ) на Ближнем Востоке, которая запланирована на конец 2012 г. в Хельсинки. Иначе участие Ирана в этой важной конференции окажется под вопросом.

Четвертым шагом должно быть добровольное решение Ирана о временном замораживании уровня обогащения урана, а также замораживании на нынешнем уровне количества центрифуг, отказ от введения в каскады новых центрифуг, создания новых каскадов, запуска вращающихся (но пока без газа) центрифуг.

Пятым шагом должно быть решение СБ ООН о временном приостановлении действия санкций в отношении Ирана, при условии удовлетворительного сотрудничества между Ираном и МАГАТЭ (такой подход предлагают сейчас некоторые европейские эксперты); а при закрытии вопросов «иранского файла» МАГАТЭ — и полная отмена санкций.

Шестым шагом должно быть формирование климата доверия в регионе Персидского залива и по возможности всего Ближнего Востока в вопросах ядерной безопасности.

Наконец, *седьмым* шагом должно стать начало регионального ближневосточного диалога по всему комплексу ядерных вопросов: от формирования зоны, свободной от ядерного и других видов ОМУ на Ближнем Востоке (с участием всех арабских государств, Ирана и Израиля) до формирования «ближневосточного МАГАТЭ» по примеру Евратома.

1.3. Иран в политике КНР

Политика КНР в отношении Ирана, как и в отношении других регионов мира, достаточно прагматична и определяется несколькими базовыми интересами.

Во-первых, Иран выступает важным элементом системы энергетической безопасности Китая. Он занимает третье место в списке крупнейших поставщиков энергоносителей в Китай после Анголы (734 тыс. барр. в день) и Саудовской Аравии (718 тыс.). По данным на июнь 2011 г., Китай импортировал 22% (506 тыс.) экспортируемой Ираном нефти,

а иранская нефть составляла 11% в китайском импорте сырой нефти. По итогам 2011 г. импорт иранской нефти в Китай составил 27,7 млн т (приблизительно 557 тыс. барр. в сутки).

Во-вторых, Китай является одним из крупнейших инвесторов в экономику Ирана*, в особенности в нефтегазовый сектор. С 2001 г. компания Sinopet разрабатывает нефтяное месторождение Заварех-каншане, в декабре 2007 г. она подписала контракт (2 млрд долл.) на разработку месторождения Ядавран, в июне 2009 г. — контракт (20 млн) на разработку месторождения Гармсар. Другая китайская компания — CNPC в январе 2009 г. подписала контракт (1,75 млрд) на разработку нефтяного месторождения Северный Азадеган, а в феврале 2009 г. — контракт (4,7 млрд) на разработку 11-го блока газового месторождения Южный Парс. Ведутся переговоры относительно перспектив участия китайских компаний в разработке газового месторождения Северный Парс (с последующей закупкой произведенного сырья), а также ранее обещанного индийцам 12-го блока месторождения Южный Парс.

Кроме разработки нефтегазовых месторождений КНР активно участвует в модернизации нефтегазовой промышленности Ирана. В июле 2006 г. Sinopet подписала контракт (956 млн долл.) на модернизацию НПЗ «Арак». В августе 2009 г. КНР приняла решение об участии в проектах стоимостью 3 млрд долларов по модернизации иранских НПЗ (включая НПЗ в Абадане); в сентябре 2009 г. Sinopet и CNPC подписали с иранской стороной контракт (4 млрд) на повышение производительности иранских нефтяных полей, а в ноябре 2009 г. Sinopet подписала предварительное соглашение на предоставление 6,5 млрд долларов для финансирования еще

* Всего, по некоторым данным, с 2005 по 2010 г. между КНР и ИРИ было подписано инвестиционных контрактов на сумму 120 млрд долларов.

ряда проектов по развитию нефтеперерабатывающей промышленности ИРИ*.

Помимо этого в сентябре 2009 г. консорциум китайских компаний подписал контракт стоимостью 2,2 млрд долларов на производство морских и наземных буровых установок и строительство в Иране морских сооружений. Рассматривается вопрос об участии Китая в развитии трубопроводной инфраструктуры Ирана, и в частности, в реализации проекта газопровода «Мир» (Иран — Пакистан — Индия)**.

В-третьих, Иран как крупный региональный транспортный узел представляет отдельный интерес для Китая. В 2003 г. Пекин и Тегеран подписали «Протокол о взаимодействии в транспортной сфере», который предполагает строительство китайскими специалистами на иранской территории аэропортов, автодорог, железных дорог и портовых сооружений. Речь идет о развитии портов Чабахар и Бендер-Хомейни, строительстве шоссе Тегеран — Север (260 млн долл.), расширении сети тегеранского метро и строительстве линии метро в Исфагане, Мешхеде и Тебризе. Кроме того, предусматривается сооружение плотин (китайцами выражена готовность инвестировать до 800 млн долларов в строительство пяти плотин), строительство ГЭС и ТЭЦ***, а также производство строительных материалов.

В мае 2009 г. на совместной ирано-китайской встрече по экономическим вопросам в Тегеране был заключен ряд кон-

* В июле 2009 г. Иран обратился к КНР с пакетом инвестиционных предложений на сумму 48,2 млрд долларов. Все инициативы непосредственно касались энергетического сектора ИРИ и, в частности, предполагали создание семи новых НПЗ.

** Перспективы его сооружения пока неясны ввиду активного противодействия со стороны Вашингтона и отсутствия у Пакистана финансовых средств. Кроме этого Тегеран не хочет отвечать за безопасность транспортировки газа вне собственной территории, поэтому настаивает на оплате газа при пересечении ирано-пакистанской границы.

*** Китайские компании уже построили в ИРИ две ГЭС — «Талеган» и «Мулла Садра», а также победили в конкурсе на строительство ГЭС «Рудбар». Для реализации этих проектов КНР открыла кредитную линию в размере 1 млрд долларов.

трактов на общую сумму 17 млрд долл., предусматривающих участие КНР в развитии строительного сектора и железных дорог. В частности, Пекин предложил Тегерану принять участие в реализации проекта железной дороги Китай — Казахстан — Узбекистан — Туркменистан — ИРИ*. В июне 2010 г. министр транспорта Ирана Х. Бехбехани во время встречи со своим китайским коллегой Лю Чжицзюном выступил со встречным предложением по созданию с участием Ирана транспортной сети, связующей КНР с Европой.

Одновременно с этим ведутся широкомасштабные поставки в Иран китайских грузовых автомобилей и микроавтобусов. Только компания China National Heavy Truck Corporation в 2006 г. поставила в ИРИ 10 тыс. автомобилей большой грузоподъемностью и подписала с иранской компанией Iran Khodro Diesel контракт на сборку своих грузовиков уже на иранской территории. А китайская компания South East (Fujian) Motor Co. Ltd. поставила в ИРИ 8 тыс. микроавтобусов Soueast Delica. Кроме того, КНР подписан контракт на поставку 60 вагонов для метро в Мешхеде, а также контракт на совместное производство «народного автомобиля» стоимостью до 6 тыс. долларов.

В-четвертых, большой интерес для Китая представляет сотрудничество с Ираном в военно-технической области. Собственно, с этого сотрудничества и начинались китайско-иранские контакты в конце 1990-х — начале 2000-х гг., когда Иран выступал одним из основных импортеров китайского вооружения и военных технологий.

* По-видимому, речь идет о проекте строительства Трансказахстанской железнодорожной магистрали Китай — Иран с шириной колеи 1 435 мм, предложенном Казахстаном в 2005 г. По расчетам, объем инвестиций в данный проект должен составить 2 млрд долларов.

В 2005 г., когда этот вопрос обсуждался между представителями КНР и Казахстана, объем инвестиций в строительство только казахстанского участка китайская сторона оценила в 3,5 млрд долларов (казахстанская оценка — 2,5 млрд долл.). Согласно предварительного ТЭО проекта, протяженность магистрали на территории Казахстана должна составить 3 083 км, в Туркменистане — 770 км, в Иране — 70 км. Узбекистан в данном проекте не рассматривался.

В середине 2000 гг. активное китайско-иранское сотрудничество в военно-технической и ядерной сферах было свернуто. В 2006—2008 гг. Пекин поддержал введение против ИРИ санкций СБ ООН. Не способствуют сближению с Тегераном и усиливающиеся китайско-израильские отношения. Насущная потребность в них обусловлена сохранением эмбарго ЕС и США на экспорт вооружений в Китай, а также необходимостью Пекина восполнить недостаток современных военных технологий.

Тем не менее в апреле 2010 г. в СМИ появилась информация, что Китай открыл в Иране предприятие по производству ракет. Речь идет о противокорабельных ракетах Nasr-1, являющихся усовершенствованной версией китайской ракеты С-704*.

Особый интерес представляет китайско-иранское сотрудничество в космической сфере. Так, 2 декабря 2004 г. состоялся визит в Китай директора космического агентства ИРИ Х. Шафти. В рамках визита прошли его переговоры с руководством национального космического агентства КНР, а также было организовано посещение иранской делегацией ряда объектов аэрокосмической инфраструктуры Китая. По итогам переговоров между аэрокосмическими ведомствами двух стран был подписан меморандум о взаимопонимании, предусматривающий развитие сотрудничества в области космических технологий и научных исследований. Стороны подтвердили также намерения продолжить взаимодействие по реализации совместных международных космических программ. Итогом китайско-иранского сотрудничества в космической сфере стал запуск в сентябре 2008 г. с помощью

* Китайская ПКР С-704 впервые была продемонстрирована на авиашоу в китайском городе Чжухае в 2006 г. и практически сразу поставлена в Иран, где получила наименование «Nasr-1». Стрельбовые испытания ракеты Nasr-1 были выполнены в конце 2008 г. Эта ракета предназначена для установки на малых кораблях в целях поражения морских целей водоизмещением до 3 000 т.

китайской ракеты совместного искусственного спутника Земли Environment-1.

В-пятых, как и везде в мире, Китай активно развивает торговое сотрудничество с Ираном. Двусторонний китайско-иранский товарооборот вырос с 14,4 млрд долл. в 2006 г. до 21,2 млрд в 2009 г., превратив КНР в одного из ведущих торговых партнеров ИРИ. Доля китайских товаров в общем объеме иранского импорта за 2009 год составила 13% (7,9 млрд долл.), в 2010 г. товарооборот вырос до 29,4 млрд, а в 2011-м — до 42 млрд долларов. КНР является одним из главных поставщиков бензина для ИРИ. С сентября 2009 г. Пекин обеспечивает не менее трети иранских потребностей в его импорте. Еще от 30 до 40 тыс. баррелей бензина в сутки поставлялось китайцами в Иран через третьи страны.

Свое сотрудничество с Ираном Китай развивает в условиях жестких экономических и политических санкций, объявленных в отношении ИРИ, закрепленных как специальной резолюцией СБ ООН, так и введенных в одностороннем порядке США и странами Евросоюза. По мнению китайской стороны, взаимодействие КНР с ИРИ не означает нарушения резолюций ООН и, следовательно, не должно подпадать под действие санкций. Более того, Китай постоянно подчеркивает, что он выступает против того, чтобы «та или иная страна ставила свои законы выше международного права и вводила односторонние санкции против других стран».

Эта позиция КНР диктуется как экономическими интересами Китая в Иране, так и желанием политического руководства КНР повысить значимость Китая на международной арене, закрепить за ним роль лидера стран третьего мира, а также позиционировать его в качестве «ответственной державы». Именно с этим связан шестой интерес Китая к Ирану — интерес геополитический.

Отсюда же и избирательность КНР к режиму санкций в отношении Ирана. Пекин категорически против введения экономических и политических санкций, особенно в одностороннем порядке. Аргументация его позиции сводится к нескольким тезисам.

Во-первых, он считает, что экономические санкции против Ирана были выдвинуты США, а не по решению ООН. Китай является независимой страной и не будет слепо следовать за США, если только СБ ООН не примет решение по этому вопросу.

Во-вторых, ужесточение экономических санкций против Ирана лишь ухудшит ситуацию в Персидском заливе, повысит риск беспорядков, а также добавит неопределенных факторов глобальной экономике в условиях долговых кризисов в США и Европе и скрытого риска странам с развивающимися рынками.

В-третьих, участие в санкциях против Ирана нанесет серьезный удар по экономическим и стратегическим интересам Китая. Иран является важным импортером нефти КНР, экспортным рынком китайских товаров, капитала и оборудования, а также страной, где Китай осуществляет строительные проекты.

В-четвертых, многочисленные экономические санкции не способствуют достижению необходимых целей, наоборот, могут привести к серьезной гуманитарной катастрофе.

Тем не менее нельзя не обратить внимания и на тот факт, что, выступая против экономических и политических санкций в отношении Ирана, Китай активно использует их для собственной пользы. Как уже говорилось выше, его эти санкции ничуть не смущают. КНР наращивает сотрудничество с ИРИ и готов заменить китайскими те западные компании, которые отказываются работать в условиях введенных санкций. Так, например, произошло с 11-м блоком Южного Парса, от которого под давлением санкций отказалась Total.

Аналогичным образом складывается ситуация и с импортом иранской нефти. С одной стороны, Китай отвергает призывы США и ЕС к сокращению покупки иранской нефти, а с другой — в начале 2012 г. он не только почти вдвое сократил импорт, но и предпринял энергичные попытки по поиску альтернативы иранской нефти*.

Мотивы таких действий КНР достаточно прозрачны. Повидимому, Китай принуждает Иран, попавший в экономическую ловушку из-за санкций, к демпингу. Пекин является основным покупателем иранской нефти и терять такого клиента Ирану невыгодно. Другой вопрос, что на большое снижение цены последний вряд ли пойдет.

В ответ на ужесточение Западом санкций в отношении финансовых институтов Ирана стороны во взаиморасчетах начали использовать юани, что можно считать важным достижением китайской стороны. В начале мая 2012 г. МИД Ирана сообщил о том, что Китай начал оплачивать нефть, поставляемую из Ирана, в юанях. Вырученные с продажи нефти юани Иран использует для оплаты импорта товаров из КНР.

Что касается режима санкций в отношении иранской ядерной программы, в этом вопросе Китай стремится позиционировать себя как «ответственная держава». Он солидарен с общей точкой зрения, согласно которой создание Ираном ядерного оружия является неприемлемым, но работы над мирным использованием атомной энергии должны быть продолжены под контролем МАГАТЭ.

Как следствие, Китай достаточно сдержанно относится к введению в отношении ИРИ новых экономических и политических санкций. В октябре 2009 г. официальный представи-

* В конце января 2012 г. премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао посетил Саудовскую Аравию, ОАЭ и Катар, где провел переговоры о расширении сотрудничества в энергетической сфере и увеличении объемов импорта нефти и газа.

тель МИД КНР Цзян Юй, отвечая на вопрос о том, намерен ли Китай поддерживать инициативы некоторых стран о введении новых санкций в отношении Ирана, заявила следующее: «Мы верны своему мнению о том, что давление — это не способ решения возникающих проблем». На ее взгляд, позиция КНР заключается в том, чтобы возникающие вопросы решались «путем переговоров и средствами дипломатии». По мнению китайской стороны, дипломатические средства урегулирования иранской ядерной проблемы еще не исчерпаны и возможность убедить Тегеран согласиться на вывоз существенной части наработанных запасов низкообогащенного урана пока сохраняется*. Более того, китайские эксперты уверены, что введение новых санкций в отношении ИРИ обязательно приведет к собственному обогащению всех запасов низкообогащенного урана до 20%, что приблизит Тегеран к ядерному порогу.

27 ноября 2009 г. Китай поддержал резолюцию Совета управляющих МАГАТЭ, осуждающую Тегеран за сокрытие информации о строительстве второго завода по обогащению урана вблизи города Кум. Однако в январе 2010 г. он заблокировал принятие нового пакета санкций в отношении Ирана, усмотрев в них не столько стремление решить иранскую ядерную проблему, сколько оказать экономическое давление на Иран, и косвенно — на сотрудничающие с ним страны.

* В конце октября 2009 г. Иран, США, Россия и Франция под эгидой МАГАТЭ выработали черновой вариант соглашения о дообогащении иранского ядерного топлива за рубежом. План агентства предусматривал, что ИРИ отправит в Россию значительную часть своих запасов низкообогащенного урана для дальнейшего обогащения, а из переработанного топлива Франция будет производить готовые топливные сборки для исследовательского реактора в Тегеране.

План провалился из-за принципиальных разногласий сторон. Запад настаивал на вывозе в течение года не менее 70% текущих запасов низкообогащенного урана (по оценкам МАГАТЭ, на тот период Иран имел 2 065 кг обогащенного до 3,5% по изотопу урана-235 низкообогащенного урана, поэтому вывезти предполагалось свыше 1 400 кг). Иран соглашался вывезти только 400 кг и хотел сразу получить необходимое ему ядерное топливо.

В апреле 2010 г. Б. Обама пришлось долго уговаривать Ху Цзиньтао поддержать мировое сообщество в принятии резолюции СБ ООН. Договоренность была достигнута в обмен на отказ Вашингтона реализовать сделку по поставке новых систем вооружений Тайваню. Китай поддержал принятую 9 июня 2010 г. СБ ООН резолюцию №1929, приложив все усилия, чтобы максимально выхолостить текст, оставив в нем только положения, непосредственно связанные с режимом ДНЯО.

Однако уже 1 июля США ввели односторонние жесткие экономические санкции против Ирана, а сделку по поставкам вооружений Тайваню не отменили, а отложили. КНР восприняла это как обман, отношения с США обострились, а МИД КНР выступил с заявлением, в котором подчеркнул, что «необходимо всесторонне, добросовестно и точно соблюдать положения соответствующей резолюции СБ ООН и нельзя самовольно выходить за рамки предусмотренных резолюцией санкций».

Скорее всего, именно этим объясняется довольно жесткая позиция Китая относительно сегодняшнего давления на Иран со стороны Запада. Хотя КНР по-прежнему зависит от инвестиций и технологий, поступающих от западных стран и Израиля, и не желает окончательно портить с ними отношения, неприемлемо для него и разрушение инфраструктуры добычи нефти в Иране. Именно этим можно объяснить прозвучавшее в разгар кризиса в декабре 2011 г. заявление одного из высокопоставленных генералов КНР о том, что «Китай, не колеблясь, встанет на защиту Ирана, даже если это будет началом третьей мировой войны».

Безусловно, эта угроза вряд ли осуществится. В Китае отдают себе отчет в том, что относительная территориальная удаленность и отсутствие общей границы с ИРИ делает маловероятным расширение возможного американо-иран-

ского вооруженного конфликта на китайскую территорию, а участие Китая в войне в районе Ближнего Востока вообще нереально. Тем не менее она говорит о значимости для Китая контактов с Ираном и невозможности его вовлечения в «антииранскую коалицию».

1.4. Обновленная Россия: Центральная Азия в планах кремлевской политики стратегического сдерживания

Президентские выборы в России, состоявшиеся 4 марта 2012 г., завершились гарантированной победой В. Путина, для которого новый президентский срок будет третьим по счету. Между тем политический ресурс системы, построенный ранее В. Путиным самостоятельно и в составе тандема с Д. Медведевым, практически полностью выработан. Следующий президентский срок будет, по определению, проходить в неблагоприятных условиях. Ему придется работать в сложной ситуации зависимости России от влияния внешних факторов, причем в условиях ограничения возможностей Москвы оказывать эффективное воздействие на их позитивное развитие.

Эффективность деятельности властей в этой ситуации предполагает высокий уровень легитимности будущего президента. Причем как в глазах населения страны, так и внешних наблюдателей. Кроме того, это предполагает наличие социально-политической стабильности в обществе и поддержку политическими элитами стратегического курса, направленного на модернизацию страны и защиту ее национальных интересов.

Современная экономическая и социально-политическая ситуация в России, а также содержательная часть имевших место митинговых страстей показывают, что сегодняшняя

власть хотя и обладает этими условиями, но с большими оговорками.

Во-первых, популярность В. Путина резко ослабла. Имеет место дефицит времени и ограниченность кредита доверия. Постоянное откладывание реальных реформ в предыдущие годы привело к тому, что для В. Путина они настолько же срочны и необходимы, насколько сложны и опасны — из-за их непопулярности у части населения и тем более у элиты, напрямую выигрывающей от сохранения «управляемой демократии» и прежних коррупционных практик.

Во-вторых, наиболее активная часть общества устала от несменяемости представителей политического класса и бездействия социальных лифтов. Следовательно, В. Путину придется серьезно менять состав прежней «политической команды» и «включать» социальные лифты. И это, пожалуй, главная проблема. В настоящее время В. Путин превращается в заложника созданной им системы и поэтому его способность убрать старых людей и поставить на их места новых существенно ограничена.

В-третьих, одним из итогов последнего избирательно-го цикла стало то, что в России расширилось пространство публичной политики. Причем в это русло направлена активность не только системной и внесистемной оппозиции, но и, как показала реакция власти на массовое выражение недовольства, самой власти. Следовательно, срочно придется вносить коррективы в действующую политическую и партийную системы, адаптируя их к тем изменениям, которые произошли в структуре общества.

Наконец, серьезную проблему для В. Путина представляет высказанная им в ходе избирательной кампании идея о необходимости расставить точки над «i» в вопросе о «честности приватизации 1990-х годов». Если развивать эту идею

в дальнейшем — не поймут нынешний политический класс и бизнес-элита, не развивать — не поймет народ. Придется выбирать меньшее из зол и решать проблему. Причем ее решение должно быть системным, касающимся всех, а не только избранных. Главная задача — узаконить как ответственность, так и сам институт частной собственности. Последняя должна стать священной, а попытки рейдерства (в том числе государственного) — рассматриваться как святотатство.

Все это говорит о том, что основная работа нового президента России в ближайшей перспективе будет направлена преимущественно на решение внутренних проблем. Сегодняшняя ситуация предоставляет ему уникальный шанс полностью изменить парадигму дальнейшего социально-политического развития страны и вывести ее из порочного круга, в котором оказались все государства постсоветского пространства. Пока, судя по программным статьям самого В. Путина и пакету законов, внесенных в Госдуму Дм. Медведевым, деятельность нового президента будет осуществляться именно в этом направлении.

Естественно, что в данной ситуации требования нового политического руководства России к своим соседям и союзникам на постсоветском пространстве станут жестче (в том числе в плане продвижения политической модернизации, работы с оппозицией, механизмов рекрутирования элиты, отношения к частной собственности, публичной политике и т. д.), но это открывает «окно возможностей» и для государств Центральной Азии, где имеют место аналогичные с Россией проблемы.

Уже в ближайшей перспективе Москве придется столкнуться с дилеммой — поддержать старые или опереться на новые политические элиты в регионе. При этом не исключено, что в отдельных государствах региона к власти придут

люди, которые, скорее всего, не будут связаны с нынешним российским политическим опытом и его влиянием.

При этом нельзя не учитывать уже упоминавшийся факт о том, что в России наметился переход от «кулуарной» к публичной политике. Это, безусловно, позитивная тенденция, но ее развитие будет стимулировать завышенные общественные ожидания, а также подогревать протестный потенциал в государствах Центральной Азии.

Хотя в государствах региона механизмы мобилизации протестного потенциала несколько иные, чем в России, воздействие фактора политической либерализации в РФ на социально-политическую стабильность в государствах Центральной Азии нельзя не учитывать. Особенно если предположить дальнейшее ухудшение социально-экономического положения в странах региона и активизацию групповой борьбы внутри политического класса за «политическое наследство» действующих глав государств.

Что касается интересов России в Центральной Азии, можно предположить, что они, за исключением ирано-сирийского фактора, почти наверняка останутся неизменными. Эти интересы обусловлены целым комплексом условий.

Во-первых, это наличие общего пространства, институализированного в рамках СНГ, ОДКБ и ЕврАзЭС. Укрепление этих структур — приоритет любого политического руководства России.

Принципиально новым моментом является интеграционный процесс между Россией, Казахстаном и Белоруссией, предполагающий формирование Евразийского экономического союза уже в ближайшей перспективе.

Можно ожидать, что при всех «за» и «против» ЕЭС останется приоритетным проектом на среднесрочную перспективу. По сути, он представляет собой расширение внутреннего рынка, что является вполне логичной мерой в условиях ра-

стущей внешней нестабильности. Кроме того, ЕЭС открывает перспективу ухода от сырьевой экономики и развития инновационных отраслей промышленности. Наконец, ЕЭС — единственная реальная альтернатива усилению торгового, а в перспективе и экономического доминирования Китая в регионе.

Во-вторых, существенную роль играет энергетическая и транспортная мотивация России, пытающейся сохранить основные источники углеводородов и транспортно-энергетические «коридоры» их доставки в страну и/или через нее.

В-третьих, комплекс вопросов, связанных с ролью Центральной Азии в обеспечении национальной безопасности России. Здесь имеют место несколько составляющих:

- рост наркотрафика из Афганистана и Центральной Азии в Россию. За 20 лет в регионе сформировалась огромная наркотическая «пирамида», имеющая реальную конфигурацию и мощную инфраструктуру;
- неопределенность политических перспектив Афганистана после полного или частичного вывода из них войск США и контингента ISAF (см. выше);
- военно-политическое и военно-техническое сотрудничество на двустороннем уровне и в формате ОДКБ и ШОС; обеспечение эффективной работы единой системы ПВО и ПРО;
- активизация процесса исламизации региона, наблюдаемые в последнее время проявления экстремизма под религиозным прикрытием, не исключаемая перспектива формирования оппозиции на исламистской основе;
- внутрирегиональная стабильность и нормальное развитие отношений между государствами региона (помимо исторического фона некоторые конфликтогенные явления существуют самостоятельно, в частности, в сферах водо-

пользования, делимитации и демаркации границ, распределения энергоносителей и т. д.);

➤ перспектива обострения социально-политической ситуации и возникновения на этой основе конфликтов и политического кризиса (в Москве вызывает беспокойство отсутствие легальной конкуренции элит; имитационный характер выборов; региональная и/или клановая солидарность, выступающая в качестве основного мобилизационного механизма; полное отсутствие публичной политики — политический переворот либо сразу превращается в бунт, либо начинающийся бунт отстраненные от власти элиты пытаются перевести в русло политического переворота);

➤ политические перспективы стран региона после ухода действующих политических лидеров; возможность возникновения групповых конфликтов внутри политического класса и передел собственности; неопределенность механизмов преемственности власти и неясность ситуации с фигурой преемника.

В-четвертых, влияние или вмешательство в дела региона со стороны третьих стран и резкое усиление позиций одной из них (будь то геополитические конкуренты Москвы в лице США, Турции или стран Евросоюза либо геополитический союзник в лице Китая). В России вызывает беспокойство тот факт, что местные властные элиты, с одной стороны, заявляют о своем праве на диверсификацию внешней политики, равноудаленность от великих держав, а с другой — постоянно лавируют и ищут сильных внешних спонсоров и покровителей.

Мотивация самих внешних игроков в регионе сконцентрирована на проблемах безопасности, взаимной конкуренции, углеводородах, транспортных коридорах и возможностях усиления политического влияния на те или иные государства региона. Резкое усиление одного из внешних игроков авто-

матически порождает обострение соперничества и скрытого противостояния между внешними игроками в регионе.

В-пятых, вполне очевидное усиление экономических (да и политических) позиций Китая в Центральной Азии. При этом вполне справедлив тезис о том, что экономическое сотрудничество КНР с государствами Центральной Азии полностью подчинено общим задачам развития китайской экономики. Более того, приходится иметь в виду, что в настоящее время Китай для Центральной Азии является более значимым партнером, нежели Центральная Азия для Китая.

Учитывая, что китайское присутствие в Центральной Азии, традиционно являющейся зоной влияния России, становится все заметнее и ощутимее, вполне предсказуемо обострение борьбы между Россией и Китаем. Несмотря на оптимизм В. Путина, вполне понятно, что в ближайшей и среднесрочной перспективе Китай и Россия, конкурируя друг с другом или объединяясь на почве противостояния Западу, будут бороться за геостратегическое пространство и стратегически важные полезные ископаемые Центральной Азии и Каспийского региона.

В-шестых, проблема Ирана и Сирии. Хотя в вероятность войны Запада с Сирией, и в особенности с Ираном, не очень верится, нагнетание военного психоза в регионе в целях дестабилизации обстановки в этих странах и изменения мировой ценовой ситуации с нефтью в ближайшей перспективе будет иметь место. Как будут иметь место и попытки давления на Россию и Китай через механизмы ООН.

Сирийский кризис стал для Москвы и Пекина своего рода моментом истины. Потому что падение Сирии неизбежно станет прологом нового этапа наращивания давления на Тегеран. Причем тогда у России, да и у Китая возможностей для маневра и контригры было бы уже гораздо меньше. А

потому важнейший стратегический приоритет США — расколоть российско-китайскую связку — достигался бы значительно проще.

Для государств региона, кроме обозначенной выше перспективы усложнения системы безопасности в Каспийском регионе, конфликт между Западом и арабскими монархиями, с одной стороны, Россией и Китаем — с другой, означает ограничение возможностей проведения ими многовекторной политики. Вполне очевидно, что рано или поздно, но им будет предложено более четко определиться со своими внешнеполитическими приоритетами.

1.5. Китай: роль и место Центральной Азии во внешнеполитической стратегии пятого поколения управленцев страны

Хотя процесс замены руководителей четвертого поколения на руководителей пятого поколения в Китае идет уже давно, окончательная поколенческая смена элит произойдет в ноябре 2012 года на XVIII съезде КПК. Съезду предстоит значительно «омолодить» ЦК КПК, Политбюро и Постоянный комитет Политбюро ЦК КПК*. Поэтому вопросы о том, что представляет собой пятое поколение руководителей, сумеет ли оно удержать Китай в заданном их предшественниками курсе развития, какова будет их внешняя политика, отнюдь не праздные.

Первое, что отличает пятое поколение руководителей, их деление на две доминантные группы, между которыми не исключена политическая и фракционная борьба, — группу

* В составе членов ПК Политбюро 17-го созыва присутствуют два представителя пятого поколения — Си Цзиньпин и Ли Кэцян (22,2% от общей численности); в составе членов Политбюро таковых насчитывается (условно) восемь человек, или 32%. Условно, поскольку лица, родившиеся в конце 1940-х гг., составляют «пограничную категорию» между четвертым и пятым поколениями китайских руководителей.

«комсомольцев» и группу «принцев»*. Первая представлена теми, кто начинал свою карьеру в комсомоле под руководством Ху Цзиньтао и именно ему обязан своим кадровым ростом**. Вторая — детьми видных деятелей КПК первого и второго поколений, составляющих так называемую партию наследников престола (*тайцзыдан*). Из 25 членов сегодняшнего состава Политбюро в эту категорию можно зачислить не менее 10 человек, четверо из которых — члены ПК Политбюро***.

Вторая характерная черта представителей пятого поколения китайских руководителей — их возраст. Все они принадлежат к поколению «пятидесятников», то есть тех, кто родился уже после образования КНР и чье детство пришлось на годы всевозможных идеологических кампаний, а юность — на десятилетие «культурной революции». Многие приняли в этих событиях то или иное участие****, но затем были сосланы в деревню и испытали, таким образом, все тяготы крестьянского труда. По окончании хаоса, с нормализацией жизни в стране подавляющему большинству удалось поступить в университеты и получить приличное образование. Отсюда — свойственный этому поколению некоторый нигилизм.

Третья характерная черта — преимущественно гуманитарное образование. Если руководство четвертого поколения

* Сочетание «принцев» и «комсомольцев» в высшем руководстве КПК и КНР, с одной стороны, объективно создает условия для фракционной борьбы, с другой — при сегодняшнем курсе КПК, сочетающем в себе стремление к богатству и опору на национальную буржуазию с борьбой за социальную справедливость и ставкой на массы, дуумвират, являющийся оплицетворением двух этих направлений, — идеальный случай. Перекос в пользу одной из групп может разбалансировать развитие Китая. Поэтому элита заинтересована в гармонизации интересов двух течений, в том числе через создание тандема преемников, выражающих разные акценты в политике (один — «за народ и справедливость», другой — «за богатство и развитие»).

** Наиболее значимые представители этой группы — Ли Кэцян и Ли Юаньчао.

*** Наиболее яркие представители пятого поколения руководителей — Си Цзиньпин и Бо Силай.

**** Из нынешнего состава Политбюро ЦК КПК в хунвэйбиновском движении принимали участие Си Цзиньпин, Бо Силай и Ли Юаньчао.

можно условно назвать «комитетом инженеров» (их вузовские специальности — радиоэлектроника, автоматика, энергетика, гидротехника, геология, металлургия), то руководство пятого поколения — это в своем большинстве юристы, экономисты, журналисты и пропагандисты. Причем учились они уже в зрелом возрасте (после окончания «культурной революции»), и на совесть, а потому значительная их часть имеют ученую степень и научное звание.

Четвертая характерная черта — своим карьерным ростом большая часть представителей пятого поколения («принцы» в этом смысле не являются исключением) обязаны лично Ху Цзиньтао или Вэнь Цзябао. Это в конечном счете способствовало их продвижению в КПК, хотя и не без некоторых осложнений в самом начале.

Пятая характерная черта пятого поколения руководителей — отсутствие у них не только ностальгических чувств по поводу советско-китайской дружбы, но и особого интереса к России. Их юность пришлась на эпоху китайско-советской конфронтации, позже, в 1980-е гг., китайская молодежь тянулась уже не к СССР, а к Западу и его ценностям.

Это, однако, не означает, что отношения с Россией и странами СНГ будут сняты с категории «приоритетных» и основной акцент будет сделан на отношениях с Западом. Насколько можно судить по самостоятельным зарубежным поездкам Си Цзиньпина и Ли Кэцяна, они стараются проводить сбалансированную внешнюю политику, ставя во главу угла национальные интересы Китая. Причем их подход к проблемным для страны вопросам отношений с Западом даже жестче, чем у тандема «Ху — Вэнь».

Что касается преемственности курса и приверженности ему представителей пятого поколения, скорее всего, сегодняшний курс будет продолжен. Несмотря на ряд очевидных проблем социально-экономического и политического разви-

тия сегодняшнего Китая, нельзя не признать того факта, что именно благодаря сбалансированному курсу тандема «Ху — Вэнь» КНР не только удалось решить значимые социальные проблемы, но и существенно повысить свой международный авторитет. Следовательно, с большой долей уверенности можно предположить, что «научная концепция развития» и концепция построения гармоничного социалистического общества будут взяты на вооружение руководителями пятого поколения.

С одной стороны, это, пожалуй, единственная возможность «выпустить социальный пар» и сохранить социально-политическую стабильность в стране, а с другой — определенной гарантией этого является уже созданная серьезная законодательная база, регламентирующая практически все сферы общественной жизни (в том числе и внутрипартийную) и закрепляющая основные идеи руководителей четвертого поколения.

Наиболее серьезными проблемами для пятого поколения руководителей, по-видимому, станут рост ханьского национализма (особенно в контексте обострения социальных проблем в национальных районах КНР и постоянного давления по поводу соблюдения прав человека со стороны Запада) и необходимость допущения определенной политической либерализации.

Уже сегодня угроза перерастания массовых акций протеста в крупномасштабные беспорядки — либо на этнопаратистской (Тибет и Синьцзян), либо на социальной (в наиболее бедных регионах преимущественно с крестьянским населением) основе — вполне объективная реальность. Политическую монополию КПК, как и относительную политическую стабильность в стране поддерживает только способность тандема «Ху — Вэнь» обеспечить рост благосостояния. «Пожар» тушат старым проверенным способом

— масштабными финансовыми дотациями из центрального бюджета и предоставлением определенных льгот и преференций бедным регионам.

Однако, судя по некоторым заявлениям молодого поколения, с такой методикой оно не очень согласно, что вполне логично, поскольку при всех плюсах она имеет принципиальный минус — провоцирует завышенные социальные ожидания помощи со стороны центра при одновременном желании региональных элит поменьше от него зависеть.

Критически важным для нового руководства является то, что постепенно исчезают конкурентные преимущества Китая (дешевая и относительно качественная рабочая сила, инвестиционная привлекательность, доступность внешних рынков сбыта и получения ресурсов), нарастают социальные и демографические проблемы, в связи с переходом на новую экономическую модель развития прогнозируется снижение темпов экономического роста.

Все это говорит о том, что рано или поздно, но возможности для дальнейшего поступательного роста благосостояния основных масс населения будут исчерпаны. Если к тому моменту, когда это произойдет, КНР успеет стать достаточно богатой страной (в качестве рубежа обычно называют уровень ВВП в 20 тыс. долл. на душу населения), то проблем нет. Но если Китай подойдет к критической точке, так и не достигнув этого рубежа (при 1,3 млрд человек это соответствует ВВП в 26 трлн долл. — чуть меньше суммарного ВВП США и ЕС сегодня), это почти наверняка дестабилизирует режим.

Что касается внешней политики пятого поколения руководителей, она вряд ли претерпит существенные изменения. Можно предположить, что она станет более наступательной, хотя и с возрастающей значимостью «мягкой силы». Китай уже закрепил новые элементы в своей внешней политике,

свидетельствующие о том, что новое руководство намерено отказаться от «низкого профиля» в международных делах, будет более твердо отстаивать национальные интересы страны и наращивать для этого не только экономическую, но и военную мощь.

Вполне очевидно, что на среднесрочную перспективу концептуальными основами внешней политики Китая останутся стратегия «мирного развития», а также выдвинутая Ху Цзиньтао концепция «совместного построения гармоничного мира». В отношении государств Центральной Азии и России будет продолжаться выстраиваться на основе концепции «периферийной дипломатии»*. Для КНР Центральная Азия была и останется стратегическим тылом по многим позициям — безопасности, энергетике, противодействию Западу (США и НАТО), созданию новых рынков сбыта, получению доступа к источникам сырья, транзиту.

При этом скорость китайского проникновения в Центральную Азию будет зависеть не только от экономических возможностей Москвы и Пекина, но также и от настроений Астаны, Ташкента, Бишкека и Душанбе. Сегодня, похоже, центральноазиатские симпатии уже на китайской стороне. Элиты стран Центральной Азии пытаются понравиться Китаю, особенно когда речь идет о новых китайских денежных вливаниях. Китайский компонент в Центральной Азии, учитывая растущие возможности КНР, рассматривается правящими кругами как один из важнейших — он дает возможность получения внешних инвестиций, кредитов, строитель-

* В «обширной периферии» выделялись три уровня: 1) регионы, примыкающие к Китаю; 2) АТР; 3) евразийский континент и прибрежные зоны Тихого и Индийского океанов. Цель этой стратегии, по мнению китайских авторов, заключалась в поддержании дружеских отношений со всеми смежными или близко расположенными странами, образующими пояс стабильности вокруг страны. Значимость периферийной стратегии определяется тем фактом, что она может помочь в создании дружественного и безопасного окружения, улучшить стратегические позиции Китая, увеличить его дипломатические ресурсы и расширить его международное влияние. Центральная Азия вместе с Россией, согласно этой концепции, образовывала так называемый стратегический тыл Китая.

ства инфраструктуры, развития торговли, реализации энергетических проектов.

При этом необходимо признать, что противодействовать экономическому и торговому проникновению Китая в регион ни государства Центральной Азии, ни Россия не в состоянии. Сегодня вполне очевидно, что взаимодействие с КНР имеет важнейшее значение для поддержания положительной экономической динамики государств региона. И вряд ли здесь в ближайшем будущем произойдут кардинальные изменения.

Парадокс ситуации заключается в том, что Китай заинтересован в развитии транспортной и торговой инфраструктуры государств региона, поскольку ее неразвитость или отсутствие существенно тормозит реализацию задачи превращения Китая в глобальную торговую державу. Заинтересован он и в развитии некоторых отраслей экономики государств Центральной Азии, поскольку они призваны покрыть его растущий дефицит в сырье, материалах и товарах первичной переработки. В развитии инфраструктуры и экономики в целом заинтересованы и государства Центральной Азии. А потому расширение масштабов экономического присутствия Китая в регионе — процесс вполне объективный и в чем-то даже взаимовыгодный.

Другой вопрос, что растущий внутренний спрос в КНР на практически всю группу сырьевых товаров может превратить Центральную Азию в сырьевой придаток не только европейской, но и китайской экономики. Глобальная неконкурентоспособность центральноазиатских экономик в сравнении с географически близкой китайской предельно затрудняет для них, если не полностью закрывает, возможности диверсификации экономической структуры вне сырьевого сектора. Причем какими-либо практическими возможностями противостоять экспортному наступлению китайской продукции центральноазиатские экономики не располагают.

Отсюда следует простой вывод: во-первых, нам необходимо научиться использовать китайское присутствие на пользу собственному социально-экономическому развитию. Страх и фобии в этом деле плохие помощники. Как плохой помощник и пресловутая секретность, окутывающая отношения с Китаем (особенно на ведомственном уровне). Как первое, так и второе не позволяют не только увидеть реальных угроз и вызовов, проистекающих из китайского присутствия, но и тех направлений, которые бы открывали перспективу его использования в национальных интересах.

Во-вторых, нужно постепенно избавляться от наблюдаемой сегодня в ряде государств (да и в России) эйфории по поводу перспектив отношений с Китаем. Необходимо понимать, что в случае с Китаем мы имеем дело не только с ведущей державой Азии, но и со страной, одной из внешнеполитических стратагем которой является постулат о «сидящей на холме мудрой обезьяне, наблюдающей борьбу двух тигров в долине». И главное — после того как тигры обессилят, не попасть в лапы этой обезьяны.

С Китаем можно разговаривать на равных, но лишь тогда, когда он сам признает значимость и силу партнера по диалогу. А поскольку по отдельности государства Центральной Азии, да и Россия вряд ли смогут конкурировать с ним, возникает необходимость создания механизмов, позволяющих объединить усилия.

Проблемные точки во взаимоотношениях с Китаем для государств Центральной Азии и России, скорее всего, будут сконцентрированы на нескольких направлениях.

Во-первых, развитие региональных интеграционных процессов, прежде всего, процесс формирования Единого экономического пространства и становление Евразийского экономического союза. Идея ЕЭС, воспринятая в Пекине внешне спокойно, на самом деле вызвала серьезное его бес-

покойство, особенно в отношении перспектив реализации китайской модели создания Зоны свободной торговли в рамках проекта ШОС*.

Наряду с этим существует другой деликатный момент — наличие двух региональных проектов, в которых Россия играет ключевую роль, а Китай не участвует: ЕврАзЭС и ОДКБ. Формально представители трех организаций (ШОС, ЕврАзЭС, ОДКБ) заявляют о необходимости взаимодействия. Китайские представители не раз говорили и продолжают говорить о возможности в будущем, через реализацию китайской ЗСТ, интеграции ЕврАзЭС и ШОС. Однако это неизбежно приведет к созданию «Большой китайской Евразии», резкому уменьшению роли России на данном пространстве, угрозе национальным приоритетам России и стран Центральной Азии. В конечном счете такая перспектива гипотетически может привести к упразднению СНГ и замене его на некое «китайское содружество».

Во-вторых, все более очевидное нарастание российско-китайского энергетического соперничества в Центральной Азии. Сегодня мы наблюдаем этап «мягкой» конкуренции Москвы и Пекина на углеводородных рынках Центральной Азии. При этом ШОС — средство сохранить этот уровень и не допустить перехода к «жесткой» конкуренции. Последнее будет означать перерастание технологических вопросов в политическое противостояние, а этого допустить нельзя. И хотя в обеих странах это прекрасно понимают, тем не менее нельзя не признать того факта, что с коммерческой точки зрения в нефтегазовой политике Россия и Китай — конкуренты.

В-третьих, обостряющаяся проблема продовольственной безопасности, а следовательно, растущая конкуренция за

* В 2004 г. китайская версия создания такой зоны была отклонена Россией и государствами Центральной Азии — членами ШОС. Сегодня в Китае готовится новый вариант проекта и планы по созданию ЕЭС объективно не стыкуются с китайскими стратегиями региональной интеграции Центральной Азии.

земли сельскохозяйственного назначения и источники пресной воды. Здесь два актуальных вопроса. С одной стороны, нерешенность проблемы трансграничных рек. С другой — проблема допуска Китая в сельскохозяйственный сектор государств Центральной Азии. Логично предположить, что обе проблемы будут в центре внимания и нового китайского руководства. Но парадокс ситуации заключается в том, что ни та, ни другая в сегодняшних условиях не имеют позитивного решения.

В-четвертых, китайская трудовая миграция. Эта проблема встанет в повестку дня с момента вступления государств Центральной Азии в ВТО. Правила этой организации предусматривают свободное перемещение рабочей силы.

В-пятых, проблемы, связанные с перспективой обострения конкурентной борьбы на пространстве Центральной Азии между ведущими геополитическими акторами (в том числе и в контексте сирийско-иранской проблемы). Можно предположить, что и новое поколение руководителей Китая попытается проводить свою политику в русле решения триединой задачи:

- не вступая в прямой конфликт с США и даже сотрудничая с ними, попытаться создать условия, способствующие сокращению уровня их присутствия и влияния в регионе;
- поддерживая у России иллюзию о том, что роль «первой скрипки» в Центральной Азии отведена ей, укрепить экономические, политические, а по возможности и военные контакты с государствами региона (прежде всего с Казахстаном и Кыргызстаном);
- постепенно формировать позитивный образ Китая и имидж надежного экономического и политического партнера в сознании элит и населения государств региона.

Для Китая поддержание геополитического равновесия в регионе рассматривается как «стратегический интерес Китая

в Центральной Азии». Базовая задача нового руководства будет сводиться к тому, чтобы обеспечить условия, гарантирующие, что Центральная Азия не окажется под доминантным контролем какой-нибудь одной державы или группы государств, особенно из числа тех, с которыми отношения у Китая складываются не лучшим образом.

1.6. Технология арабских («оранжевых») революций и возможности ее применения в странах Центральной Азии

В ходе анализа вопросов международной безопасности на рубеже 1980—1990-х гг. ряд исследователей выдвинули идею взаимосвязи стратегии безопасности того или иного государства с набором характеристик, позволяющих идентифицировать рассматриваемое государство как сильное или слабое [13]. В настоящее время считается, что сила/слабость государства фиксируется как минимум в трех измерениях [14]:

- инфраструктурные возможности — способность государственных институтов реализовывать важнейшие задачи и определять политику на своей территории;
- возможности к принуждению — способность и готовность государства использовать силу против вызовов ее власти;
- социетальная (идентификационная) связанность — степень, в которой население идентифицирует себя с национальным государством и принимает его легитимную роль в своей жизни.

Вторая важная характеристика государств — уровень модернизации, что позволило выделить как минимум три их типа: домодернистские, модернистские и постмодернистские [15].

В течение 2000-х гг. устойчивой тенденцией развития модернизирующихся «слабых государств» становится трансформация политических режимов под влиянием массовых протестных движений. В настоящее время можно выделить две волны таких процессов:

- «цветные революции» первой половины 2000-х годов (Сербия, Грузия, Украина);
- «арабские революции» конца 2010 — начала 2012 гг.

Поскольку массовые спонтанные действия отдельных групп населения не исключают, а, напротив, предполагают общую контролируемость смены режима или его лидера, можно говорить, что в 2000-х гг. оформились две техники контролируемой смены политического режима (или, как минимум, его лидера) в модернизирующихся «слабых государствах». Источниками контроля могут выступать:

- при «цветных революциях» — внешние силы, осуществляющие свое воздействие через оппозиционные и контрэлитные силы, а также международные неправительственные организации, использующие как повод итоги той или иной избирательной кампании;
- при «арабских революциях» — внутренние силы (элиты, контрэлиты и группы влияния), осуществляющие воздействие через массовую мобилизацию протестных выступлений, регулируемых посредством электронных средств массовой информации и коммуникации (Интернет, мобильная телефония).

Поскольку механизмы и техники этих протестных волн не являются взаимоисключающими, в перспективе возможно их совмещение. Помимо этого в «слабых государствах» остается возможной и схема смены режима (лидера), построенная по модели «дворцового переворота» — захват власти одной из близких к политическому лидеру группировок в ходе борьбы таких группировок и благодаря отсутствию четких правил передачи власти («дворцовому перевороту» может

предшествовать дестабилизации ситуации в стране — «кыргызский» вариант 2005 и 2010 г.).

«Арабские революции»: определение и анализ проблемы

В конце 2010 — начале 2011 гг. в ряде арабских стран, прежде всего в Тунисе, Египте и Ливии, начались массовые протестные выступления, имеющие своей целью смену действующих в этих странах политических режимов в их персонифицированной форме (требования отставки лидеров государств). Несмотря на неизбежность подобных протестов в ходе модернизации «слабых государств», открытым остается вопрос: почему массовые выступления произошли именно в арабских странах северной Африки и носили синхронный характер?

Факторы, определившие как характер протекания массовых протестных выступлений в арабских странах, так и их синхронизацию, можно разделить на внутренние, внешние и поддерживающие.

Внутренние факторы:

1. Мощное демографическое давление, выражающееся:

- в поступательном росте численности населения;
- в трансформации возрастной структуры населения — росте удельной массы молодежи.

В арабских странах не были эффективно реализованы меры по снижению демографического давления, в первую очередь реальная индустриализация и организация экспорта избыточных трудовых ресурсов.

2. Высокий уровень социального и экономического неравенства, которое усугубляется переносом в эти сферы неравенства политического (так называемое отсутствие единого правового поля). Наиболее критическими факторами неравенства выступают:

- системный характер коррупции;
- ограниченность вертикальной мобильности (возможность повысить свой статус) и самореализации для большинства населения, как в политической, так и в экономической сферах.

3. Нарастание «усталости» от неизменности политического и экономического курсов, а главное — лидеров государств. Принципиально важно, что «усталость» охватывает не только массы, но в первую очередь представителей правящих элит второго уровня, а также бизнеса. «Усталость» подкрепляется авторитарным характером политических режимов этих стран, в частности:

- отчуждением власти от народа;
- отсутствием реальной политической оппозиции, которая могла бы конституционными средствами бороться за власть и предлагать альтернативную стратегию развития.

4. Подрыв легитимности светских авторитарных режимов в массовом сознании религиозной пропагандой исламской оппозиции. Светский характер властей не позволил мобилизовать на защиту режимов религиозно-консервативную часть общества (по образцу Корпуса стражей исламской революции в Иране).

5. Религиозные и родоплеменные отличия, выступившие существенным фактором эскалации напряженности — в условиях снижения возможностей властей субсидировать «лояльность» региональных родоплеменных элит последние выступили с требованиями большей социально-экономической и политической самостоятельности.

6. Предательство действующих политических лидеров со стороны высшего командного состава вооруженных сил и спецслужб (в частичной форме это присутствует и в ситуации с ливийским лидером М. Каддафи).

Внешние факторы:

1. Последствия мирового финансово-экономического кризиса 2000-х гг.:

- инфляция и рост цен на продукты первой необходимости (прежде всего продовольствие);
- рост безработицы (в первую очередь среди молодежи, имеющей высшее образование).

2. Заинтересованность мировых центров сил (прежде всего США) в снижении инфляционного давления на доллар за счет подъема цен на нефть.

Поддерживающие факторы:

1. Слабость и непопулярность официальных национальных средств массовой информации при доступности внешних критически настроенных информационных каналов, среди которых можно выделить два:

- «Аль-Джазира» — международная арабоязычная телекомпания со штаб-квартирой в Дохе (Катар);
- «Аль-Арабия» — арабоязычный спутниковый информационный телеканал со штаб-квартирой в Дубае (ОАЭ).

2. Широкая доступность электронных средств массовой информации и коммуникации (сеть Интернет, мобильная телефония), а также основанных на них каналов взаимодействия (блоги, социальные сети), в своей совокупности создающих возможность для населения быстро самоорганизовываться без лидеров и политических партий. Открытым остается вопрос, могут ли протестующие, которые самоорганизовались виртуально, создать реальные политические институты, чтобы и дальше защищать свои интересы.

Возможности трансформации политических режимов в странах Центральной Азии

При рассмотрении возможности применения в странах Центральной Азии технологий трансформации политиче-

ских режимов под влиянием массовых протестных движений необходимо иметь в виду, что к настоящему времени, в силу различий политических, экономических и социальных моделей развития Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана, говорить о Центральной Азии как о целостном регионе практически невозможно [16]. Фрагментация этого пространства также усиливается за счет внешнего влияния, в том числе из-за реализации ряда интеграционных форматов, прежде всего Таможенного союза Беларуси, Казахстана и России.

В соответствии с этим степень устойчивости действующих режимов в странах Центральной Азии также различна и зависит от целого комплекса факторов [17].

Внутренние факторы

Общим для стран Центральной Азии является то, что все они в той или иной степени могут быть отнесены к группе «слабых государств», характеризующихся:

- слабостью связи между гражданским обществом и правительственными структурами, ограниченностью социальной базы поддержки действующих политических режимов;
- низкой степенью государственности — властные структуры не являются самодостаточными и выступают скорее форумами, в которых субгосударственные группы влияния конкурируют между собой, чтобы обеспечить свою безопасность и установить влияние над государством;
- слабостью национально-государственной («гражданской») идентичности, доминированием этнических, субэтнических и религиозных идентичностей.

Практически все факторы, оказывающие влияние на возникновение массовых протестных выступлений в арабских странах, а также характер их протекания, в той или иной степени присутствуют в странах Центральной Азии. Основными отличиями являются:

- низкий авторитет армии и других силовых структур, что ограничивает их возможности и как оппозиционной силы по отношению к режиму, и как силы, сдерживающей протестные настроения;

- относительно небольшая глубина существования режима и в определенной степени сохранение у представителей элит второго уровня надежды (возможности) повысить свой статус (например, за счет реализации проекта «Преемник»);

- присутствие в экономическом и социальном полях маргинальных элементов — представителей нетитульной нации и внешних мигрантов.

Внешние факторы

Утверждать, что в настоящее время внешние игроки могут быть однозначно разделены на стремящихся к смене либо к сохранению политического режима в той или иной стране Центральной Азии, невозможно. В кратко- и среднесрочной перспективе только интересы Китая могут рассматриваться как однозначно уязвимые в случае реализации «цветной» или «арабской» революции в странах Центральной Азии.

С другой стороны, на настоящий момент ни одна из ведущих мировых держав не высказала заинтересованности в дестабилизации существующих режимов. В ситуации стратегической неопределенности, связанной с конфликтом вокруг ядерной программы Ирана и перспективами трансформации Ближнего Востока и Южной Азии, США, Россия, Китай и страны Европейского Союза в краткосрочной перспективе заинтересованы в существовании в странах Центральной Азии ответственных правительств. Помимо этого территория Центральной Азии — буферная и транзитная зона по отношению к Афганистану, что крайне актуально в связи с предстоящим ослаблением там военного присутствия США.

Помимо великих держав необходимо иметь в виду позицию радикальных исламских группировок. В целом они заинтересованы в свержении действующих режимов в Центральной Азии. Однако, как показал опыт «арабских революций», исламисты отдают себе отчет в том, что подобная смена власти должна исходить из самих этих стран.

Таким образом, можно утверждать, что инициация смены режимов в странах Центральной Азии со стороны великих держав по сценарию «цветной революции» в краткосрочной перспективе маловероятна. Однако в случае начала реализации сценария «арабской революции» или «дворцового переворота» влиятельные внешние игроки, бесспорно, предпримут максимум усилий для продвижения лояльных им сил.

Меры по стабилизации режимов, предпринимаемые правительствами стран Центральной Азии

Предпринимаемые государствами Центральной Азии меры по стабилизации режимов перед угрозой «цветных» и «арабских» революций не выходят за пределы классической схемы, предлагаемой в рамках модели безопасности режимов [18]:

- расширение давления на оппозиционные структуры и развитие репрессивного аппарата государства (структуры служб/комитетов безопасности и министерств внутренних дел);

- использование стратегии по дроблению оппозиционных сил по модели «разделяй и властвуй» (в том числе формирование «псевдооппозиции»);

- делиберализация государственных структур (прежде всего парламентов), ограничение доступа к ним представителей гражданского общества и оппозиции, манипуляции с демократическими процедурами и их итогами;

- проведение популистских решений в области социально-экономической политики;
- акцентирование внесистемных угроз и вызовов (прежде всего террористической угрозы и вызовов со стороны «политического экстремизма» в религиозной или этнической форме);
- вхождение в оборонные союзы или стратегические партнерские отношения с великими державами (в первую очередь с Россией, возможно, с США), присоединение к региональным структурам по обеспечению безопасности.

Помимо этого в рамках указанных мероприятий, в связи со спецификой современных протестных выступлений, вводятся ограничения на использование современных электронных средств коммуникации.

Однако в современных условиях все указанные средства оправданны только как вспомогательные и краткосрочные. Они не могут рассматриваться как бесспорно эффективные в средне- и долгосрочном плане, поскольку не снимают ключевой проблемы — так называемой дилеммы небезопасности: чем больше элиты (режимы) «слабых государств» стремятся установить эффективное государственное управление, тем в большей степени они провоцируют вызовы для своей власти со стороны влиятельных общественных групп [19].

Возможность выхода политики безопасности стран Центральной Азии за рамки описанных выше классических схем остается открытой [20].

Литература

1. НАТО останется в Афганистане после 2014 г. — командующий ISAF // <http://www.ria.ru>
2. Там же.

3. Великобритания не собирается покидать Афганистан в 2014 г. // <http://news.ng.ru>
4. Британцы могут оставить часть имущества военного контингента в Афганистане, Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане // <http://vestikavkaza.ru>
5. Узбекистан повысил тарифы для Северной сети поставок в Афганистан // <http://www.trend.az>
6. Россия и меняющийся мир // <http://www.putin2012.ru>
7. СМИ: США «скупают» спецслужбы Центральной Азии // <http://gazetaturan.com>
8. Россия готовит программу содействия экономическому развитию Центральной Азии // <http://tengrinews.kz>
9. Оганесян А. Если завтра война // Международная жизнь (МИД РФ). 2012. — № 1.
10. Крениг М. Время атаковать Иран. Почему военная операция — наименьшее из всех зол // Россия в глобальной политике (Москва). 2012. — Т.10. — № 1. — С. 44—53.
11. Орлов В. Лабиринт, которого нет. Зачем и кому нужна война с Ираном // Россия в глобальной политике (Москва). 2012. — Т.10. — № 1. — С. 54—67.
12. Рябков С. Санкции против Ирана: ресурс исчерпан // Индекс безопасности (ПИР-Центр). 2012. — № 1. — С. 17—24.
13. Buzan B. People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era. — Boulder, CO: Lynne Rienner, 1991. — Pp. 96—107; Бурнашев Р., Черных И. Безопасность в Центральной Азии: методологические рамки анализа (военный сектор безопасности). — Алматы: Казахстанско-Немецкий университет. 2006. — 416 с.
14. Jackson R. Regime Security // Contemporary Security Studies. — Oxford: Oxford University Press. 2010. — P. 188.
15. Whose World Order? Uneven Globalization and the End of the Cold War. — Boulder, CO: Westview Press, 1992; Caporoso J. The European Union and Forms of the State: Westphalian, Regulatory or Post-Modern? // Journal of Common Market Studies. 1996. — N 34 (1). — Pp. 29—52; Cooper R. The Postmodern State and the World Order. — London: Demos Paper. 1996. — N 19; Buzan B., Segal G. The Rise of the 'Lite' Powers: A Strategy for Postmodern States // World Policy Journal. 1996. — N 13 (3). — Pp. 1—10.
16. Бурнашев Р. Казахстан и Средняя Азия: конструирование региона // Республика Казахстан: достижения независимости и взгляд в будущее. Материалы IX Ежегодной Алматинской

конференции, посвященной 20-летию независимости РК. — Алматы: КИСИ. 2011. — С. 113—121.

17. Бурнашев Р., Черных И. Региональный конфликт: сценарий для Центральной Азии // Казахстан-Спектр. — № 4, 2012 г. — С. 90—101.

18. Jackson R. Regime Security // Contemporary Security Studies. — Oxford: Oxford University Press. 2010.

19. Jackson R. Regime Security // Contemporary Security Studies. — Oxford: Oxford University Press. 2010. — P. 187.

20. Бурнашев Р., Черных И. Региональный конфликт: сценарий для Центральной Азии // Казахстан-Спектр. — № 4, 2012 г. — С. 90—101.

ГЛАВА 2. СИТУАЦИЯ НА КАСПИИ: ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ И УГРОЗЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Каспийский регион, богатый запасами нефти и газа, является одним из ключевых узлов современной нефтегазовой трубопроводной геополитики. С одной стороны, региональные игроки — Азербайджан, Казахстан, Туркменистан — заинтересованы не только в сотрудничестве с Россией, но и в ослаблении транспортно-коммуникационного доминирования Москвы.

С другой стороны, соперничество геополитических игроков, в первую очередь США и России, может привести к усилению позиций в регионе США, которые смогут оказывать давление не только на Россию, Иран и Китай, но и на страны региона. Следовательно, в борьбе за установление контроля над нефтяными и газовыми месторождениями на Каспии и маршрутами трубопроводов политические интересы играют не меньшую роль, чем экономическая целесообразность.

Соперничество глобальных и региональных акторов на Каспии имеет тенденцию к дальнейшему обострению. Новый посол США в Азербайджане Р. Морнингстар открыто заявил о необходимости сломить сопротивление России и Ирана в отношении Транскаспийского газового проекта. В частности, он заявил: «Мы всегда поддерживали Транскаспийский газопровод. Если он пройдет только через воды Туркмении и Азербайджана, то мы не видим причин, почему он не может быть реализован. Что касается утверждений о противодействии России, то США и Евросоюз оказывают политическую поддержку проекту. Мы не видим каких-либо преград на пути его реализации. Этот вопрос должны решать

и обсуждать три стороны: Азербайджан, Туркмения и Евро-союз» [1].

Союзником США является Европейский Союз, заинтересованный в обеспечении энергетической безопасности Европы. В этих целях он выступает за осуществление стратегии энергетической диверсификации с различными источниками энергии и разнообразными путями выхода энергоносителей, в том числе каспийских, на мировой рынок.

12 сентября 2011 г. Совет ЕС предоставил мандат Еврокомиссии на проведение переговоров с правительствами Азербайджана и Туркменистана о строительстве Транскаспийского газопровода. В этой связи посол ЕС в Азербайджане Р. Кобия 11 апреля 2012 г. заявил, что данный проект не направлен против кого-либо, а, наоборот, в пользу Азербайджана, Туркменистана и Европы, и никто не имеет права вмешиваться в ход переговоров между ними.

Интерес к Каспию проявляют и другие страны, в частности Турция и Израиль. Турция как член НАТО принимает активное участие в перевооружении азербайджанской армии и при поддержке США пытается закрепиться в Каспийском регионе в качестве авангарда Североатлантического блока.

В последнее время в Азербайджане активизировался Израиль, который продал Баку оружия более чем на 1,5 млрд долларов, включая беспилотные летательные аппараты, противокорабельные ракеты, зенитные ракетные комплексы и средства радиотехнической разведки. Если учесть, что у Армении нет выхода к Каспийскому морю и, следовательно, военно-морского флота, то израильское оружие может быть использовано не в Нагорном Карабахе, а против кораблей Ирана или России и, возможно, против других прикаспийских государств.

По мнению экспертов Национального разведывательного совета США, движущей силой в восстановлении сферы влияния России в ближнем зарубежье будет контроль над ключе-

выми узлами энергомаршрутов на Кавказе и в Центральной Азии, являющихся жизненно важными для амбиций энергетической сверхдержавы [2]. Поэтому, чтобы подтвердить выполнение европейских газовых контрактов, Россия будет стремиться удержать страны Каспийского региона в сфере своего влияния.

В настоящее время геополитическая ситуация вокруг Каспийского моря и его ресурсов стала существенно меняться из-за усиления позиций КНР в мировой экономике и активизации ее политики на иранском и центральноазиатском направлениях.

Другой важный фактор, оказывающий негативное влияние на межгосударственные отношения в регионе, — напряженность в отношениях между США и Ираном. В настоящий момент вероятность вооруженного конфликта между ними высока как никогда после событий 1980—1981 гг. Обострение военного конфликта с Ираном грозит подрывом стабильности в Центральной Азии и Каспийском регионе.

2.1. Политика и интересы России в Каспийском регионе

После вступления В.В. Путина в должность президента РФ 7 мая 2012 г. внешняя политика России, в том числе в Каспийском регионе, претерпевает существенные изменения. Это связано с тем, что В.В. Путин, по сравнению с Д.А. Медведевым, отличается большим прагматизмом и жесткостью в достижении поставленных задач, защите национальных интересов страны и механизмов обеспечения безопасности России. Кроме того, одним из ключевых направлений внешней политики В.В. Путина является создание Евразийского союза, который на Западе рассматривается негативно.

Поэтому Россия в условиях меняющихся реалий современного мира, по словам В.В. Путина, намерена обеспечивать свои национальные интересы и безопасность путем самого активного и конструктивного участия в мировой политике, в решении глобальных и региональных проблем [3].

Сегодняшний мир, по мнению В.В. Путина, сталкивается не просто с серьезным системным кризисом, а с тектоническим процессом глобальной трансформации, при котором «мир вступает в зону турбулентности». При этом прежний единственный полюс силы в лице США уже не способен поддержать глобальную стабильность, а новые центры влияния еще не готовы это сделать [4].

Принципиально важным для понимания каспийской политики России является тезис В.В. Путина о неприемлемости усиливающегося за рубежом мнения о том, что «национальный суверенитет не должен распространяться на ресурсы глобального значения». Более того, считает В.В. Путин, у некоторых государств возникает соблазн решить свои проблемы за чужой счет, путем силового давления. Для этого создаются зоны нестабильности и искусственно подогреваемого управляемого хаоса, прослеживаются целенаправленные попытки спровоцировать такие конфликты, причем в непосредственной близости от границ России [5].

Исходя из этого, полагает В.В. Путин, Россия, которая сейчас «сосредотачивается, собирается с силами», должна двигаться вперед, даже в жестких, далеко не комфортных внешнеполитических и внешнеэкономических условиях [6]. Но, поскольку мировое сообщество считается с Россией лишь тогда, когда она сильна и твердо стоит на ногах, Российская Федерация, делает вывод В.В. Путин, сможет укрепить свои международные позиции, развивать экономику только в том случае, если будет в состоянии дать адекватный

военный ответ в качестве крайней меры реагирования на те или иные вызовы [7].

Сложившийся геополитический расклад на Каспии определяет следующие цели каспийского вектора внешней политики России: 1) предпринять необходимые усилия по недопущению на Каспий внерегиональных игроков, в первую очередь США и страны ЕС, и ограничить их влияние на государства региона; 2) препятствовать строительству трубопроводов, в частности Транскаспийского, в обход России.

Для достижения этих целей Москва станет активно использовать все имеющиеся в ее распоряжении дипломатические, юридически-правовые, а также военные возможности и средства. Кроме того, она будет апеллировать к общественности стран Каспийского региона и международным организациям по проблемам правового статуса, судоходства, рыболовства, экологии, рекреационных ресурсов Каспия.

Россия заключила соглашение с Казахстаном о разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование; соглашение с Азербайджаном о разграничении сопредельных участков дна северной части Каспийского моря; трехстороннее российско-азербайджанско-казахстанское соглашение о точке стыка линий разграничения сопредельных участков дна Каспийского моря, которая устанавливает географические координаты разделительных линий, ограничивающих участки дна, в пределах которых стороны осуществляют свои суверенные права в сфере разведки и добычи минеральных ресурсов.

Актуальную позицию Москвы по каспийской проблематике министр иностранных дел России С.В. Лавров высказал на брифинге в Баку 4 апреля 2012 г. По его словам, необходимо в полной мере выполнить решения, достигнутые президентами пяти прикаспийских государств на Бакинском

саммите в ноябре 2010 г., включая скорейшее вступление в силу подписанного в Баку в ноябре 2010 г. Соглашения о сотрудничестве в области безопасности на Каспии и продвижения в вопросе подготовки Конвенции о статусе Каспийского моря. Относительно проекта Транскаспийского трубопровода С.В. Лавров прямо заявил, что для России неприемлемо, когда вопросы, касающиеся использования акватории Каспийского моря, включая прокладку газопровода, принимаются без учета мнения всех пяти прикаспийских стран [8].

Наиболее острой проблемой для всех прикаспийских государств является экологическая, связанная с загрязнением вод в результате добычи и транспортировки нефти на континентальном шельфе, затоплением отдельных объектов в связи с систематическим повышением уровня Каспийского моря.

В настоящее время в Каспийском море осуществляется бурение на 240 скважинах. Подсолевые пласты Каспия характеризуются высоким содержанием в нефти вредных примесей, в частности сероводорода. На месторождении Кашаган уровень этого химического элемента достигает 20%. Кроме того, здесь крайне высокое пластовое давление — до 850 атмосфер. В случае пожара сочетание высокого пластового давления, нефти, газа и воды может образовать столб пламени высотой до 300 метров, диаметром до 50 метров, с температурой в устье скважины до 450 градусов. Поэтому казахстанские экологи предлагают объединить усилия прикаспийских стран по борьбе с катастрофическими нефтегазовыми выбросами в акватории Каспийского моря и создать соответствующую межгосударственную базу в Астрахани [9].

Союзниками России по защите ее интересов на Каспии выступают Иран, а также Китай. Россия и Иран в соответствии с действующим правовым режимом Каспийского моря, установленным советско-иранскими договорами 1921 и 1940 г.,

выступают за свободу судоходства на всей акватории моря, свободу рыболовства за исключением десятимильных национальных рыболовных зон, а также запрет на плавание по Каспию судов под флагами некаспийских государств.

В настоящее время Иран, настаивающий на разделе Каспия по срединной линии, требует передачи под его контроль одной пятой части моря. Поэтому Тегеран выступает категорически против строительства Транскаспийского трубопровода, пока не будет решен вопрос о правовом статусе Каспия.

Сближению Тегерана и Москвы способствует беспрецедентная политика давления со стороны США на Иран, который пытается на протяжении ряда лет играть самостоятельную роль на Ближнем Востоке и в исламском мире.

Пекин, заинтересованный в бесперебойных и дешевых поставках газа по трубопроводу Центральная Азия — Китай, опасается, что, если будут реализованы планы по поставке газа в Европу, это может сказаться на гарантированных объемах и стоимости поставок туркменского газа в Поднебесную.

По мнению российских экспертов, Запад недооценивает решимость Москвы воспрепятствовать реализации трубопроводных проектов через Каспийское море, поскольку такие действия, во-первых, нарушают правовой режим водоема; во-вторых, де-факто будут означать признание раздела Каспийского моря на секторы; в-третьих, легализуют появление военных баз в регионе.

Более того, российские эксперты не исключают того, что Россия может прибегнуть к военной силе в духе операции по «принуждению Грузии к миру». Заведующий отделом Института стран СНГ М. Александров считает, что «на этот раз придется принуждать Ашхабад и Баку к соблюдению международного права. Возможно, и путем авиаударов, если они по-другому не понимают». Представитель Института СНГ обосновывает необходимость реанимации политики каноне-

рок следующим образом: «После того, что НАТО делали в Югославии, Афганистане, Ираке и Ливии, каких-либо сдерживающих барьеров — будь то моральных или правовых — против применения силы на Каспии просто не имеется» [10].

Такую точку зрения разделяет и гендиректор Фонда национальной энергетической безопасности К. Симонов, полагающий, что силовой метод является единственно возможным ответом России на попытку строительства Транскаспийского трубопровода [11].

Такие воинственные заявления российских экспертов опираются на осуществляемое интенсивное перевооружение Каспийской флотилии, в состав которой входят ракетные, торпедные и артиллерийские катера, сторожевые и десантные корабли, тральщики, части морской пехоты, береговые ракетные и артиллерийские комплексы. На Каспийском море предусматривается развертывание станций с навигационным оборудованием ГЛОНАСС. До 2020 г. в Каспийской флотилии планируется ввести в строй 16 новых боевых кораблей и судов обеспечения. Вслед за Азербайджаном Россия в конце 2011 г. приступила к подготовке подразделений боевых пловцов, предназначенных для противодиверсионного обеспечения кораблей.

Таким образом, на Каспии в настоящее время наблюдается не только обострение дипломатической борьбы, но и наращивание военно-морских сил всех прикаспийских стран, причем военные мускулы Азербайджана «накачиваются» при поддержке внерегиональных игроков — США, Израиля и Турции.

2.2. Роль прикаспийских регионов РФ в обеспечении безопасности на Каспии

На современном этапе одной из первоочередных задач Российской Федерации является снижение уровня социаль-

но-экономической и военно-политической напряженности в южных регионах страны, географически включающих в себя и прикаспийские территории. Рост экстремистских настроений на Северном Кавказе в значительной степени увеличивает риски для поступательного развития экономики как самих прикаспийских регионов РФ, так и прибрежных областей государств «каспийской пятерки».

Нужно отметить, что российское руководство предпринимает ряд стабилизирующих мер военного и экономического характера, которые, прежде всего, направлены на восстановление в северокавказских республиках пошатнувшейся вертикали власти, а также на создание благоприятных условий для развития промышленного и рекреационного потенциала региона.

Вплоть до 2010 г. прикаспийские территории России, а именно Астраханская область, Республики Дагестан и Калмыкия, находились в составе Южного федерального округа (ЮФО), что предполагало координацию их деятельности в соответствии с выработанной на административном уровне единой политикой управления. Однако в январе 2010 г. указом президента РФ из состава ЮФО был выделен Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО), в который в числе прочих республик Северного Кавказа вошел и Дагестан.

В результате проведенных преобразований на российском побережье Каспия стали функционировать два административных образования, принципиально различающихся в подходах официальных властей к определению ключевых угроз социальной стабильности, а также приоритетных для господдержки отраслей экономики. Северокавказские республики сохраняют за собой статус главных экспортеров террористической угрозы в РФ, что наглядно свидетельствует о необходимости разработать более действенную модель опе-

ративного решения имеющихся социально-экономических проблем.

Подобное административное деление свидетельствует об отсутствии у руководства РФ намерения выделять прикаспийские территории в отдельный элемент системы федеральных округов. Так как в среднесрочной перспективе формирование стратегии регионального развития, ориентированной исключительно на прикаспийские области, не планируется, следует рассматривать национальную политику в отношении прибрежных территорий РФ через призму федеральных и отраслевых программ.

В частности, в настоящее время на территории Южного и Северо-Кавказского федеральных округов продолжает действовать Федеральная целевая программа (ФЦП) «Юг России», которая направлена на создание условий для устойчивого социально-экономического развития регионов и повышение благосостояния и качества жизни населения. Это самая капиталоемкая программа, действующая в регионе. Общая сумма на период 2008—2013 гг. составляет 145 млрд руб., из которых 52 млрд выделяет федеральный бюджет. Помимо нее продолжают функционировать программы по социально-экономическому развитию Чеченской Республики и Республики Ингушетия* [12].

Однако срок действия большей части обозначенных ФЦП истекает в текущем или следующем году, что актуализирует вопрос о разработке новых программ государственной поддержки. Речь, в частности, идет о госпрограмме по развитию Северо-Кавказского ФО до 2025 г., которая по замыслу российского руководства должна будет полностью заменить существующие, так как ее предполагаемый

* Программа по социально-экономическому развитию Чеченской Республики остается второй по уровню финансирования в регионе. На нее было потрачено 124 млрд рублей, причем почти 112 млрд из федерального бюджета. Общая же стоимость ФЦП по развитию Ингушетии составляет всего 32 млрд рублей.

бюджет в десять раз превысит расходы по перечисленным выше ФЦП*.

Подобный масштаб финансирования в случае утверждения программы станет беспрецедентным для Северного Кавказа. Именно это обстоятельство вызывает наибольшее количество нареканий у ее противников, что приводит к затягиванию процесса согласования финального варианта документа. Обсуждение спорных моментов будет завершено, предположительно, к концу 2012 г., также не исключена возможность переноса решения вопроса на следующий год. Данное обстоятельство вызывает беспокойство у властей Дагестана, которые опасаются прекращения финансирования социальных проектов ввиду отсутствия у республики специальной региональной программы.

Позиция дагестанской администрации обуславливается тем, что для субъектов СКФО характерна высокая дотационность бюджетов при низких налоговых поступлениях. Отсутствие собственных резервов для повышения уровня занятости и доходов населения, а также инвестиционной привлекательности региона свидетельствует о сохранении в долгосрочной перспективе тенденции зависимости субъектов от средств федерального бюджета. Для Дагестана необходимо поддерживать 70%-ный порог дотационных поступлений, чтобы иметь возможность осуществлять все социальные выплаты.

Таким образом, в случае утверждения новой программы по развитию Северного Кавказа Дагестан может оказаться «отрезанным» от прикаспийских регионов РФ как в экономическом, так и в стратегическом плане. Стремление российского руководства направить значительный поток финансовых инвестиций в экономику северокавказских республик

* Общий объем финансирования ФЦП по развитию Северного Кавказа должен составить порядка 3,89 трлн рублей. Из них 2,6 трлн придется на расходы федерального бюджета; 195,2 млрд рублей выделят субъекты федерации, остальные 1,09 трлн попытаются привлечь из внебюджетных источников.

является мерой, призванной сдержать рост конфликтного потенциала и социальной напряженности на Кавказе.

Фокусировка правительства страны на стабилизации ситуации в «кавказском секторе» пока не оказывает определяющего воздействия на темпы экономического развития других прибрежных областей России на Каспии. Так, несмотря на отсутствие специальных федеральных программ, макроэкономические показатели астраханской области демонстрируют положительную динамику и в ряде случаев превышают общероссийские стандарты. И хотя в отношении Калмыкии сложно проявлять аналогичный оптимизм, в целом по величине валового регионального продукта на душу населения республика все же опережает представителей северокавказского региона.

Оценивая роль прикаспийских регионов РФ в формирующейся системе безопасности на Каспии, следует особо остановиться на рассмотрении так называемого кавказского узла противоречий. Так, в настоящее время обстановка на Северном Кавказе стремительно приближается к состоянию перманентного военно-политического кризиса. В свете последней серии терактов в Дагестане руководство РФ приняло решение задействовать имеющиеся в СКФО силовые ресурсы для образования в республике Временной оперативной группы МВД РФ. Группа будет сформирована на базе подразделений Временной оперативной группировки органов и подразделений (ВОГОиП) МВД РФ, дислоцирующейся в Чечне [13].

Данная мера свидетельствует о том, что основной упор в антитеррористической работе отныне будет сделан на Дагестане [14]. Осуществив переброску воинских подразделений, официальная Москва тем самым продемонстрировала свою уверенность в стабилизации общественно-политической ситуации в Чечне, а также в создании там достаточно устойчивой вертикали власти.

Осуществляемая переориентация с чеченского вектора на дагестанский является ответной реакцией Москвы на укрепление в республике следующих дестабилизирующих факторов:

- растущей дифференциации по уровню доходов и качеству жизни регионального чиновничества, его ближайшего окружения и основной массы населения вследствие коррумпированности административно-управленческого аппарата;
- межнациональных противоречий и соперничества, клановой структуры общества и семейственности;
- высокой степени проникновения криминала в региональные властные структуры;
- вторжения в сферу влияния традиционного ислама экстремистских течений (салафизм) с агрессивными призывами и лозунгами;
- широкой информационно-пропагандистской работы сторонников радикально настроенных «учений» ислама по созданию и укреплению идеологии «новой социальной справедливости» [15].

Таким образом, сложное социально-экономическое положение населения, а также эрозия религиозных и мировоззренческих ориентиров привели к изменению системы жизненных ценностей у молодого поколения. В сочетании с резким снижением авторитета властных структур и фактической утратой доверия к правоохранительным органам вероятность того, что в ближайшем будущем удастся безболезненно ликвидировать исходящие из региона угрозы, остается крайне низкой.

В частности, вызывает сомнения эффективность мер, предпринимаемых местной администрацией по линии работы Комиссии по адаптации боевиков к мирной жизни*. За два года своей деятельности Комиссия способствовала адап-

* Комиссия по адаптации была создана указом президента Дагестана от 2 ноября 2010 г. Целью ее является помощь лицам, по разным причинам оказавшимся в составе бандформирований, но раскаявшимся и согласившимся вернуться к мирной жизни под гарантии безопасности в ходе следствия и справедливого суда.

тации всего порядка 50 человек. Однако созданный в Дагестане институт не способен полностью решить проблему реабилитации бывших боевиков. Исходя из этого, возникает вопрос о целесообразности простого копирования данного органа на федеральном уровне, а именно создания Комиссии под патронажем президента РФ или Государственной думы.

Признавая слабую результативность мероприятий, направленных на социально-экономическое развитие юга России, российские эксперты особо выделяют иностранное вмешательство в качестве одного из ключевых факторов, обостряющих обстановку на Кавказе. В силу политической дестабилизации в странах Среднего и Ближнего Востока повышается угроза *увеличения интенсивности трансграничного взаимодействия* экстремистских групп. В данных обстоятельствах актуальным для РФ является не только наращивание сил полиции, которая бы обеспечивала порядок на улице, но и усиление специализированных служб, способных предотвратить незаконное проникновение на территорию РФ как финансовых, так и кадровых ресурсов со стороны зарубежных экстремистских групп.

Таким образом, несмотря на концентрацию усилий ряда министерств на ликвидации террористической угрозы в Дагестане*, сложно ожидать немедленного улучшения ситуации. Однако смещение приоритетов в политике обеспечения безопасности на Кавказе, безусловно, является стратегически верным шагом для РФ.

Рост военно-политической напряженности на Северном Кавказе — непосредственная угроза безопасности для Каспийского региона. Вместе с этим следует отметить, что действующее в СКФО вооруженное подполье, единожды обозна-

* Только с начала 2012 г. при оказании вооруженного сопротивления силам правопорядка нейтрализованы 72 боевика, в том числе и главаря бандформирований, а также пресечена преступная деятельность 66 террористов.

чив условные границы «зоны поражения», пока не стремится выходить за ее пределы. Более 60% всех терактов совершается на территории самого Дагестана, оставшаяся часть приходится на операции в соседних субъектах РФ, а также в городах федерального значения. Данное обстоятельство позволяет говорить о том, что на современном этапе у экстремистских групп отсутствуют намерения напрямую вовлекать прикаспийские регионы РФ в южный пояс нестабильности.

Минимальный риск появления непосредственной террористической деятельности «на море» не означает полного отсутствия вызовов безопасности в Прикаспии. Значительную угрозу представляют террористические акты, направленные против объектов энергетической инфраструктуры. За последние несколько лет участились случаи диверсий на транспорте, нефте- и газопроводах, объектах электроэнергетики. В частности, в 2011 г. ущерб от теракта понес магистральный нефтепровод Баку — Новороссийск, что свидетельствует о необходимости повышения эффективности охраны нефтегазовых артерий каспийской системы трубопроводов.

Продолжающаяся милитаризация Кавказа приводит к формированию на Каспии каналов доставки оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, которые впоследствии оседают в тайниках бандформирований. Поиск и уничтожение подобных складов является неотъемлемой частью работы силовых ведомств Дагестана по борьбе с терроризмом, однако в силу неотлаженности механизмов выявления контрабанды на границе простое изъятие незаконного вооружения является лишь частичным решением проблемы.

Определенную опасность для российских интересов представляет процесс изменения этнического состава населения Астраханской области, а именно увеличение численности этносов, для которых ислам является составляющей частью жизни общества. Представители таджикской, казах-

ской, азербайджанской и других диаспор представляют собой потенциальную аудиторию для салафитской пропаганды и рекрутирования. В случае их сращивания с местным криминалитетом, который активно оказывает финансовую поддержку экстремистам, может быть образован дополнительный коммуникационный коридор, имеющий прямой выход к прикаспийским областям Казахстана.

Нужно отметить, что, хотя в настоящее время перед РК не стоит полномасштабная угроза проникновения радикальных течений ислама из прикаспийских регионов РФ, были выявлены случаи, подтверждающие готовность отдельных граждан республики стать последователями салафизма.

Несмотря на существование целого комплекса проблем в прикаспийских областях РФ, на сегодняшний момент сформировались некоторые предпосылки для объединения прибрежных субъектов РФ на Каспии в единый Прикаспийский регион. Так, для оперативного решения вопросов, связанных с интенсификацией международных взаимосвязей с прикаспийскими государствами, в Астрахани и Махачкале были открыты представительства МИД РФ. В Астрахани также были открыты консульства Казахстана и Ирана. Межрегиональная активность каспийских субъектов РФ осуществляется на основе соглашений практически со всеми остальными территориями стран Прикаспия. В частности, Астраханская область имеет договоры о сотрудничестве с Атырауской и Мангистауской областями Казахстана, северными провинциями Исламской Республики Иран, правительством Азербайджана.

2.3. Политика и интересы Туркменистана на Каспии

В период первого президентского срока Г. Бердымухамедова Туркменистан активизировал свою энергетическую ди-

пломатию и вместе с этим оказался в значительной степени вовлечен в соперничество России и Запада в Каспийском регионе. Очевидно, что и в дальнейшем Ашхабад намерен продолжать стратегию, нацеленную на диверсификацию маршрутов экспорта энергоресурсов. Несмотря на все сложности, транскаспийское (западное) направление в Туркменистане рассматривается как одно из перспективных маршрутов в экспорте газа.

Как известно, изначально конкуренция развернулась за направления магистрального газопровода (Транскаспийский или Прикаспийский трубопровод). В данный вопрос прямо или косвенно оказались вовлечены Россия, ЕС, США, КНР, Иран и Турция.

Российский «Газпром» длительное время (до конца 2000-х гг.) занимал определяющие позиции в сфере экспорта туркменского газа на мировые рынки. Очевидно, что Ашхабад не устраивало подобное положение.

Как известно, кульминацией противостояния был период с 8 апреля 2009 г. (взрыв на газопроводе Средняя Азия — Центр) до начала 2010 г. Трубопровод был восстановлен в течение недели, тем не менее «Газпром» резко ограничил закупки туркменского газа из-за разногласий в цене. Туркменское руководство активизировало переговорный процесс по другим направлениям. Уже летом 2009 г. президент Г. Бердымухамедов на заседании правительства поддержал проект «Набукко». Кроме того, Ашхабад активизировал переговоры также и с азиатскими партнерами по расширению энергетического экспорта.

Россия стремилась продемонстрировать нерентабельность строительства газопровода «Набукко», добываясь сооружения Прикаспийского газопровода и модернизации газопровода Средняя Азия — Центр. Осознавая потенциально возросшую роль альтернативных маршрутов, Москва хотела

закрепить ведущие позиции «Газпрома», но из-за тактических целей существенно ослабила свои стратегические позиции в Туркменистане.

После острого конфликта Ашхабада с «Газпромом» с 2009 г. идея Прикаспийского газопровода оказалась замороженной. Туркменская сторона отказалась рассматривать последний как конечную цель для будущего внутреннего трубопровода Восток — Запад. Туркменский лидер продемонстрировал твердое намерение реализовать планы по диверсификации маршрутов вывода природного газа на международные рынки.

На встрече с президентом Г. Бердымухамедовым в 2010 г. в Ашхабаде П. Морель, являвшийся на тот момент спецпредставителем ЕС по Центральной Азии, высказал «одобрение реформаторскому курсу» президента Туркменистана. По сути, ЕС в обмен на символические жесты в вопросах демократизации со стороны Ашхабада был готов более масштабно участвовать в энергетических проектах в Туркменистане. Представитель ЕС подчеркнул также, что ведущие европейские компании «выражают огромную заинтересованность в участии в осуществляемых Туркменистаном перспективных проектах в сфере ТЭК, а также в интенсификации деловых связей в других отраслях». Брюссель обратил внимание туркменской стороны на то, что намерен еще более углубить взаимодействие в рамках подписанного в мае 2008 г. Меморандума о взаимопонимании и сотрудничестве в области энергетики между Туркменистаном и ЕС [16].

В 2008 г. Еврокомиссия добила от Ашхабада подписания меморандума о поставках 10 млрд куб. м газа в год. Европарламент пошел на политические уступки, ратифицировав торговое соглашение между ЕС и Туркменистаном, несмотря на ситуацию с правами человека в этой стране. Смысл этих маневров сводился к тому, что ЕС хотел бы

иметь более твердые гарантии со стороны Туркменистана по поддержке проекта «Набукко». В свою очередь Ашхабад желал бы большей определенности в рынках сбыта и в географии прокладки потенциального трубопровода. Иракский Курдистан и Азербайджан в ЕС рассматривались также в числе важных потенциальных поставщиков для проекта «Набукко».

Хотя Турция и Румыния уже анонсировали начало строительства «Набукко», окончательно не определены поставщики и объемы газа. Сроки запуска сдвинулись с 2014 на 2018 г. Более того, венгерские власти в апреле 2012 г. заявили о выходе из проекта [17].

По обобщенным оценкам, проект системы газопроводов «Набукко» протяженностью 3,3 тыс. км оценивается от 7,9 до 14 млрд евро. Необходимо отметить, что одно из главных условий его реализации связано с вопросом, сможет ли ЕС заключить стратегическое соглашение о поставках газа из Туркменистана сроком на 30 лет.

Вместе с тем в середине 2012 г. европейские участники проекта «Набукко» приняли компромиссное решение о начале сооружения «усеченного» варианта проекта, так называемого Nabucco West, который предполагает строительство газопровода, длина которого уменьшится по сравнению с первоначальным вариантом до 1 300 км и протянется от турецко-болгарской границы до австрийского города Баумгартена. При этом Nabucco West серьезно рассматривает возможность присоединения к Трансанатолийскому газопроводу (TANAP), соглашение о сооружении которого было подписано Азербайджаном и Турцией 27 июня 2012 г.

Все эти соглашения, так или иначе, сохраняют возможность в перспективе для присоединения к указанным системам трубопроводов потенциальных поставщиков газа из Каспийского региона, и прежде всего Туркменистана.

В марте 2012 г. в ходе визита на Украину туркменский лидер еще раз заявил об идее строительства газопровода Туркменистан — Азербайджан — Грузия (с возможным ответвлением на Украину) — Турция — Европейский Союз (ЕС). По его словам, мощность планируемого газопровода должна составить до 25 млрд кубометров природного газа в год [18].

В это же время на переговорах в Вашингтоне членов туркменской делегации с руководителями ряда ведущих нефтегазовых американских компаний, таких как Chevron, Exxon Mobil, ConocoPhillips, США вновь выразили готовность оказать поддержку Туркменистану в диверсификации экспортных маршрутов [19].

По сути, это частично совпадает с идеей проекта «Белый поток» (Туркменистан — Азербайджан — Грузия — Украина), инициированного, как известно, еще в период премьерства на Украине Ю. Тимошенко.

При этом для ЕС «Набукко» хоть и важный проект, но часть так называемого «Южного коридора». В этом же ключе следует рассматривать и идею сооружения Транскаспийского трубопровода между Туркменистаном и Азербайджаном.

Примечательной является речь главы представительства ЕС в Азербайджане Р. Кобиа, заявившего по поводу Транскаспийского газопровода в апреле 2012 г.: «Мы полагаем, что этот проект — дело двух стран, и никому не следует вмешиваться в этот процесс. Уже существуют тысячи километров трубопровода в Каспийском море, и мы не думаем, что этот проект сильно повлияет на экологию Каспия» [20]. При этом показательно, что переговоры по данному вопросу, в том числе с участием Азербайджана и Туркменистана, должны быть продолжены в Вене и Брюсселе.

В целом эта позиция находит поддержку в Ашхабаде. Ранее на саммите глав прикаспийских государств в Баку в но-

ябре 2010 г. Г. Бердымухамедов заявил, что «Туркменистан твердо убежден в том, что прокладка подводного трубопровода на Каспии может осуществляться с согласия только тех сторон, через участки дна которых будет построен такой трубопровод» [21].

Визит главы Европейской комиссии Жозе Мануэла Баррозу в Ашхабад и Баку, предпринятый в середине января 2011 г., продемонстрировал сближение позиций — Туркменистан и Азербайджан заявили о готовности поставлять газ для «Южного коридора».

В целом позиция Ашхабада обусловлена принципом, при котором Туркменистан готов продавать газ на своей границе, тем самым избегая прямого вовлечения в решение сложных вопросов международной транспортировки. Это оставляет Ашхабаду дипломатические резервы для развития партнерства с Россией и Ираном, выступающих против сооружения трубопровода по дну Каспия.

Следует отметить, что среди западных экспертов, в отличие от дипломатов, отсутствует единодушие в вопросе перспективы участия Туркменистана в проекте газопровода «Набукко».

Руководитель Eurasian Transition Group (ETG, Бонн) М. Лаубш озвучил вопросы, беспокоящие ЕС. Во-первых, насколько можно доверять Туркменистану как поставщику такого важного источника энергии для Европы, как природный газ. При этом он пояснил, что Ашхабад предстает как недостаточно надежный, «непрозрачный» партнер, а руководство Туркменистана оценивается как непредсказуемое в своих решениях. Во-вторых, остается нерешенной проблема статуса проекта «Набукко» — он носит политический характер или экономический [22].

Так, пресс-секретарь «Набукко» К. Долежал отметил, что трубопровод — «проект чисто экономический, им занимается

ся ряд западных компаний, а политические решения лежат вне сферы их компетентности» [23].

Вместе с тем очевидно, что активность западных политиков и дипломатов в этом вопросе не позволяет считать проект «Набукко» сугубо экономическим.

Европейские страны и компании также не всегда едины в подходах. Итальянская компания Eni считает, что можно подумать о способах интеграции «Набукко» и продвигаемого Москвой «Южного потока». В свою очередь еврокомиссар по вопросам энергетики Г. Оттингер отметил, что в принципе ЕС может поддержать «Южный поток». Западные эксперты в этом контексте правомерно полагают, что стремление ЕС двигаться в направлении большей независимости от России в вопросах энергоресурсов и ориентация на Туркменистан, Азербайджан, Иракский Курдистан или даже Иран вовсе не будет означать большей надежности новых маршрутов транспортировки углеводородов, по сравнению с прежними.

Одним из проблемных моментов является отсутствие договора о разделе дна Каспия по линии стыка зон между Азербайджаном и Туркменистаном. Как известно, данный вопрос в 2008 г. не был решен. В 2009 г. Ашхабад попытался решить проблему посредством международного арбитража.

С середины 2009 г. Туркменистан вновь стал поднимать вопрос оспариваемых у Азербайджана нефтегазовых месторождений на шельфе Каспия. Как известно, Ашхабад предъявляет претензии на три морских нефтегазовых месторождения — Кяпаз (в туркменской версии Сердар), Азери (Омар) и Чираг (Осман).

Причем Баку готов вести переговоры только по месторождению Кяпаз, которое находится на границе секторов двух государств. На двух других месторождениях — Азери и Чираг — уже с 1996 г. ведет работы консорциум иностранных компаний. Нельзя исключать того, что, возможно, подобное

давление связано с желанием Ашхабада получить тактически более выгодные позиции на переговорах по месторождению Кяпаз (Сердар). Вместе с тем с осени 2009 г. Туркменистан стал укреплять свои позиции на Каспии, начав сооружение военно-морской базы.

При этом стороны демонстрируют настораживающее намерение отстаивать свои интересы всеми средствами. В середине июня 2012 г. в районе спорного месторождения Кяпаз (Сердар) азербайджанская пограничная служба не позволила туркменскому судну провести сейсмические работы. В связи с чем 16 июня 2012 г. Ашхабад выразил протест Баку, направив дипломатическую ноту в МИД Азербайджана [24]. В свою очередь, 18 июня 2012 г. посол Туркменистана в Азербайджане был вызван в МИД, где ему вручили ноту протеста в связи с проведением Туркменистаном разведывательных работ на спорных территориях Каспийского моря. При этом официальный Баку заявил о том, что «сохраняет за собой право предпринять все шаги для соблюдения суверенных прав на Каспии» [25].

26 июля 2012 г. азербайджанская пограничная служба вновь в районе месторождения Кяпаз (Сердар) задержала в целях досмотра туркменское рыболовное судно [26]. В контексте правовых и территориальных споров стабильность и безопасность в южной зоне водоема в перспективе остается хрупкой и уязвимой.

Вместе с тем «Набукко» является пока для Ашхабада «журавлем в небе», а «синицей в руках» — экспорт в Китай, Россию и Иран.

Открытие в январе 2010 г. с участием Г. Бердымухамедова и М. Ахмадинежада нового газопровода из Туркменистана в Иран — Довлетабад — Серахс — Хангеран — протяженностью 30,5 км и мощностью 13,5 млрд кубометров открывает возможность довести суммарный экспорт туркменского газа

в иранском направлении до 20 млрд кубометров ежегодно. Как известно, Туркменистан ранее поставлял в Иран 8 млрд кубометров газа в год по газопроводу Корпедже — Курт — Куи с месторождения Корпедже на западе страны.

В настоящее время с учетом стремления Туркменистана снизить зависимость в транспортировке газа от российского «Газпрома», а также в результате возросшего китайского фактора в Ашхабаде рассматривают идею создания Азиатской газовой биржи (АГБ).

Открытие магистрального газопровода из Туркменистана в Китай в конце 2009 г. и демонстративные переговоры Ашхабада с Тегераном активизировали энергетический диалог Туркменистана с Западом и Россией.

Туркменистан заинтересован в создании гибкой системы биржевой торговли газом. Являясь одним из крупнейших в мире поставщиков газа, он в то же время связан долгосрочными контрактами, которые, как правило, ставят его в зависимость от потребителей и не позволяют гибко реагировать на изменения рыночной конъюнктуры.

Как считают в Ашхабаде, опираясь на растущие потребности КНР в ресурсах, можно будет проводить более самостоятельную политику по распоряжению своими природными ресурсами.

Еще одно направление экспорта может считаться перспективным — это трубопровод из Туркменистана через Афганистан и Пакистан в Индию (ТАПИ). Как известно, в декабре 2010 г. было подписано Ашхабадское межгосударственное соглашение государств-участников о начале практической реализации проекта ТАПИ. Итальянский энергетический концерн Eni уже высказал намерение войти в консорциум по экспорту туркменского газа в Индию.

Предположительно, длина газопровода составит около 1 735 км, из них по территории Туркменистана от месторож-

дения Довлетабад будет проложено 145 км, далее через афганские Герат, Шиндад, Диларам и Кандагар — 735 км, через Пакистан — около 800 км и дальше до индийского Фазилка. Предполагаемая мощность — 33 млрд куб. м газа в год. По всей трассе газопровода предусматривается строительство шести компрессорных станций. Ориентировочная стоимость проекта — 3,5 млрд долларов.

Принятые Ашхабадом документы направлены на создание более сбалансированного и взаимовыгодного механизма взаимоотношений поставщиков, транзитных стран и потребителей. Туркменское руководство считает актуальными следующие направления международного сотрудничества.

1. Увеличение экспорта в КНР и расширение пропускной способности трубопровода в этом направлении.
2. Модернизация действующей магистрали Средняя Азия — Центр (САЦ).
3. Расширение трубопровода Довлетабат — Серахс — Хангеран в Иран.
4. Реализация трансафганского газопровода (ТАПИ).
5. Реализация Транскаспийского газопровода с присоединением к проекту «Набукко» и системе «Южный коридор».

Согласно оценкам американской геофизической компании Western Geco, запасы туркменского сектора шельфа Каспия составляют 11 млрд т нефти и 5,5 трлн куб. м газа [27].

Кроме того, официальный Ашхабад ссылается на оценки британской компании Gaffney, Cline & Associates, которая после аудита запасов месторождения Галкыныш объявила, что ресурсы этой уникальной кладовой оценены в 26,2 трлн кубометров газа [28].

Согласно заявленным амбициозным планам (на саммите ООН в сентябре 2009 г.), Туркменистан намерен к 2030 г. до-

вести годовую добычу природного газа до 250 млрд куб. м, нефти — до 110 млн т [29].

В Туркменистане открыто 149 газовых и газоконденсатных месторождений, в том числе 139 на суше и 10 на Каспийском шельфе. В разработке находятся 54 месторождения с запасами более 2,6 млрд кубометров, подготовлены к разработке 11 месторождений, в разведке находятся 73, в консервации — 11 [30].

В плане разработки новые месторождения Яшлар-Йолотаньской зоны, участки в Центральных Каракумах, Гараджаовлакской группы, на правом берегу Амударьи, а также месторождение Гуррукбиль.

Определенное снижение зависимости в газовом экспорте от российского «Газпрома» стало наиболее заметным событием периода первого президентского срока Г. Бердымухамедова.

По сути, Москва видит основного конкурента в проекте «Набукко» и приложила значительные усилия для его нейтрализации. Очевидно, что в среднесрочной перспективе западный рынок газа будет играть ключевую роль для «Газпрома». Но на мировом и, в частности, азиатском рынках газа все возрастающую роль играет Китай. Сосредоточенность Москвы на конкуренции с Западом за доступ к газовым ресурсам Туркменистана и недоучет потенциала КНР привели к ослаблению стратегических позиций РФ.

В Россию Туркменистан в 2011 г. экспортировал порядка 10 млрд куб. м газа (в 2000—2005 гг. объем экспорта доходил до 50 млрд куб.). Столь резкое падение экспорта туркменского газа в Россию связано в первую очередь с повышением Ашхабадом цен на голубое топливо до среднеевропейских (за вычетом транзита) и снижением закупок природного газа Украиной — ранее она в основном снабжалась «Газпромом» за счет реэкспорта газа из Туркменистана, где

Иран в 2011 г. закупил около 14 млрд кубометров топлива. Основной объем экспорта туркменского газа пришелся на КНР [31].

Как известно, открытие газопровода Туркменистан — КНР в декабре 2009 г. укрепило позиции Ашхабада в переговорах с Москвой и Западом. В рамках туркменско-китайских соглашений 2011 г. предусмотрено увеличение поставок туркменского газа в КНР в перспективе до 65 млрд кубометров в год [32].

Очевидно, что стратегической целью Ашхабада остается диверсификация маршрутов поставок газа на мировые рынки. Газовая дипломатия и траектория международных визитов туркменского руководства подтверждает это. Переговоры и соглашения с КНР, ЕС, Ираном, Турцией, странами СНГ, Южной Азии и Закавказья ясно демонстрируют нацеленность Ашхабада на диверсификацию своих экспортных маршрутов.

Складывающаяся геополитическая ситуация способствует диверсификации внешнеэкономических связей Туркменистана, укреплению позиций и повышению роли Ашхабада в энергетическом диалоге с ключевыми партнерами на Западе и Востоке.

2.4. Политика и интересы Ирана на Каспии

Рассматривая политику и интересы Ирана на Каспии, необходимо иметь в виду несколько основных моментов:

- во-первых, Каспийское море и связанные с ним специфические проблемы (правовой статус, экология, нефте- и газодобыча) в настоящее время не находятся в центре внимания иранского руководства, так как в отличие от южных акваторий каспийские ресурсы не занимают ведущих позиций в экономике ИРИ;

- во-вторых, перспективы освоения каспийских энерго-ресурсов и развития энергетической транспортной инфраструктуры не теряют своей актуальности для иранских политиков. В последнее время Иран интенсифицировал геологоразведку дна моря и ускорил реализацию трубопроводных и энергетических проектов на севере страны, в том числе трансграничных с Туркменистаном, Азербайджаном и Арменией;

- в-третьих, Каспийский регион в целом является важным направлением иранской внешней политики, ввиду того что прибрежные страны непосредственно вовлечены в мировую геополитику. Состояние регионального сотрудничества является базовым фактором национальной безопасности Ирана, что подталкивает его руководство к активной позиции в двусторонних отношениях с соседними странами и реализации межгосударственных проектов на море и суше;

- в-четвертых, характер сотрудничества в Каспийском регионе дополнительно определяется взаимодействием Ирана с Россией и другими внерегиональными крупными игроками на мировой арене, в первую очередь Турцией, странами ЕС, США и Израилем. Иранское руководство стремится к активному участию в политико-экономических процессах на Южном Кавказе и в Центральной Азии.

Отдельным фактором политики Ирана на Каспии является вопрос принятия политических решений на уровне руководства страны. Это достаточно непростая проблема, так как взаимоотношения между политическими элитами в период после Исламской революции 1979 г., принятие поправок в Основной закон в 1989 и 2004 г. до наших дней заметно эволюционировали. Экономика Ирана заметно трансформировалась в условиях частной собственности и рыночных отношений, произошли качественные сдвиги в социально-

экономической структуре и изменения в демографическом составе страны.

На процесс принятия политических решений в Иране все более рельефно стали влиять группы внутри политических элит, ведущие соперничество за доступ к механизмам контроля над властными ресурсами страны. В современных условиях политическое влияние и вес во многом определяются не только в силу идеологического (религиозного) авторитета государственных и общественных лидеров, но и благодаря частным экономическим интересам различных групп.

Хотя исламское правление законодательно препятствует действиям, ведущим к «сосредоточению богатства в руках отдельных лиц или групп либо к превращению государства в крупного и единственного предпринимателя» (пункт 2 статьи 43 Конституции ИРИ), вследствие масштабной приватизации и развития рыночных отношений в Иране обозначилась устойчивая тенденция социального расслоения населения.

В целом изменения социальной структуры населения и экономических отношений повлияли на характер связей в среде политических элит при сохранении основных форм и механизмов административно-государственного управления. Участвовавшие конфликты между институтами власти и политическими лидерами, противоречия в заявлениях представителей высшей иерархии управленцев свидетельствуют о кризисе политической системы Ирана.

Однако этот процесс достаточно вялотекущий, так как связан с правовыми ограничениями, основанными на принципах исламского правления, а также с продолжительным внешним давлением, которое во многом консервирует сложившиеся внутривнутриполитические отношения.

Фрагментация экономических интересов влияет на сложность принятия решений политическим истеблишментом

Ирана, в русле чего создаются бюрократические проволочки по многим узловым проблемам внешней политики государства. Данная особенность также влияет на скорость принятия решений и по каспийской проблематике.

В этой связи проявляется противоречивость в иранской политической среде по делимитации Каспийского моря. Внутриполитические силы не могут прийти к единому мнению по поводу принадлежащих Ирану морских территорий и данный вопрос у них варьируется от 50 до 11,3% возможного разделения границ акватории.

Независимо от имеющихся разногласий между иранскими политическими группами каспийское направление для руководства ИРИ является наименее конфликтным. У основных политических групп есть общее понимание относительно необходимости совместного продвижения иранских стратегических интересов в Центральной Азии и на Южном Кавказе.

Повторение ситуации с угрозой применения Ираном военной силы, как это было в 2001 г. вследствие азербайджанско-иранского территориального конфликта на Каспийском море по поводу спорного месторождения *Алов*, в сегодняшних условиях для иранских властей невозможно по следующим причинам:

- вероятный конфликт с одной из стран Каспийского региона способен замкнуть вокруг Ирана кольцо изоляции от внешнего мира;
- откроются два возможных фронта вооруженного конфликта на юге и севере, а также условия для военного базирования третьих сил на территории конфликтующей стороны;
- потенциальная эскалация конфликта с прикаспийскими странами способна серьезно нарушить функционирование экономической системы страны;

- возможное обострение противоречий с соседними северными республиками усилит рост внутренних межэтнических и религиозных проблем.

Несмотря на то что Иран в свою пользу на десятилетие заморозил коммерческое освоение Азербайджаном южной части Каспия, иранские политики и военные понимают, что повторение силового варианта на море сегодня может принести Тегерану гораздо больше издержек, чем 11 лет назад. Общий долгосрочный интерес Ирана в Каспийском регионе — это углубление политических, экономических и культурных связей, развитие трансграничных инфраструктурных проектов и обеспечение своего влияния в Центральной Азии и на Южном Кавказе невоенными мерами.

Исходя из этих позиций, иранская сторона стала инициатором второго Каспийского саммита, проведенного в 2007 г. в Тегеране, по результатам которого в итоговой декларации было отмечено стремление воздерживаться от применения военной силы во взаимных отношениях между пятью региональными участниками.

Несмотря на заинтересованность в развитии конструктивных и дружеских отношений со всеми государствами Каспийского региона, иранское руководство не видит особых причин для ускорения темпов переговорного процесса по каспийской проблематике. Иран, по сравнению с другими участниками «каспийской пятерки», имеет низкую мотивацию для скорейшего решения правового статуса Каспийского моря.

Доля предполагаемых энергетических запасов в условном иранском секторе Каспия очень низка. На фоне общих ресурсов углеводородов страны они составляют примерно 0,1%. Ввиду того что иранская экономика не зависит от собственной добычи энергоресурсов на Каспии, Тегеран намеренно затягивает вопросы решения его правового ста-

туса. В основе данной тактики лежат несколько серьезных причин:

- во-первых, как было сказано, среди иранских политиков нет четкого консенсуса и единого мнения по поводу правовых и территориальных позиций раздела Каспия;
- во-вторых, Тегеран не желает принимать каких-либо обязывающих для себя решений в условиях нестабильной геополитической ситуации вокруг страны и сильного внешнего давления;
- в-третьих, Иран стремится снизить напряженность в отношениях с Азербайджаном и Туркменистаном, тогда как вопрос территориальной принадлежности спорных месторождений на море может существенно накалить атмосферу в двусторонних связях и регионе в целом.

Официально иранские власти не признают раздела северной части Каспийского моря между Азербайджаном, Казахстаном и Россией, исходя из требования, что данные вопросы должны решаться с согласия всех пяти каспийских государств. Однако они не могут не считаться с уже состоявшимся фактом появления национальных секторов на море, а также игнорировать проводимую соседними странами активную геологическую разведку, разработку месторождений и добычу минеральных ресурсов.

Учитывая ограниченность своего влияния на ситуацию с разработкой недр, Тегеран стремится сменить свою стратегию, которая в целом предусматривала консервацию экономической деятельности на Каспии. С 2010 г. аффилированные структуры Иранской национальной нефтяной компании (ИННК) активизировали геологическую разведку в южной части моря, в том числе и в территориально спорных районах, с целью застолбить право на потенциальные месторождения.

Иранская северная буровая компания имеет в Каспийском море самоподъемную буровую установку «Иран-Хазар» и

полупогружную буровую платформу «Амир-Кабир» («Иран-Альборз»). В данный момент продолжаются разведывательные работы на первом иранском газовом блоке, в провинциях Мазендеран, Гулистан и частично Гилян завершаются вспомогательные работы и исследования, необходимые для проведения геологической разведки на море.

Иран также стремится расширить свои инвестиционные возможности в Каспийском регионе. К примеру, Иранская северная буровая компания ведет исследовательские работы в Туркменистане, компания Oil Industries Engineering & Construction, также входящая в состав ИННК, вложила 1,7 млрд долл. в разработку второй стадии Шах-Дениза. В проекте освоения первой очереди данного газового месторождения ей уже принадлежит 10% акций.

В настоящее время ресурсов Ирана на Каспии недостаточно, для того чтобы выставлять свои конкретные условия каспийским странам. Вероятно, что иранская сторона запустит процесс правового закрепления территориального статуса Каспийского моря после того, как будут получены определенные результаты геологоразведки южной части дна акватории.

На каспийском направлении наиболее проблемным аспектом иранской внешней политики на современном этапе являются отношения с Азербайджаном. В двусторонних отношениях существует комплекс противоречий, возникших как в предшествующие периоды истории, так и являющихся следствием современной геополитической обстановки на Каспии, Южном Кавказе и ситуации вокруг Ирана.

С другой стороны, Иран и Азербайджан имеют в регионе наиболее тесные связи, обусловленные наличием одних этнических и конфессиональных групп на территориях обеих стран. Государства имеют огромный потенциал для развития совместных взаимовыгодных инфраструктурных проектов.

Эксперты полагают, что при отсутствии острого противоборства Ирана с западным миром иранские и азербайджанские компании могли бы создать мощный альянс экспортеров энергоресурсов в страны ЕС и тем самым составить солидную конкуренцию российскому «Газпрому».

Напряженность между двумя странами в настоящее время подпитывается взаимными обвинениями: со стороны Баку — в поддержке КСИР террористических организаций на территории Азербайджана, и со стороны Тегерана в адрес азербайджанских властей — в поддержке диверсионной деятельности израильской разведки против Ирана.

В пригороде Баку в феврале 2012 г. были арестованы лидеры и члены Исламской партии Азербайджана, видные шиитские духовные деятели, представители иранских СМИ. Азербайджан выступил с протестом по поводу атак иранских хакеров, покушения на израильского посла в Баку и убийства азербайджанского публициста Р. Таги. Со своей стороны начальник генштаба ВС Ирана генерал Х. Фирузабади выступил с угрожающими замечаниями в адрес официального Баку.

Иранские и азербайджанские политики понимают, что эскалация напряженности грозит обеим странам необратимыми последствиями, в частности возможной политической дестабилизацией в ряде районов страны, существенным ущербом в экономике, а также резким ростом военных угроз в регионе. Стороны стремятся амортизировать наиболее острые моменты в своих отношениях и не допускать выхода ситуации из-под контроля.

Одной из причин современных противоречий является разнонаправленность внешнеполитических ориентиров Азербайджана и Ирана. Отношения между республиками, учитывая их уникальное геополитическое расположение на пересечении стратегических транспортных и энергетиче-

ских коммуникаций, выходят далеко за рамки двустороннего сотрудничества.

Большой конфликтный потенциал содержится в ситуации вокруг Нагорного Карабаха. Азербайджанское руководство в русле противоборства с Арменией тактически было вынуждено искать поддержку у еврейского лобби в США в противовес влиянию на Конгресс авторитетной армянской диаспоры. В настоящее время активно развивается азербайджанско-израильское сотрудничество, в том числе и в военной сфере, что является главным раздражителем для Ирана. Особую озабоченность у иранских властей вызвало подписание азербайджанско-израильского контракта на 1,5 млрд долл. на поставку вооружений, в основном БЛА и систем ПВО.

Однако со своей стороны иранское руководство интенсифицирует отношения с Арменией, осуществляя совместные проекты по строительству нефтепровода, газопровода, ЛЭП, ГЭС и железнодорожной магистрали. Основную часть финансирования берет на себя Иран, тем самым разрывая режим энергетической и транспортно-коммуникационной изоляции Армении, проводимой Азербайджаном и Турцией.

В то же время стороны заявляют друг другу о непреднамеренности своих действий. Баку заверил Тегеран, что вооружения закупаются для того, чтобы освободить оккупированные Арменией территории страны, а Иран преподносит энергетическое и транспортное сотрудничество с Арменией как способ диверсификации поставок своих энергоносителей.

Немалую долю в дестабилизацию ирано-азербайджанских отношений вносят элементы информационной войны, развязанной западными странами и Израилем против ИРИ.

В последнее время в мировом информационном пространстве активно муссируются следующие сюжеты:

- Израиль получил доступ к азербайджанским авиабазам для возможного использования их в ходе атаки против Ирана;

- Иран организовал покушения на израильских граждан в Азербайджане и подготовку нападения на американское и израильское посольства в Баку;

- израильская разведка ведет на территории Азербайджана сбор информации об Иране;

- сотрудники «Моссад» в Азербайджане разрабатывают планы по устранению иранских ученых-ядерщиков.

Повышенное внимание к обсуждению возможных азербайджанско-иранских противоречий уделяют российские СМИ. В условиях торга между Россией и Азербайджаном по дальнейшему использованию станции «Дарьял» в Габале, договор по которому истекает в декабре т. г., ряд российских СМИ стали связывать эту проблему с проамериканским внешнеполитическим креном Баку, что также называется возможной причиной обострения азербайджанско-иранских отношений.

Насколько правдоподобными являются данные сообщения, судить сложно, поскольку и Баку, и Тегеран опровергают их. Более того, министр обороны Ирана А. Вахиди отметил, что Иран не придает особого значения закупке Азербайджаном израильского вооружения, а его азербайджанский коллега С. Абиев в ходе визита в Тегеран в марте 2012 г. заверил иранскую сторону, что Азербайджан не будет использоваться в качестве площадки для атак против Ирана.

Однако подобная информация все же вносит определенный вклад в развитие напряженности между странами. Так, МИД Ирана в 2012 г. неоднократно доводил свою озабоченность до посла АР в ИРИ Д. Ахундова по поводу азербайджанско-израильского сотрудничества.

Можно констатировать, что в последние месяцы стороны предприняли ряд провоцирующих действий друг против

друга (нарушение воздушного пространства Азербайджана иранским вертолетом, взлом иранскими хакерами азербайджанских сайтов, закрытие в Баку религиозного комплекса «Хусейние», арест шиитских деятелей азербайджанскими силовыми структурами, взаимные обвинения и т. д.). Особенно резонансным стало заявление 1 февраля 2012 г. группы депутатов Милли Меджлиса АР о намерении переименовать страну в Республику Северный Азербайджан.

Реагируя на возникшие осложнения в межгосударственных отношениях, министры иностранных дел Азербайджана, Ирана и Турции встретились в Нахичевани 7 марта 2012 г. для обсуждения актуальных вопросов сотрудничества. В ходе визита иранский глава МИД Али Акбар Салехи заявил что, «мы не должны делать анализ отношений государств на основе СМИ». На данной встрече стороны подтвердили решимость «не позволять ни при каких обстоятельствах использовать свои территории для враждебной деятельности друг против друга».

При имеющихся реальных и виртуальных противоречиях Иран и Азербайджан налаживают взаимодействие по широкому кругу экономических вопросов.

Многовекторная политика Баку позволяет извлекать обем странам определенные выгоды из геополитического положения вокруг Каспия и Южного Кавказа. К примеру, несмотря на ужесточение экономических санкций против Ирана, проект «Шах-Дениз-2» не затронут ограничения, при том что иранская компания является миноритарным акционером проекта.

Иран и Азербайджан развивают тесное взаимодействие в сфере газоснабжения. В настоящее время Азербайджан направляет газ в северо-западные провинции Ирана, в обмен получает газ для Нахичеванской Республики. По газовому экспорту Иран стремится стать ведущим игроком в Каспий-

ском регионе, однако здесь конкурирует с российским «Газпромом».

Нет явных противоречий в нефтяной отрасли. В настоящее время добыча нефти в Азербайджане достигла пика и сокращение иранского экспорта в страны ЕС не даст азербайджанским нефтяным компаниям каких-либо выгод. В этой связи Баку демонстрирует сдержанную позицию по поводу принятых в отношении Ирана санкций, что стабилизирует азербайджанско-иранские отношения и также находит понимание со стороны Вашингтона.

Намечается определенная экономическая интеграция между Ираном, Азербайджаном и Турцией. Как показали результаты Нахичеванской трехсторонней встречи глав МИД, стороны договорились углублять региональное сотрудничество, в частности, поэтапно отменить визовый режим и соединить национальные железнодорожные системы.

Этнический вопрос и проблемы Южного Азербайджана являются одними из чувствительных факторов, которые могут повлиять на ирано-азербайджанские отношения.

Фактор этнических азербайджанцев, проживающих по обе стороны ирано-азербайджанской границы, рассматривается в экспертных кругах как один из возможных источников сепаратизма в Иране, наряду с курдами и белуджами. «Азербайджанская тема» становится объектом политической спекуляции и различных сил в самом Азербайджане. На заре независимости в 1991 г. занимавший пост председателя Верховного Меджлиса Г. Алиев учредил День солидарности азербайджанцев всего мира. В 1992 г. президент АР А. Эльчибей выступил инициатором движения «Объединение за Большой Азербайджан», в 2002 г. лидер Национального пробуждения Южного Азербайджана профессор Тебризского университета М. Чехрагани нашел политическое убежище в Баку. В настоящее время идея «Великого Азербайджана»

популярна среди представителей азербайджанской интеллигенции.

Иран и Азербайджан являются полиэтническими государствами и обострение сепаратистских тенденций в одном государстве автоматически откликнется в соседней стране. В Иране азербайджанское движение развивается вокруг трех основных проблем: экологического состояния озера Урмия, языковых вопросов и высоких по отношению к другим иранским провинциям налоговых тарифов.

В то же время сомнительно, что современные иранские азербайджанцы политически тяготеют к Баку. Тот же М. Чехрагани выступает за федеративное разделение Ирана, но не за объединение «двух Азербайджанов». Иранские спецслужбы пристально отслеживают ситуацию в межэтнической сфере, поэтому активная фаза сепаратистских движений в Иране возможна только при форс-мажорных обстоятельствах, как, например, внешнее военное вторжение в страну.

Открытая поддержка сепаратизма в Иранском Азербайджане со стороны азербайджанских властей грозит Баку большими политическими рисками, нежели для Тегерана. Подобная политика практически узаконит армянский сепаратизм в Азербайджане и сделает необратимым для Баку утрату контроля над Нагорным Карабахом. Вместе с этим встанет вопрос активизации талышского, а в перспективе и лезгинского движения за национальное самоопределение.

Однако главная проблема для азербайджанских властей кроется не только в этническом, но и в конфессиональном плане. Приблизительно 85% населения Азербайджана являются мусульманами-шиитами, более того, принадлежат к господствующему в Иране джафаритскому толку. Не исключено, что при возросшей роли ислама в общественных процессах значительная часть азербайджанского населения

в религиозной сфере будет более ориентирована на Иран, нежели на светский политический режим Азербайджана.

Таким образом, межэтнические проблемы и конфессиональные отношения являются для обеих стран чрезвычайно щепетильным вопросом, таящим в себе множество внутриполитических рисков. В интересах Ирана и Азербайджана проводить взвешенную политику в этих сферах и не выносить данную проблематику на политический уровень двустороннего сотрудничества.

2.5. Политика и интересы Азербайджана на Каспии

При формировании национальных приоритетов политики на Каспии прибрежным государствам приходится принимать во внимание целый ряд факторов политического и экономического характера. В силу региональной специфики первостепенное значение в данном процессе отводится вопросам обеспечения энергетической и военной безопасности.

Уровень развития нефтегазового комплекса Азербайджана является индикатором экономического благосостояния страны, экономический подъем АР зависит от реализации крупных проектов в энергетической сфере. Так, к примеру, в начале 1990-х гг. Баку удалось преодолеть спад объемов производства национальной экономики лишь после того, как в 1996 г. началась разработка крупнейшего блока нефтяных месторождений Азери — Чираг — Гюнешли (АЧГ). Качественный рост ВВП также произошел после запуска экспортного трубопровода по маршруту Баку — Новороссийск в 1997 г. Однако самый мощный экономический рывок был совершен благодаря вводу в эксплуатацию стратегического нефтепровода Баку — Тбилиси — Джейхан (БТД).

Стабильный рост уровня добычи углеводородов в АР продолжался вплоть до 2011 г. По мнению ряда азербайджанских экспертов, пик добычи нефти в стране на отметке 50,8 млн т был пройден в 2010 г. [33] и в среднесрочной перспективе темпы производства углеводородов продолжают снижаться. Подобная ситуация обуславливается тем, что большинство из эксплуатируемых месторождений Государственной нефтяной компании Азербайджанской Республики (ГНКАР) находится на поздней стадии разработки. Так, к примеру, на блоке АЧГ идет процесс естественного снижения добычи. Введение же новой добывающей платформы к 2013 г. имеет своей целью предотвратить дальнейшее уменьшение объемов извлекаемого энергосырья, а не максимизировать производительность.

За последний год спад в нефтяном секторе составил порядка 9%. Подобная ситуация неминуемо отразилась и на макроэкономических показателях страны, а именно в 2011 г. рост ВВП составил всего 0,2% и был полностью обеспечен за счет не нефтяного сектора. Согласно прогнозам МВФ, в случае если экономический рост и в дальнейшем будет обеспечиваться только за счет не нефтяного сектора вплоть до 2016 г., рост ВВП АР не превысит 3,7% [34]. В свою очередь руководство АР намерено проводить экономическую политику по диверсификации, которая должна привести к снижению доли нефтяного сектора в ВВП в 2015 г. до 29,3% и росту доли не нефтяного сектора до 61,3% [35].

Таким образом, рассматривая современное состояние нефтегазовой отрасли в Азербайджане, следует принимать во внимание следующие обстоятельства:

1. В среднесрочной перспективе темпы производства нефтяного сырья в Азербайджане продолжают снижаться. Большинство из эксплуатируемых месторождений находится на поздней стадии разработки, что обуславливает начало

пересмотра азербайджанским руководством энергетической политики в пользу развития газодобывающей индустрии. Производство газа к 2020 г. должно составить 30 млрд куб. м, а к 2025 г. увеличиться до 50 млрд куб. м [36]. Переориентация АР на газовый рынок обусловлена как внутренними, так и внешними факторами, к числу которых следует отнести прогнозируемый рост импорта газового сырья европейскими потребителями.

2. Для освоения офшорных энергоресурсов азербайджанского сектора Каспийского моря, потенциал которого, по разным оценкам, составляет от 4 до 10 млрд т условного топлива, АР продолжает нуждаться в иностранном инвестировании. Порядка половины потенциальных ресурсов Азербайджана сконцентрированы в шельфовой зоне азербайджанского сектора Каспийского моря, степень геологической разведанности которого составляет лишь 34%*. В настоящий момент для Государственной нефтяной компании Азербайджанской Республики (ГНКАР) проблематичным является даже привлечение инвестиций в разработку перспективных структур на достаточно хорошо изученных Апшеронском и Бакинском архипелагах. Что же касается глубоководной части азербайджанского шельфа, где оценочные работы по выявлению ресурсов нефти и газа практически не проводились, то заинтересованность в определении возможных запасов и вовсе отсутствует.

Ввиду сложившихся обстоятельств для проведения геологоразведочных исследований Азербайджану приходится задействовать собственные финансовые ресурсы. Однако, несмотря на наличие успешных случаев разведывательно-поисковых работ, к числу которых можно отнести открытие газового месторождения Умид, самостоятельно вести раз-

* Всего в азербайджанском секторе на Каспии выявлено 145 перспективных структур, в том числе 40 на глубине моря до 60 м, 33 структуры — на глубине 60—200 м, 72 структуры — на глубине свыше 200 м.

работку всех перспективных блоков на каспийском шельфе ГНКАР не в состоянии.

3. Зависимость экономического подъема АР от реализации крупных проектов в энергетической сфере позволяет говорить о том, что очередное повышение макроэкономических показателей АР будет вызвано реализацией новых нефтегазовых проектов в азербайджанском секторе Каспийского моря. Речь в первую очередь идет о разработке второй стадии месторождения Шах-Дениз в 2017 г., а также введении в эксплуатацию недавно открытых крупных месторождений, таких как Апшерон, ресурсы которого станут поступать на мировые рынки в начале 2020-х гг. Столь долгосрочный прогноз относительно сроков появления у Азербайджана «свободных» для продажи объемов нефтегазового сырья позволяет Баку не торопиться с выбором маршрута их доставки к потенциальным потребителям. Оставляя возможность для маневра, Азербайджан тем самым сохраняет приверженность принципу многовариантности во внешней энергетической политике.

4. Основные маршруты доставки азербайджанского энергетического сырья сформировались в рамках Транскавказского транспортно-коммуникационного коридора, расширение которого является одной из первоочередных задач для страны. Созданная в Азербайджане нефтегазотранспортная инфраструктура полностью покрывает потребности страны в реализации добываемых углеводородов. Сформировав энергосистему, ориентированную на Европу, Баку рассчитывает направлять будущие энергоресурсы исключительно в этом же направлении. Азербайджан заинтересован в увеличении пропускной способности уже существующих маршрутов, часть которых проходит по территории Турции и Грузии, а также в реализации новых проектов, в частности с привлечением Украины, нацеленных на европейские рынки. Следу-

ет особо подчеркнуть, что большинство из предполагаемых энергетических артерий предназначены для транспортировки природного газа, добываемого самим Азербайджаном. Это означает, что для осуществления транзита туркменского газа Азербайджану потребуется строительство новых мощностей, так как существующая в стране газотранспортная инфраструктура не рассчитана на столь резкое увеличение объемов «перевалки» энергетического сырья. При этом очевидно, что расходы по модернизации газовой системы азербайджанские власти постараются переложить на плечи своих европейских партнеров, для которых проекты с участием Туркменистана приобретают стратегическое значение.

Поскольку в силу региональной специфики первостепенное значение в процессе осуществления каспийской политики отводится вопросам обеспечения энергетической безопасности, для Баку все большую актуальность приобретает потребность определиться с выбором маршрута транспортировки природного газа в страны ЕС по так называемому Южному энергетическому коридору. После того как между Турцией и Азербайджаном было подписано соглашение о строительстве Трансанатолийского газопровода, стало очевидно, что проект «Набукко» в его первоначальном варианте не имеет шансов на реализацию. Осознание этого факта подтолкнуло западные ТНК к тому, чтобы кардинальным образом пересмотреть проект и начать новый этап переговоров между потенциальными покупателями и продавцами каспийских энергетических ресурсов.

В «укороченном» варианте маршрута, получившего название «Набукко Вест», участники консорциума сократили как протяженность, так и мощность газопровода примерно в 2 раза (с 31 до 16 млрд куб. м в год). В данных обстоятельствах Азербайджан смог бы выступать в качестве единственной ресурсной базы, а значит, строительство трубопро-

вода более не будет находиться в зависимости от ситуации с Транскаспийским газопроводом (ТКГ). Устранение потребности в транспортировке сырья с восточного побережья Каспийского моря является наиболее оптимальным решением в сложившихся обстоятельствах и значительно повышает вероятность реализации обновленного «Набукко». Вместе с этим в своей «урезанной форме» проевропейский маршрут фактически перестает выступать в качестве самостоятельного трансрегионального коридора и становится лишь промежуточным звеном в системе региональных трубопроводов. Избавившись от привязки к транспортировке энергоресурсов с восточного побережья Каспия, «Набукко Вест» переориентировался на Трансанатолийский газопровод, который и должен обеспечить выход азербайджанского энергетического сырья к турецко-болгарской границе, откуда и возьмет свое начало «Набукко-2».

Создание обозначенной цепи газопроводов в большей степени отвечает интересам Азербайджана, чем стран Европы. Обладая правом собственности на Трансанатолийский маршрут, Баку автоматически получает возможность продавать каспийский газ на турецкой границе, что ставит Брюссель в зависимое положение от решений поставщика. Подобное положение вещей в полной мере устраивает и Анкару, которая, хотя и не отказалась от поддержки «Набукко», открыто демонстрирует свое предпочтение в пользу Трансанатолийского проекта.

Так же открыто Баку продолжает демонстрировать свою сдержанную позицию относительно своего участия в реализации проекта ТКГ. На официальном уровне представители АР подчеркивают, что строительство трубопровода по дну Каспийского моря является предметом исключительной договоренности Брюсселя и Ашхабада, а Баку рассматривает свое участие в проекте лишь в качестве транзитного государ-

ства [37]. Официальные представители власти в Азербайджане заявляют об отсутствии профессионально выполненного технико-экономического обоснования Транскаспийского проекта, что не позволяет органично вписать ТКГ в азербайджанскую систему газовых трубопроводов.

Подобный подход азербайджанских властей в целом устраивает ЕС, так как приоритетным направлением по данному проекту для Европы пока является Туркменистан. Придерживаясь выбранной линии поведения, Азербайджан может не опасаться обострения отношений с Россией, для которой заключение рамочного соглашения о строительстве подводного газопровода фактически будет означать крупное геополитическое поражение в зоне своего исключительного влияния. Факт продолжающегося давления Европейского Союза на Ашхабад свидетельствует о неготовности Брюсселя подвергнуть кардинальным изменениям свой подход к реализации проекта Транскаспийского трубопровода. Исходя из этого, следует ожидать, что при сохранении действующих трендов может произойти разделение трубопроводной инфраструктуры «Набукко» и ТКГ.

Вне зависимости от того, по какому маршруту будут осуществляться поставки энергетического сырья из Азербайджана, страны Европы и США намерены уже сейчас осуществить соответствующие приготовления для усиления мер безопасности. Наглядным подтверждением является позиция Вашингтона, озвученная на последнем заседании азербайджанско-американской межправительственной комиссии по экономическому сотрудничеству, а именно США намерены акцентировать внимание на вопросах обеспечения безопасности объектов добывающей промышленности в азербайджанском секторе акватории Каспия в рамках своих специальных программ по охране глобальных энергетических инфраструктур. Аналогичные цели преследует и азербайджанское

руководство. Так, в начале апреля т. г. Азербайджан провел на Каспии крупномасштабные учения, целью которых являлась отработка комплекса задач по организации защиты нефтегазовых платформ при возникновении угроз безопасности.

Нужно отметить, что на современном этапе Баку интенсивнее других прикаспийских государств предпринимает попытки усилить боевую готовность ВМС. Прошедший год стал рекордным для Азербайджана по количеству закупок иностранного вооружения. Министерство обороны страны заключило контракт с «Рособоронэкспортом» на поставку двух дивизионов зенитно-ракетного комплекса С-300 ПМУ-2 «Фаворит», а также партии ударных вертолетов Ми-35М, модернизированные ударные вертолеты Ми-24 были приобретены в ЮАР, истребители МиГ-29 — на Украине [38].

В планы Азербайджана входит полномасштабная модернизация каспийского флота. С этой целью начаты первичные проектные работы по строительству в Гарадагском районе базы для морского флота АР, которая бы полностью соответствовала стандартам НАТО. Помимо этого производится закупка военной техники, которая по ряду показателей превосходит вооружение флотов прикаспийских государств. Это, в частности, относится к вооружению, приобретенному Азербайджаном у Израиля. Баку уже использует беспилотники Orbiter, производство которых налажено в стране, в том числе и для наблюдения за спорными нефтяными месторождениями на Каспии. Покупка в рамках последней военной сделки с Израилем противокорабельных ракет Gabriel-5, а также ударных беспилотников Heron и Searcher позволяет говорить о попытках приступить к формированию новейших структур обеспечения безопасности на море.

Следует отметить, что предпринимаемые Азербайджаном действия не могут быть квалифицированы как подготовка плацдарма к вооруженному вторжению в Иран. Име-

ющаяся в распоряжении Баку боевая техника не в состоянии нанести сокрушительный удар по ИРИ, что означает практически 100%-ную вероятность ответного удара. Подобный риск является для азербайджанских властей неприемлемым, что фактически исключает возможность открытия второй линии фронта в конфликте с Ираном с участием Азербайджана. Гораздо большую заинтересованность Баку проявляет к повышению эффективности мониторинга каспийских территорий страны на предмет возникновения угроз безопасности.

Тем не менее вне зависимости от реальных намерений официальных властей АР проводимые меры по усилению вооруженных сил страны не могут не остаться незамеченными со стороны других прикаспийских государств. Существенный рост военного потенциала Азербайджана в состоянии нарушить баланс вооруженных сил на Кавказе, что напрямую отразится на обстановке на Каспии.

2.6. Политика США в Каспийском регионе

В Каспийском регионе пересекаются долгосрочные интересы ведущих мировых держав, наблюдается соперничество геополитических игроков, в первую очередь США и России. В последние годы в эти процессы активно втягиваются Евросоюз и Китай. Каспийский регион стал заложником глобальной геополитики. Именно ей на службу были поставлены фантастические прогнозы по поводу углеводородных ресурсов Каспия, которые были сделаны в США в начале 1990-х гг. [39]

Повышенное внимание к Каспийскому региону объясняется его энергетическим потенциалом, а также заинтересованностью прикаспийских государств в диверсификации доступных им источников нефти и газа. Каспийский реги-

он также является одним из сегментов Великого шелкового пути — ТРАСЕКА, идущего из Европы в Центральную Азию, Китай, Японию [40].

Эволюция каспийской стратегии США

По мере возрастания мировой зависимости от импорта нефти проблема надежности зарубежных поставок все теснее переплеталась с вопросом внутренней политической стабильности государств-экспортеров. Федеральное правительство и деловые круги США вполне обоснованно исходили из того, что чем прочнее позиции прозападных и проамериканских сил в государствах, обладающих значительными запасами сырья, тем больше оснований рассматривать их как надежный источник [41].

Именно, исходя из этих соображений, Вашингтон с самого начала стал рассматривать Каспийский регион как потенциальный мировой резерв, который можно задействовать в случае истощения запасов углеводородного сырья в других природных кладовых либо же при изменении ценовой конъюнктуры на мировых рынках. США начали укреплять свои позиции в регионе уже с конца 1997 г., когда Вашингтон объявил его зоной своих долгосрочных стратегических интересов. Тогда же Соединенным Штатам, в период наибольшего ослабления России, удалось заметно усилить там свое присутствие.

В американской администрации был создан особый пост — специальный советник президента и госсекретаря США по вопросам энергетической дипломатии. В марте 1999 г. Конгрессом был принят закон «О стратегии Шелкового пути». В нем, в частности, говорилось о поддержке экономической и политической независимости стран Южного Кавказа и Центральной Азии, которые могли бы своими нефтью и

газом уменьшить энергетическую зависимость США от «ненадежного Персидского залива».

По планам военного ведомства США, разработанным еще в 1990-е годы, Центральное командование НАТО должно было взять под контроль Прикаспийский регион, а европейское командование (войска США в Европе) — обеспечить порядок на коммуникациях, связывающих Каспийский регион с Западом.

Политика США в отношении Закавказья в начале 2000-х гг. учитывала не только фактор Турции, но и в большей степени проблему Ирана. С точки зрения американского стратегического сообщества Турция, Иран и закавказские государства представляют собой единый комплекс. В Закавказье США интересовали нефтегазовые ресурсы Азербайджана, возможности подключения к урегулированию нагорно-карабахского конфликта и показательной демократизации Грузии.

Одним из главных приоритетов американской внешней политики признано строительство в Каспийском регионе разветвленной сети трубопроводов для обеспечения экспорта энергоресурсов. Соединенные Штаты ратуют за то, чтобы большинство экспортных маршрутов транспортировки каспийских нефти и газа пролегали в обход России — через территории закавказских республик (Азербайджан и Грузию), а также Украину. Иными словами, через те государства, которые Вашингтон включил в сферу собственных интересов и обозначил как своих партнеров в одобренном обеими палатами Конгресса законе 2007 г. «О консолидации свободы в НАТО». Такой поворот событий позволил уже тогда сделать предположение о том, что в ближайшие годы с новой силой обещает развернуться борьба за энергетические ресурсы Каспия.

Важной вехой в каспийской политике Соединенных Штатов стала реализация отложенного в свое время проекта БТД.

Как было сказано, с 1994 г. этот нефтепровод являлся стержнем американской политики на Каспии. В конце сентября 2002-го международный консорциум во главе с компанией БП объявил о символическом начале строительства новой нефтяной трассы. В феврале—марте 2003 г. началась прокладка этого маршрута, завершившаяся весной 2005-го*.

Каспийская политика США как элемент стратегического планирования

Еще в годы президентства Дж. Буша-мл. политика Вашингтона в Каспийском регионе отвечала ключевым положениям, содержащимся в Стратегии национальной безопасности США, которая основывалась «на продвижении американских национальных ценностей и интересов» с «присутствием США в стратегически важных районах мира». Однако с приходом нового президента — Б. Обамы — такая политика в отношении данного региона была несколько скорректирована, что в немалой степени объяснялось признанием Вашингтоном важности сотрудничества с Москвой для достижения необходимых задач, стоящих перед США.

Стратегические цели США были сформулированы помощником государственного секретаря по делам Европы и Евразии Д. Фридом в Конгрессе следующим образом: «Южный Кавказ должен идти по европейскому пути, а Соединенные Штаты твердо настроены продвигать «рубежи свободы» в Армению, Азербайджан и Грузию, помогая этим странам улаживать региональные конфликты и строить демократиче-

* Свою усыпляющую роль сыграло и преувеличенное восприятие разных рисков: в случае с БТД — близость объекта к зонам этнических и региональных конфликтов в лице Нагорного Карабаха и турецкого Курдистана, а также наличие сейсмических и экологических сложностей на пути следования нефтяной трассы. Однако подобные риски являются вполне обычными для нефтяного бизнеса. В конце концов, основные нефтегазовые бассейны современного мира: Ближний Восток, Гвинейский залив, Андский и Карибский бассейны — не меньше перегружены подобного рода рисками и конфликтами.

ские институты. Вопрос о том, может ли регион между Черным морем и Каспием на деле присоединиться к Европе».

Параллельно с этим формировалась и стратегия постепенного внедрения НАТО в Каспийский регион. Это осуществлялось путем разработки поэтапных программ для стран Каспия, предусматривающих превращение их в страны НАТО в средне- или долгосрочной перспективе по следующему сценарию: сначала участие в специально созданной альянсом программе «Партнерство ради мира», затем получение статуса страны — кандидата в члены НАТО в рамках Плана индивидуального партнерства с альянсом и, наконец, включение прикаспийских стран в План по вступлению в НАТО. Постоянно растущее значение, которое альянс придает государствам данного региона, подтверждается также и появлением в 2005 г. новой должности специального представителя генерального секретаря НАТО по Кавказу и Центральной Азии.

Одной из таких форм сотрудничества на Каспии становится охрана стратегически важного для Запада нефтепровода Баку — Тбилиси — Джейхан. Для его охраны, равно как и для других каспийских трубопроводов, Европейское командование США создало специальное оперативное соединение «Каспийский страж», основу которого составляют американские мобильные силы и подразделения армий стран — участниц энергетических проектов.

В августе 2005 г. американские военные заявили о своих планах в ближайшие шесть лет вложить в создание «Каспийской стражи» 135 млн долл., развернув две бригады для охраны нефтепровода БТД. Этот проект не был реализован, но был разработан индивидуальный план партнерства Азербайджана и НАТО, в рамках которого предусматривалось, в частности, оснастить ВМС и пограничную службу Азербайджана новейшей техникой. Осенью 2005 г. США разместили на территории АР две передвижные радиолокационные

станции (РЛС) с радиусом действия 200—300 км. Главное предназначение военно-политических новаций на Каспии — оперативно реагировать на события, происходящие вокруг трубопровода и на азербайджанских нефтяных платформах.

Военное строительство в Закавказье (и Центральной Азии), а также «силовое сопровождение» БТД стали логическим дополнением к основным акциям внешней политики США начала XXI века — контролю над Ираком и Афганистаном. Эти акции, проведенные под предлогом борьбы с «международным терроризмом», были нацелены также на то, чтобы окружить Иран и ограничить российское влияние на Каспии.

Кроме того, существует ближневосточный фактор. Как в энергетическом, так и в геополитическом плане Каспийский бассейн и Персидский залив рассматриваются американскими стратегами в качестве единой конструкции.

Американский истеблишмент (в лице сенатора Р. Лугара) заговорил об энергетической войне (конференция НАТО 27—28 ноября 2006 г. в Риге). Идея сводилась к тому, что действия в сфере энергетики, приводящие к угрозам энергетической безопасности, следует приравнивать к военным акциям и реагировать на них нужно военными средствами. Сенатор фактически предложил превратить НАТО в альянс потребителей энергоресурсов, противостоящий России.

Определенное влияние на политику Вашингтона в регионе оказывает афганский фактор. В последнее время Вашингтон пытался организовать новые маршруты транзита грузов для международных миротворцев в Афганистан. Одним из таких маршрутов, который рассматривался как самый оптимальный для США, считался «Каспийский маршрут» — через Грузию в Азербайджан, затем в казахстанский порт Актау, а оттуда через узбекскую территорию в Афганистан. В то же время он представлял собой одно из звеньев так называемого проекта «Большой Центральной Азии», призван-

ного связать Центральную и Южную Азию общей энергетической и транспортной инфраструктурой.

В 2007 г. Вашингтон предпринял попытку нейтрализовать совместное решение России, Казахстана и Туркменистана о строительстве Прикаспийского газопровода и отреагировал на этот шаг дипломатическим десантом США в прикаспийские страны. В ответ на саммит ШОС (август 2007 г.), на котором было принято решение о создании Энергетического клуба с целью координировать энергетические проекты в интересах членов организации: России, Китая, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана, США приступили к новой фазе реализации транспортно-энергетических проектов на Каспии в обход России. В Баку было подписано соглашение, по которому Вашингтон выделяет Госнефтекомпаниям Азербайджана грант (1,7 млн долл.) на разработку ТЭО двух маршрутов энергопоставок в обход России: Транскаспийского газопровода и нефтепровода по дну Каспия (последний — для подключения казахстанской нефти к БТД). По ним казахстанская нефть и туркменский газ должны пойти в Европу через азербайджанскую территорию.

Однако наиболее напряженное соперничество развернулось осенью 2007 г., когда Запад попытался перехватить инициативу и решить вопрос в свою пользу. В конце октября эти усилия получили дополнительный импульс: Азербайджан и Казахстан заявили о своей поддержке проекта «Набукко». К. Райс, будучи на тот момент госсекретарем, отметила, что главный вызов России внешнему миру заключается в ее энергетической политике. После августовской войны 2008 г. Запад заметно активизировал поиск энергоресурсов и путей их транспортировки в обход России, что привело к новому витку борьбы за Большой Каспий в направлении наращивания внероссийских инициатив.

Основные направления политики США в регионе

Таким образом, политику Соединенных Штатов в регионе можно охарактеризовать как «трубопроводную стратегию». Каспийская политика США состоит из четырех важных направлений, которые далеко не всегда пересекаются между собой.

1) кавказское направление: опора на Азербайджан в энергетической и транспортной стратегии, всесторонняя помощь Грузии, постепенное усиление влияния на Армению;

2) центральноазиатское направление: усиленное давление на Казахстан и Туркменистан (и в некоторой степени на Узбекистан) для привлечения этих государств к западным транспортно-коммуникационным проектам (БДТ, «Набукко»);

3) российское направление: всемерное сдерживание влияния России на прикаспийские государства, изоляция Москвы в сфере добычи и экспорта углеводородов; вычленение каспийского и кавказского факторов из общей системы российско-американских отношений (особенно в области стратегической безопасности);

4) иранское направление: изоляция Ирана, попытки установить в регионе американское военное присутствие в целях создания стратегической угрозы для ИРИ.

Кавказское направление

Азербайджан. Соединенные Штаты всегда проявляли повышенный стратегический интерес к Азербайджану. Это было продиктовано рядом факторов: каспийскими ресурсами углеводородов, транзитным расположением республики в системе будущих магистральных трубопроводов, близостью к Ирану, особыми отношениями с американским союзником — Турцией.

Вашингтон с самого начала стал рассматривать Каспийский регион как потенциальный мировой резерв, который можно задействовать в случае истощения запасов углеводородного сырья в других природных кладовых либо же при изменении ценовой конъюнктуры на мировых рынках. Ключевой страной в регионе считался в то время Азербайджан.

В апреле 2010 г. в отношениях между Азербайджаном и США произошло охлаждение. На саммите в Вашингтоне по ядерной безопасности президент Соединенных Штатов Б. Обама провел встречу с лидерами Турции и Армении, пытаясь наладить между ними отношения и в то же время подвинуть Ереван к более гибкой позиции по Карабаху. Президент Азербайджана в Вашингтон на это мероприятие не поехал, выразив этим свое крайнее неудовольствие тем, что отношения между Анкарой и Ереваном решаются не только без его участия, но и без учета интересов Азербайджана.

В августе 2010 г. уменьшилось американское присутствие в нефтяном секторе Азербайджана: американская компания Devon Energy продала свою долю в контракте на разведку и разработку блока месторождений Азери — Чираг — Гюнешли (АСГ) в азербайджанском секторе Каспия британской компании «Бритиш Петролеум». Как предполагается, основной стратегической целью Вашингтона является создание на территории Азербайджана (на полуострове Апшерон) полноценной военной базы. На ее достижение работают различные инициативы США, например «Каспийский страж». Однако эти предложения наталкивались на осторожное сопротивление Азербайджана, который справедливо опасается острой реакции Москвы и Тегерана*.

* Конституция Азербайджана запрещает наличие иностранных военных баз на территории страны, что позволяет Баку уклоняться от предложений США.

На тактическом уровне задачи американской дипломатии сводятся к тому, чтобы не допускать сильного дрейфа Баку в сторону России, а также обеспечить полноценное участие Азербайджана в трубопроводных проектах. Однако ориентация Азербайджана на США осложняется карабахским фактором.

Грузия. Во время южноосетинского кризиса в августе 2008 г. кандидат в президенты Б. Обама выступал с острой критикой политики России и в поддержку Грузии. Однако после прихода к власти он дистанцировался от прямой поддержки режима М. Саакашвили, как это имело место при Дж. Буше-мл. Тем не менее Соединенные Штаты продолжают оказывать Грузии финансовую и военную помощь и фактически восстановили грузинские вооруженные силы, чей потенциал был подорван во время конфликта с Россией.

Стратегия Вашингтона при Б. Обаме в отношении Тбилиси строилась следующим образом: Соединенные Штаты будут не столь активно подталкивать Тбилиси к немедленной интеграции в НАТО и европейские структуры. Но это связано не с концептуальным пересмотром в Вашингтоне взгляда на Грузию и ее руководство, а с тем, что на данный момент грузинская сторона для вступления в НАТО не готова. Но она может с помощью разного рода западных программ (в том числе «Восточное партнерство») постепенно подтягиваться по целому ряду параметров к достижению поставленных перед собой целей.

Президент Грузии М. Саакашвили любыми способами пытается увеличить стратегический интерес администрации Б. Обамы к Грузии. Так, в январе 2010 г. он предложил США использовать территорию страны в качестве транзитного пункта для переброски военных грузов сил НАТО в Афганистан. Для этих целей Саакашвили готов предоставить грузинские морские порты и аэродромы. Американцы, развивая военное

сотрудничество с Грузией и перевооружая ее армию*, тем не менее уже дали понять Тбилиси, что за территориальную целостность Грузии, то есть за возвращение вооруженным путем Абхазии и Южной Осетии, они рискуют своим международным престижем и влиянием в регионе не станут.

Администрация Обамы приняла решение сохранять с Грузией тесные военные и экономические отношения, но не форсировать при этом поддержку Тбилиси при его стремлении как можно быстрее интегрироваться в западные военно-политические структуры.

Армения. На протяжении многих десятилетий американская политика в отношении армянского вопроса строилась под сильным давлением так называемого армянского лобби в Америке. В 2009 г. США даже пошли на признание факта геноцида армян в Османской империи, что серьезно испортило американско-турецкие отношения. Ныне армяно-американские отношения менее развиты, чем армяно-российские, но они переживают активную фазу.

Основной целью Вашингтона в отношении Еревана является стремление поддержать прозападные тенденции в поведении армянской правящей элиты и постепенно вывести Армению из зоны влияния Москвы. Попутно США решают ряд других стратегических задач: улучшение отношений Еревана с Анкарой, закрепление результатов карабахской войны в пользу Армении и др. Однако состояние армяно-российских отношений делает западный выбор Еревана крайне затруднительным на ближайшую и среднесрочную перспективу. Единственными инструментами для США остаются программа «Восточное партнерство» Евросоюза и сотрудничество в рамках ПИМ НАТО.

* США в рамках программ по обучению и тренировке (GTEP, GSSOP-1, GSOOP-2) за несколько лет подготовили и экипировали личный состав почти 4 пехотных бригад сухопутных сил Грузии, а также ряд спецподразделений и спецслужб республики.

Соединенные Штаты вполне удовлетворены тем, что роль активного игрока в конфликтной зоне Южного Кавказа берет на себя Турция (а не Иран), с которой Вашингтон успешно координирует все основные шаги и на которую надеется как на решающего союзника в деле укрепления своих позиций в этом регионе.

Центральноазиатское направление

На политику США в Центральной Азии (в том числе и в отношении Казахстана) и в целом на постсоветском пространстве оказывают влияние следующие факторы: отношения США с Россией, военная операция в Афганистане, проблема расширения НАТО, энергетический фактор, координация стратегии Запада с Евросоюзом, отношения США с такими странами, как КНР, ИРИ, Турция, Пакистан и Индия, а также проблема радикального ислама.

Принимая во внимание тот факт, что Б. Обама живо интересуется ситуацией в Центральной Азии, особенно после событий в Кыргызстане 2010 г., Центральноазиатский регион остается в поле стратегического внимания нынешней администрации, что чревато как новыми вызовами для государств региона, так и новыми возможностями с точки зрения укрепления геополитического баланса в регионе. Кроме того, в своей стратегии в ЦА Соединенные Штаты вынуждены учитывать китайский фактор.

В традиционных подходах США к Центральной Азии выделяются три направления: «сбалансированное укрепление», «прежде всего демократия», «прежде всего безопасность». Представляется, что применительно к региону ЦА внешнеполитические инициативы США и НАТО можно рассматривать как попытку объединить ключевые политические и экономические (энергетические) интересы США в Центральной

Азии. В целом американские эксперты, близкие к демократам, скептически оценивали перспективы реализации концепции «Большой Центральной Азии» (БЦА), оставленной Б. Обаме в наследство администрацией Дж. Буша-мл.

В целом проект БЦА лишь часть стратегического планирования Вашингтона, нацеленного на трансформацию всей Евразии в масштабное подконтрольное геэкономическое пространство, включающее в себя регион Каспия, Центральную Азию, Средний Восток и Южную Азию. Тем самым в рамках стратегического планирования США теоретически могут быть заложены перспективы создания на юге «санитарного кордона» по периметру границ России и Китая, а геополитическое поле участников региональной конкуренции расширено в интересах Белого дома.

В качестве главных направлений корректировки политики США в регионе при Б. Обаме предполагалось создание Управления департамента Южной и Центральной Азии в Госдепартаменте; попытка интегрировать Центральную и Южную Азию с упором на роль Афганистана, с тем чтобы сформировать «Большую Центральную Азию»; планы относительно транспортного коридора «Север — Юг» для диверсификации экспорта энергоресурсов из Центральной Азии; применение разного (с точки зрения стратегии) подхода к разным странам региона, чтобы превратить Республику Казахстан в «коридор реформ» и «регионального лидера»; больше, чем прежде, акцентировать внимание на роли просвещения и неправительственных организаций в продвижении демократии в ЦА с целью ослабить опасения, связанные с политикой продвижения демократии в регионе.

Во время правления администрации Б. Обамы обнаружили признаки того, что США уже не ставят задачу демократизации в качестве основополагающего принципа внешней политики. Администрация осознает, что установление

демократии не сводится к формальному введению в какой-либо стране механизма выборов, но зависит от вызревания внутренних условий и создания социально-экономической и политической инфраструктуры, что требует многолетних усилий. США намерены использовать в качестве метода «умную» силу — сочетание «жесткой» и «мягкой» сил; готовы более предпочесть политические, экономические методы, дипломатию, культурные связи, нежели военную силу.

В марте 2011 г. цели и задачи политики США в ЦА изложила помощник госсекретаря США по вопросам Центральной Азии С. Эллиотт. По ее словам, частью американской политики в Центральной Азии являются ежегодные консультации с каждой из стран региона. Одним из аспектов, которые американская сторона обязательно обсуждает, является свобода СМИ, вероисповедания или политических собраний. Вашингтон старается убедить власти в этих странах, что им необходимо создавать экономические и политические возможности для молодежи (с учетом происходящего на Ближнем Востоке).

Туркменистан. Американские аналитики проводят параллель между Туркменистаном и Грузией, полагая, что географическое положение Туркменистана — как и Грузии — таково, что дает ему возможность оторваться от России. ТР не граничит с ней (более того, основная часть населения сосредоточена на крайнем юге, на максимальном удалении от РФ); имеет границу с еще одной крупной региональной державой (Ираном); инфраструктура, соединяющая его с Россией, проходит не через одно, а через два государства; наконец, Россия зависит от экспорта туркменского газа (а не наоборот), что значительно осложняет ее попытки осуществлять свое влияние.

Туркменистан особо не стремится стать ближе к США и выйти на какие-то более тесные связи с ними. Для США ТР привлекательна не только в силу прямого сообщения с Афганистаном, но и из-за пустующих военных объектов недалеко

от афганской границы, которые могли бы стать потенциальной заменой базы ВВС «Манас».

В США (и ЕС) надеются на то, что Ашхабад при нынешнем лидере все же будет гораздо более «прозападно ориентированным» и именно европейскому вектору своего развития станет отдавать предпочтение в ближайшем будущем. Главной задачей для Запада остается, как и прежде, переориентирование газовых потоков из Туркменистана в сторону Европы и снижение газовой зависимости этой республики от трубопроводов, идущих через российскую территорию. Спецпредставитель Госдепартамента Соединенных Штатов Морнингстар регулярно появляется в Ашхабаде и каждый раз пытается убедить туркменского президента в важности партнерства с Вашингтоном, прежде всего в энергетической сфере (по примеру того сотрудничества, которое установлено американской стороной с Казахстаном).

Американская сторона все время дает понять, что чем активнее туркменское руководство будет «пускать» ее компании в республику, тем интенсивнее Вашингтон будет готов развивать с Туркменистаном как политические, так и военные связи.

Характерно, что американские аналитики пытались представить успехи Китая (трубопроводные контракты с Туркменистаном и другими странами ЦА) как фактор, действующий в ущерб России: Пекин якобы нарушил давнюю российскую монополию на экспорт природного газа из этого региона и продемонстрировал быстрое усиление своих позиций в богатой углеводородами Центральной Азии [42].

Российское направление

Ситуация, возникшая в зоне грузинско-южноосетинского конфликта между Россией и Грузией, продемонстрировала

наличие очередного раскола как в самой системе международных отношений и миропорядка в целом, так и в отношениях между США и Европой, с одной стороны, и Россией — с другой.

С 2009 г. США постепенно снижали накал противоречий с Россией по грузинской проблематике, осознавая, что в сложившихся условиях после признания Москвой Южной Осетии и Абхазии комплексное решение проблемы территориальной целостности Грузии возможно только в долгосрочной перспективе. Вашингтоном была, очевидно, проведена переоценка значимости Грузии в списке внешнеполитических приоритетов США. Администрация Обамы также проявляла сдержанность в поставках Грузии вооружений и военной техники, что вызывало недоумение грузинской стороны.

С приходом к власти администрации Б. Обамы усилилось влияние более реалистичного, прагматичного и умеренного течения в политике и политологии. Эти эксперты предлагали Белому дому формировать политику в отношении России на основе следующих принципов:

- деполитизировать энергетическую сферу, так как политизация отношений России, ЕС и США наносит ущерб всем сторонам и не прослеживается прямой зависимости между отсутствием (или наличием) энергетических ресурсов и стратегической ориентацией отдельных стран;
- взаимодействовать в решении проблемы Ирана, арабско-израильского конфликта, иракской проблемы;
- признать новый глобальный расклад сил, прежде всего вместе с Россией, а также с Китаем, Индией, Японией и ЕС создавать временные союзы для решения основных международных проблем;
- убедить Россию в том, что постсоветское пространство более не является зоной особых российских интересов, что

США имеют законные интересы в этом регионе и американское присутствие будет расти;

- избегать в американской политике по поддержке и развитию демократии в мире вмешательства во внутренние дела России;

- сосредоточиться не на разнице в ценностях, а на общности встающих перед США и Россией проблем стабильного развития и безопасности;

- организовать плодотворный двусторонний диалог экспертов для обсуждения возникающих проблем и путей их решения.

Говоря о Каспийском регионе в контексте российско-американских отношений на современном этапе, следует особо подчеркнуть тот очевидный факт, что некоторые изменения в балансе сил между Россией, с одной стороны, и Соединенными Штатами — с другой, обозначившиеся в последнее время, объясняются, прежде всего, осознанием новой американской администрацией ошибок прошлых лет, а главное — тем, что способность США к реализации своих целей в мировой политике действительно ослабевает.

В своих отношениях с Россией по поводу Центральной Азии США могут использовать следующий прием: убедить Москву, что регионализация, а в долгосрочной перспективе демократизация и экономическая либерализация есть единственная альтернатива «исламизации» или попаданию региона ЦА в орбиту влияния КНР.

Иранское направление

На протяжении свыше 30 лет отношения между США и ИРИ практически оставались на одном и том же уровне. Основные вопросы, вызывавшие негативную реакцию США, — поддержка Ираном радикальных исламских группиро-

вок «Хамас» и «Хезболла», противодействие американскому плану урегулирования конфликта на Ближнем Востоке и развитие иранской ядерной программы — стали причиной принятия США комплекса политических, экономических и военных мер, задачей которых было добиться экономической и дипломатической изоляции Ирана на международной арене.

Новым вызовом для политики США в отношении Ирана является проект трубопровода «Мир» из Ирана в Пакистан и Индию*. Для Вашингтона этот газопровод нежелателен, причем при любом статусе их будущих отношений с Тегераном. Если между Соединенными Штатами и исламской республикой продолжится конфронтация, то этот газопровод поможет Ирану выйти из международной изоляции. Если же американцам удастся начать политику вовлечения в отношении Ирана, то строительство этого газопровода будет означать «неправильное» направление иранского газового экспорта на Восток.

Соединенные Штаты Америки хотели бы, чтобы весь иранский газ шел в Европу через верного американского союзника — Турцию. Это решало бы сразу несколько задач Вашингтона: предоставило контроль над экспортом иранских углеводородов, усилило позиции Турции на переговорах с Европейским Союзом, разрушило монополию российского газа в Европе. Поэтому ирано-пакистанское сотрудничество в газовой сфере для США, особенно если газопровод «Мир» будет лишь началом строительства целой сети иранских трубопроводов через территорию Пакистана, нежелательно для Соединенных Штатов.

* Общая протяженность газопровода составит около 2 700 км: 1 000 км — на территории Ирана, 1 000 км — на территории Пакистана и более 600 км — на территории Индии в случае присоединения этой страны к соглашению. Планируется, что ежедневно Иран будет поставлять по газопроводу 150 млн кубометров газа, 90 из которых будут предназначены для Индии и 60 — для Пакистана.

Приход к власти демократической администрации Б. Обамы, на первый взгляд, создал перспективу вывода ситуации вокруг Ирана из тупика. С начала 2012 г. Соединенные Штаты и Израиль открыто говорят о возможности нанесения превентивного удара по ядерным объектам Исламской Республики Иран. Эскалация военного конфликта с Ираном подорвет стабильность в обширном регионе Центральной Азии, Каспийского моря и Кавказа.

* * *

Политика США в зоне Каспийского бассейна несет на себе явный отпечаток геополитического мышления, зачастую противоречащего реальным интересам самой Америки и ее европейских союзников (например, трубопровод БТД). Соединенные Штаты предложили свой мегапроект в отношении всего Прикаспийского региона как целого. Точкой отсчета можно считать 1994 г., когда американцы объявили Каспий зоной своих жизненно важных интересов. Если рассуждать в терминах геополитики, началось встраивание Прикаспийского нефтяного бассейна в Большой Средний Восток.

Возникшая на Западе после окончания «холодной войны» новая отрасль геополитики — каспийские исследования — была призвана не столько изучать Каспий, сколько вырабатывать нарратив (метарассказы) подчинения Прикаспия, вписывая его в программу западного контроля. Этот политический язык несет в себе следы как целеполагания, так и оперативных принципов. Таким образом, победивший в «холодной войне» Запад моментально вписал Каспийский бассейн в свои геополитические мегапроекты. Выпячивание географического фактора в ущерб национально-государственному призвано подчеркнуть доступность евразийских ресурсов

для победителей и призеров завершившейся «холодной войны», то есть США и их союзников.

В долгосрочной перспективе успехи политики США на территории каждой отдельно взятой страны Каспийского региона будут зависеть от дальнейшего развития внутривнутриполитической ситуации в этих странах, а также от того, насколько эффективно удастся воплотить в жизнь новую концепцию глобального присутствия США на Каспии [43].

На политику США в регионе станет, безусловно, оказывать влияние российский фактор. По мере того как Москва будет стремиться сохранить монополию, а Запад — диверсифицировать поставки нефти и газа, соперничество вокруг альтернативных маршрутов сохранится и даже обострится.

Политика США на Каспии и соперничество с Россией имели одним из своих последствий тот факт, что многостороннее воздействие на Каспий, суживающее коридор правовых и экономических возможностей, вылилось в военно-силовое принуждение для всех государств региона. Совокупный результат указанных процессов — стремительная милитаризация всего Прикаспия. Все прибрежные страны начали наращивать свою военную силу. Нарастающая милитаризация Каспия и спешное создание военных флотов прикаспийскими странами привели к увеличению роли прибрежных городов не только как транзитных и коммуникационных пунктов, но и как военных форпостов.

Таким образом, геополитический контекст противоборства с участием США за каспийские энергетические и транзитные активы следует рассматривать в рамках глобальной тенденции «ресурсного накопления». Хотя из-за глобального финансового кризиса и колебания мировых цен на энергоносители можно ожидать свертывания ряда лоббируемых США энергетических проектов на Каспии, этот регион, включаю-

щий в себя и ЦА, неизбежно останется ареной конкурентной борьбы с Россией за сферы влияния.

2.7. Стратегия ЕС на Каспии

Европейский Союз уделяет особое внимание стратегии «расширяющейся Европы» и созданию зон стабильности и безопасности вокруг своих внешних границ. В этой связи развитие политических и экономических отношений ЕС со странами — не членами ЕС достигается за счет использования общих механизмов международной политики, то есть так называемых общих стратегий.

Так, ЕС, определив формы регионального сотрудничества с соседями по периметру своих границ, принял следующие программы:

- «Северное измерение» — в отношении стран Северной Европы, не являющихся членами ЕС;
- «Средиземноморский Союз» — в отношении средиземноморских соседей ЕС;
- «Процесс стабилизации и ассоциации» — в отношении балканских стран;
- Программа «Восточное партнерство», направленная на такие страны, как Беларусь, Молдова, Украина, Азербайджан, Армения, Грузия;
- Стратегия нового партнерства в Центральной Азии (ЦА), включающая 5 государств региона.

Согласно проводимой Евросоюзом политике в рамках названных стратегий можно сделать вывод о том, что главными задачами европейских государств в странах СНГ является обеспечение энергетической безопасности ЕС и ослабление влияния России. То есть Евросоюз, потребление энергоресурсов которого интенсивно растет, стремится уменьшить свою зависимость от российских нефти и газа с помощью

проведения политики «мягкого влияния» в странах Восточной Европы, Центральной Азии и Южного Кавказа. На данную тенденцию также указывает и анализ содержания вышеуказанных инициатив ЕС, которые в основном направлены на страны-производители и страны-транзитеры энергоресурсов.

Таким образом, в настоящее время для Евросоюза приоритетными направлениями являются укрепление энергетической безопасности, диверсификация маршрутов транспортировки энергетических ресурсов, а также достижение более эффективного присутствия в странах Южного Кавказа и ЦА.

Внешняя энергетическая политика ЕС

В последние годы в ЕС особо актуализировалась проблема обеспечения энергетической безопасности и создания единой внешней энергетической политики. Это связано с тем, что руководством Евросоюза потребность в обеспечении экономик государств — членов ЕС импортными энергоносителями из внешнеторгового вопроса была возведена в проблему наднациональной безопасности.

Формирование союзной внешней энергетической стратегии является одной из самых сложных задач ЕС, поскольку национальные интересы стран — членов Евросоюза преобладают над общеевропейскими. В связи с этим государства ЕС все еще продолжают самостоятельно реализовывать энергетические проекты, а определенные общие принципы так и остаются на бумаге.

До настоящего времени внешняя энергетическая политика ЕС прошла несколько этапов и включает в себя наиболее актуальные проблемы в области обеспечения энергетической безопасности. Теоретически единая стратегия ЕС была окон-

чательно сформирована в 2007 г., когда был принят документ «Энергетическая политика для Европы», тем не менее внешняя энергетическая политика находится в стадии усовершенствования, Евросоюз продолжает изменять и дополнять свою энергетическую стратегию в связи с современными реалиями геополитического и экономического характера.

Согласно существующей внешней энергетической стратегии ЕС Каспийский регион входит в зону геостратегических интересов государств Евросоюза. Главной целью энергетической политики ЕС в отношении каспийских стран является присоединение энергетических рынков этих государств к европейскому внутреннему энергетическому рынку. Основным методом достижения этой цели стало постепенное распространение европейского внутреннего энергетического рынка за пределы ЕС посредством создания «энергетических колец» из окружающих стран. Так, под «ближним кольцом» европейцы подразумевают государства Восточной Европы и Южного Кавказа, «внешнее кольцо» включает страны ЦА [44].

Следует отметить, что ЕС стал придавать особое значение укреплению своих позиций в государствах Кавказского и Центральноазиатского регионов с конца 2006 г., что было отмечено в материалах интернет-издания «Еврообсервер»: «Впервые за 50 лет ЕС стремится обеспечить свое реальное присутствие в изолированных постсоветских странах, которые находятся в сфере традиционного влияния Москвы, однако начинают осознавать, что принадлежащие им обширные энергетические ресурсы могут изменить их международный статус» [45].

На сегодняшний день влияние Запада на прикаспийские государства становится все более значительным, свидетельством чему является заметно меняющаяся расстановка сил в Каспийском регионе. В течение последних лет здесь наблюдается интенсификация энергетического диалога евро-

пейских политических и деловых кругов с представителями стран Кавказа и Центральной Азии. Как было отмечено в сентябре 2011 г. еврокомиссаром по вопросам энергетики Г. Оттингером, «доступ Евросоюза к Прикаспийскому региону и Центральной Азии, где хранятся самые большие в мире запасы природного газа, превышающие даже российские, является ключевым вопросом для ЕС» [46].

С учетом вышесказанного растущий интерес ЕС к Каспийскому региону следует рассматривать в двух плоскостях:

1. В геополитическом и геостратегическом измерении. Это объясняется тем, что Евросоюз, несмотря на существующие внутренние структурные проблемы, продолжает отстаивать свои стратегические интересы в Каспийском регионе в целях обеспечения долгосрочного присутствия в нем и оттеснения таких игроков, как Россия, Иран и Китай. Более того, ЕС в данном вопросе активно поддерживают США, которые стремятся играть значительную роль в регионе и активно лоббируют транзит каспийских нефти и газа в обход РФ.

2. В экономическом и энергетическом измерении. Это связано с тем, что одной из важнейших проблем Евросоюза является обеспечение энергетической безопасности. В марте 2012 г. в газете *Le Figaro* верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности К. Эштон и еврокомиссар по энергетике Г. Оттингер в совместной статье высказали мнение о том, что «энергетическая безопасность должна стать приоритетным направлением внешней политики ЕС. Мы должны максимально диверсифицировать наши источники энергии, чтобы избежать сценария, при котором срыв поставок одного энергоносителя мог бы привести к системному энергетическому кризису во всем ЕС. По этой причине мы хотим продолжать развивать так называемый «южный коридор», предполагающий доставку в ряд

стран Европы природного газа из Каспийского бассейна» [47]. Такая позиция двух официальных лиц ЕС подтверждает тот факт, что Евросоюз, являющийся крупным импортером энергоресурсов, обеспокоен следующими обстоятельствами:

- незначительными запасами энергетических ресурсов (нефти, газа, угля) в недрах государств — членов ЕС;
- увеличением потребности в импортных энергоносителях, в особенности после расширения Евросоюза в 2004 и 2007 г.;
- зависимостью от российского газового коридора;
- растущей борьбой за энергоисточники между старыми и новыми мировыми центрами энергопотребления;
- конкуренцией на ценовом рынке энергосырья;
- исчерпанием мировых запасов минерального топлива;
- сворачиванием атомной энергетики в Германии и других европейских странах после катастрофы на АЭС «Фукусима-1» в Японии, что, соответственно, увеличивает спрос на традиционные ресурсы;
- проблемой поставок энергоресурсов с Ближнего и Среднего Востока.

Как отмечают многие эксперты, вышеперечисленные обстоятельства приведут к тому, что европейские потребители энергоресурсов будут постепенно переориентированы на потребление ресурсов Каспия, так как Каспийское море по величине своих нефтяных запасов примерно равно Северному морю*. Кроме того, одной из важных целей ряда европейских стран в Каспийском регионе является сохранение и развитие собственной добывающей отрасли за счет работы европейских компаний на более богатых месторождениях за

* Согласно оценкам экспертов, нефтяные запасы Северного моря могут иссякнуть уже через 10—15 лет. Поэтому, например, в Германии за последние 3 года доля каспийской нефти возросла с 1 до 7% в общем энергопотреблении.

пределами своей страны. Например, такую стратегию осуществляют Statoil (Норвегия), British Petroleum (Великобритания), Total (Франция), Eni (Италия).

Таким образом, учитывая существующие реалии, ЕС прилагает усилия к претворению в жизнь таких проектов, которые обеспечивали бы энергетическую безопасность европейских стран и в то же время отвечали их политическим амбициям. В этой связи Запад был заинтересован в создании альтернативной в России транспортной системы для импорта газа из стран Каспийского бассейна. Данной цели и отвечает трубопроводный проект Nabucco, инициированный первый раз в 2002 г. и предназначенный для поставок природного газа из стран Центральной Азии в Центральную и Восточную Европу через Южный Кавказ. Одной из задач прокладки данного магистрального газопровода является ослабление роли Москвы в качестве основного поставщика и транзитера газа для европейских стран.

Как известно, реализации данного проекта препятствуют недостаточное ресурсное обеспечение, значительные экологические риски и неурегулированность правового статуса акватории Каспийского моря. Однако лоббисты Nabucco стремятся решить проблему обеспечения ресурсной базы проекта путем строительства газопровода по дну Каспийского моря, чтобы связать Туркменистан с Азербайджаном, и пытаются убедить общественность в отсутствии экологических угроз при строительстве и последующей эксплуатации Транскаспийского трубопровода.

Современное состояние развития европейских энергетических проектов в Каспийском регионе

Историю реализации европейского проекта Nabucco можно поделить на три фазы:

- первая — с момента инициирования до осени 2011 г.
- вторая — с сентября 2011 — по январь 2012 гг.
- третья — с января 2012 г. по настоящее время.

Первую фазу Nabucco можно назвать этапом становления. На протяжении нескольких лет, особенно в 2009—2011 гг., газопроводный проект продвигался главным образом в форме уточнения сроков и стоимости работ, сопровождался заявлениями его участников, поисками договоренностей с потенциальными поставщиками и транзитерами. Также в этот период магистральный проект Nabucco вступил в стадию детального технического инжиниринга.

Второй этап отмечается важными политическими решениями ЕС и принятыми практическими шагами. В этот период проекту Nabucco было уделено существенное внимание со стороны европейских политических институтов, в частности Европейская комиссия перешла от декларирования намерений к активным действиям, в результате чего европейский газотранспортный проект стал де-юре частью европейской энергетической политики.

Так, одним из важных событий в единой европейской политике в сфере энергетики стало принятие Европейской комиссией 7 сентября 2011 г. сообщения (Communication) относительно безопасности энергоснабжения и международного сотрудничества под названием «Энергетическая политика ЕС: взаимодействуя с партнерами за пределами наших границ». Формально сообщение является обращением Европейской комиссии к главным органам ЕС — Европарламенту, Совету ЕС, Экономическому и социальному комитету, Комитету регионов.

Данный документ, представленный комиссаром ЕС по энергетическим вопросам Г. Оттингером, впервые устанавливает всеобъемлющую стратегию внешних взаимоотношений ЕС в области энергетики. Документ охватывает 43 во-

проса, касающихся обеспечения энергобезопасности Европы. Среди основных проектов, необходимых для реализации энергетической безопасности материка, особый акцент сделан на Транскаспийском газопроводе (ТКГ) [48]. В документе отмечается, что соглашение между ЕС, Азербайджаном и Туркменистаном относительно газопровода заложит основу строительства инфраструктуры, которая обеспечит транспортировку туркменского природного газа через Каспийское море.

12 сентября 2011 г. на основе принятого документа Евросоюз предоставил Еврокомиссии мандат на проведение переговоров с Азербайджаном и Туркменистаном относительно правовой базы Транскаспийского газопровода. Необходимо отметить, что до сих пор Брюссель не обладал никакими полномочиями в этой области, и европейские государства в сфере энергопоставок основывались на двусторонних договоренностях. Однако с принятием вышеназванного документа ситуация кардинально изменилась, что позволяет Еврокомиссии от имени всех 27 членов ЕС начать переговоры с Азербайджаном и Туркменистаном о заключении юридически обязывающего договора по строительству ТКГ.

Такой поворот событий свидетельствует о том, что европейских партнеров не останавливает проблема неурегулированности правового статуса Каспийского моря и отрицательная позиция России и Ирана. ЕС настаивает на том, что для строительства инфраструктуры достаточно согласия Баку и Ашхабада.

Решение Евросоюза вызвало недовольство Москвы и Тегерана. МИД РФ выразил сожаление «о решении Евросоюза вести переговоры о прокладке Транскаспийского газопровода с Азербайджаном и Туркменией» и обратился к Совету ЕС отнестись с должным вниманием к позиции России и других государств — участников «каспийской пятерки», воздер-

живаясь от действий, не согласованных в соответствующем формате. Российский МИД при этом напомнил, что между государствами «каспийской пятерки» имеется договоренность о том, что основные вопросы деятельности на Каспийском море решаются только самими прибрежными странами.

Министерство иностранных дел Ирана также не поддерживает решение Евросоюза. Внешнеполитическое ведомство ИРИ считает, что «Каспий принадлежит пяти государствам, окружающим его, и присутствие в Каспийском регионе какой-либо чужой страны недопустимо». Глава МИД Ирана Али Акбар Салехи также затронул вопрос о юридическом статусе Каспия, заметив, что к консенсусу можно прийти только путем согласований.

В начале октября 2011 г. европейские страны активизировались в отношении Казахстана в целях получения согласия на построение газопровода и участие в нем нашей республики. Так, 4 октября 2011 г. Казахстану от ЕС поступило приглашение об участии в проекте Транскаспийского газопровода. Как заявил Комиссар ЕС по вопросам энергетики Г. Оттингер, «для ЕС такой трубопровод станет очень важным вкладом в развитие «Южного коридора». Не многие осведомлены о том, что это первый случай, когда ЕС предложил заключить международный договор в поддержку инфраструктурного проекта. Мы будем приветствовать соответствующее участие Казахстана в «Южном коридоре» в дальнейшем». Следует отметить весьма дипломатичный подход Казахстана в данном вопросе. Руководство МИД РК высказало следующую позицию: «Республика Казахстан рассмотрит все возможные последствия сотрудничества в строительстве Транскаспийского газопровода».

Для Казахстана создание ТКГ, с одной стороны, имеет огромное значение с точки зрения диверсификации маршрутов транспортировки энергоресурсов, с другой — реалии

таковы, что с учетом казахстанских газовых запасов Астана не может присоединиться к европейскому трубопроводу. Как отметил 5 октября 2011 г. министр нефти и газа РК С. Мынбаев, «пока Казахстан не располагает достаточными ресурсами сырья для участия в Транскаспийском газопроводе».

Третий этап развития проекта Nabucco можно назвать стадией «осознания реальности» и ожидания «геополитической трансформации региона». Следует отметить, что в историческом соизмерении в столь короткий период как 3—4 месяца (январь—май 2012 г.) в политике ЕС в Каспийском регионе обозначился целый ряд событий:

1. Впервые в истории Nabucco акционеры проекта выразили сомнение по поводу перспектив его реализации. В частности, в январе 2012 г. в интервью The Wall Street Journal Deutschland гендиректором RWE AG Ю. Гроссманом было отмечено, что «RWE может выйти из проекта строительства газопровода Nabucco, считая его для себя слишком дорогостоящим в нынешних условиях». Так, главой немецкого концерна было заявлено, что «основным приоритетом RWE является получить доступ к газу, потратив на это как можно меньше денег. Важно, чтобы каспийский газ пришел в Европу в том количестве и туда, куда нам надо. Но как будет этот газопровод называться — Nabucco или «Турандот» — для нас не так уж важно» [49].

2. С начала 2012 г. активному обсуждению была подвергнута новость о подписании 26 декабря 2011 г. Турцией и Азербайджаном Меморандума* о взаимопонимании по созданию консорциума для строительства Трансанатолийского газопровода (TANAP) по поставке природного газа с

* Согласно меморандуму, первоначально в консорциуме по строительству Трансанатолийского газопровода будут представлены турецкие компании BOTAS и ТРАО и азербайджанская SOCAR. Предполагается, что данный трубопровод будет проложен от Грузии через территорию Турции до европейских границ.

азербайджанского месторождения Шах-Дениз в Европу, который, как пишут эксперты, «превращает Nabucco в нереалистичный проект».

Однако, несмотря на различные прогнозы и пессимистичные выводы многих экспертов, конец первого полугодия 2012 г. был завершён одним из важных событий не только для Азербайджана и Турции, но и для будущего развития энергетической политики ЕС — 26 июня 2012 г. в Анкаре президент Азербайджана И. Алиев и премьер-министр Турции Реджеп Тайип Эрдоган подписали соглашение о строительстве Трансанатолийского газопровода, который позволит транспортировать сырьё из Азербайджана в Европу через Турцию. Начнется строительство, предположительно, в конце 2013 — начале 2014 гг.

Следует отметить, что данный проект весьма перспективен для Азербайджана, поскольку реализация Трансанатолийского трубопровода укрепит позиции Баку на европейском газовом рынке, снизит зависимость от внешних факторов (в настоящее время в TANAP — 20% доли турецкой BOTAS, 80% — азербайджанской SOCAR), увеличит прибыль и конкурентоспособность азербайджанского нефтегазового сектора. Как отмечают азербайджанские эксперты, «с реализацией данного проекта открывается новая эра в энергетической политике Азербайджана, которая превратит эту страну в активного регионального игрока».

По оценкам многих аналитиков, строительство TANAP может привести к тому, что лоббируемый ЕС газопровод Nabucco, призванный доставлять газ из Каспийского региона в Европу, так и не будет построен.

3. В текущем периоде подверглась некоторому изменению официальная позиция США, которые всегда выступали главным лоббистом проектов Nabucco и ТКГ. Так, в январе 2012 г. Р. Морнингстар в качестве официального представи-

теля Госдепартамента США по вопросам энергетики Евразии во время конференции «Природный газ и энергетическое будущее Украины» заявил, что не понимает смысла строительства новых газопроводов. Он выразил сомнение в том, что удастся реализовать проект Nabucco; им было отмечено, что «строительство такого крупномасштабного газопровода потребует значительных сроков и в этом случае могут возникнуть проблемы с его наполнением».

Такую корректировку позиции США можно, с одной стороны, оценить как «политику двойных стандартов», с другой — связать в большей степени с информационно-милитаристской кампанией против Ирана и среднесрочными планами США, учитывающими так называемые иранские перспективы. В то же время, несмотря на существующую тенденцию, на наш взгляд, Вашингтон и дальше будет придерживаться идеи поставок энергоресурсов из Каспийского региона в Европу в обход России.

4. В марте 2012 г. состоялся ряд мероприятий:

- трехсторонняя встреча (Азербайджан, Туркменистан, ЕС) по Транскаспийскому газопроводу в Брюсселе;
- международная конференция «Туркмения — Европа: перспективы сотрудничества» в Берлине;
- круглый стол «Укрепление энергетических связей между Россией и ЕС» в Европарламенте.

Следует отметить: несмотря на то что на таких встречах каспийские страны отстаивают свои позиции, для европейской стороны данные мероприятия представляют интерес только с точки зрения обеспечения энергетической безопасности Европы и получения собственных выгод.

5. В конце марта 2012 г. произошло значительное событие в отношениях ЕС со странами — членами «Восточного партнерства». Европейским парламентом 27 марта 2012 г. был утвержден доклад, включающий рекомендации Совету

Европы, комиссии и Агентству по внешним связям вследствие переговоров по Ассоциативному соглашению ЕС — Азербайджан, и 28 марта — по Ассоциативному соглашению ЕС — Армения. Рекомендательные рапорты знаменательны следующими положениями: до сих пор ЕС избегал вопроса армяно-азербайджанского конфликта, ссылаясь на компетенцию Минской группы ОБСЕ, а в подготовленном рапорте представлена четкая позиция ЕС по этому вопросу и предлагается ряд мер, необходимых для разрешения данной ситуации. ЕС считает, что «неразрешенность нагорно-карабахского конфликта подрывает стабильность и развитие в регионе Южного Кавказа и препятствует полноценному развитию Европейской политики соседства». В рапорте также отмечается место и значение Баку в отношениях с ЕС, подчеркивается роль Азербайджана в обеспечении энергетической безопасности ЕС и его важность как транзитной страны в транспортировке энергоресурсов из стран Центральной Азии.

Исходя из данной новости, можно сделать ряд выводов: в первую очередь стоит отметить желание ЕС принять более активное участие в разрешении нагорно-карабахского конфликта, важное значение занимает и позиция Европарламента в определении принципов, в соответствии с которыми этот конфликт должен найти свое разрешение, а именно уважение к территориальной целостности Азербайджана и невозможности поддержания сложившегося статус-кво вокруг оккупированных территорий.

Таким образом, понимание Евросоюзом ситуации на Кавказе свидетельствует о том, что такая болезненная для Азербайджана тема, как обеспечение территориальной целостности, может стать основным козырем ЕС при продвижении европейской энергетической стратегии.

6. 12 апреля 2012 г. для международной оценки проекта Транскаспийского газопровода была сформирована компе-

тентная группа. Главной целью ее создания является изучение воздействия ТКГ на окружающую и социальную среду Туркменистана. Следует отметить, что такого рода оценка для Азербайджана уже проведена. Данный шаг свидетельствует о том, что, несмотря на различные обстоятельства, идея реализации европейского проекта не утрачивает своей актуальности и западные страны постепенно предпринимают практические шаги по ее осуществлению.

7. Неожиданное по содержательной части заявление политической элиты Украины. Как известно, в начале апреля 2012 г. в ходе встречи с президентом Азербайджана И. Алиевым премьер-министр Украины Н. Азаров заявил о готовности его страны рассмотреть вопрос своего участия в ТКГ. Согласно данным СМИ, Украина готова вложить в строительство Транскаспийского газопровода 790 млн евро инвестиций при условии включения в него ответвления до LNG-терминала в грузинском порту Кулеви, откуда газ можно будет поставлять на Украину по морю (для этого необходимо построить ответвление от ТКГ, что позволит увеличить объем перевалки через терминал в Кулеви с нынешних 10 до 20 млрд кубометров газа в год). На Украине газ будет принимать LNG-терминал, который планируют построить в порту «Южный».

По нашему мнению, подобная политика Киева в большей степени имеет политический характер, связанный с желанием Украины уменьшить политическую остроту газового вопроса в украинско-российском диалоге. Кроме того, вполне вероятно содействие Запада во включении Киева в «большую игру» вокруг проекта ТКГ. Однако, несмотря на амбиции украинской политической элиты, планы Киева не отвечают существующей реальности, особенно с точки зрения финансовой составляющей этого вопроса.

8. Одним из важных событий стало заявление венгерского премьер-министра В. Орбана о выходе Венгрии из

газопроводного проекта Nabucco*. 21 апреля 2012 г. MOL объяснила свое решение тем, что источники природного газа и финансирования для Nabucco не определены и компания наталкивается на постоянное увеличение расходов на реализацию проекта, в то время как до сих пор неясна его окончательная стоимость.

Вслед за заявлением венгерской стороны свою позицию высказала еще одна европейская страна. 26 апреля на встрече с председателем Европейского совета Х. ван Ромпеем премьер-министр Болгарии Б. Борисов отметил, что у его страны нет реальной возможности воплотить в жизнь проект Nabucco. Со своей стороны болгарский политик предложил Европейскому инвестиционному банку профинансировать проект на кредитных условиях.

Таким образом, в настоящее время государства ЕС выторговывают себе наиболее выгодные условия как от российского проекта «Южный поток», так и от Nabucco. Вместе с тем Венгрия и Болгария осознают реальность того, что газопровод «Южный поток» движется согласно графику и имеет большую перспективу, нежели Nabucco. Кроме того, эти страны путем выхода из Nabucco рассчитывают на получение определенных дивидендов от РФ. Как отметил венгерский премьер-министр, «для Венгрии существуют простые экономические причины в пользу участия в российском проекте» [50]. Вместе с тем Болгария также подтверждает свою приверженность трубопроводу «Южный поток» и в то же время акцентирует внимание на том, что проект Nabucco — это «объект национальной важности».

9. Начало второго полугодия 2012 г. было отмечено активными действиями европейцев, что было связано с под-

* Участниками «Набукко» с равными долями по 16,67% являются австрийская компания OMV Gas & Power GmbH, венгерская MOL, болгарская Bulgargaz, румынская Transgaz, турецкая Botas и германский концерн RWE Supply & Trading GmbH.

писанием соглашения о строительстве TANAP. В частности, буквально на следующий день после подписания соглашения о TANAP британская BP, являющаяся оператором Шах-Дениз в Азербайджане, выбрала газопровод Nabucco West для экспорта газа с азербайджанского месторождения в Европу.

Более того, 23 июля 2012 г. пресс-секретарь Nabucco Gas Pipeline International GmbH К. Долежал отметил, что Консорциум проекта Nabucco West готов начать переговоры по объединению с Трансанатолийским газопроводом.

Необходимо отметить, что Nabucco West является усеченным вариантом проекта Nabucco. Он предполагает строительство газопровода, длина которого уменьшится в три раза по сравнению с первоначальным вариантом — до 1 300 км: трубопровод протянется от турецко-болгарской границы до австрийского города Баумгартена (Болгария — 412 км, Румыния — 469 км, Венгрия — 384 км, Австрия — 47 км). В настоящее время в Nabucco рассчитывают, что их обновленный проект будет выбран Азербайджаном и Турцией для поставки топлива в Европу из Турции, где TANAP заканчивается.

По состоянию на первое полугодие 2012 г. акционерами проекта Nabucco являются австрийская OMV, венгерская FGSZ, болгарская Bulgargaz, румынская Transgaz, турецкая Botas и немецкая RWE. Как отметил К. Долежал, одним из новых потенциальных акционеров в проекте Nabucco West является немецкая Wuerngas. Результаты переговоров с компанией о присоединении к проекту Nabucco консорциум рассчитывает получить уже до конца 2012 г. Само строительство газопровода планируется начать после того, как будет принято окончательное инвестиционное решение по проекту.

2.8. Интересы стран АТР на Каспии

Отношение Японии и Южной Кореи к правовому статусу Каспия

Барбара Януш из Германского фонда науки и политики (Берлин) считает, что одним из вариантов решения каспийского вопроса может стать пример консенсуса Японии и Южной Кореи относительно спорных морских территорий [51]. В 1974 г., после шести лет переговоров, были подписаны два соглашения, которые разрешили противоречия между двумя странами по поводу морских зон в северо-восточной части Тихого океана. По первому соглашению была достигнута договоренность о совместной разведке и добыче в ранее спорной морской зоне. Она была разделена на девять субзон, переданных концессионерам, назначенным правительством каждой страны. Концессионеры достигли соглашения между собой по эксплуатации субзон, которые затем были одобрены правительствами двух стран. Второе соглашение очерчивало границы континентального шельфа вдоль равноудаленной линии. Таким образом, правительства двух стран руководствовались не политическими амбициями, а чисто экономической прагматикой, предоставив компаниям-операторам возможность договориться о разведке и добыче ресурсов в оговоренных зонах.

Этот пример примечателен не как модель для развязки каспийского узла, а как аргумент позиционирования Южной Кореи и Японии к юридическому статусу Каспия. С одной стороны, обе страны — главные союзники США в АТР и следуют в фарватере американской геополитики; с другой — для них определение юридического статуса Каспия не имеет определяющего значения. Главное для них — благоприятный, экономически выгодный доступ к нефтяным ис-

точникам. Поэтому и Япония, и Южная Корея пытаются пробиться к акватории других стран Каспия: России, Ирана, Азербайджана и Туркменистана.

Примечательна передача Южной Кореей в дар Казахстану (2006 г.) трех сторожевых катеров. Это можно расценивать как признание за Казахстаном статуса морской страны, то есть признания морского статуса Каспия. Этот шаг мог означать желание Южной Кореи получать заказы Казахстана на строительство современных военных кораблей и создание совместной судовой верфи. Во всяком случае, вряд ли это простой жест доброй воли.

Планы по выбору страны-партнера

Безусловно, Южная Корея более активно продвигалась в Центральноазиатском регионе, новом для освоения зарубежными странами. Ей удалось добиться приоритета по сравнению с Японией, намного раньше утвердившейся в мировом экономическом пространстве.

На первоначальном этапе правительства обеих стран подошли к региону в целом, не видя особой разницы между Туркменистаном или Казахстаном. Осознание необходимости выбора стратегического партнера пришло позже, когда каждое из суверенных государств постсоветского Каспия прошло свой путь политического и социально-экономического развития.

Первоначально Сеул, исходя из своих собственных оценок, а также вследствие успешной дипломатии Ташкента принял решение направить «главный удар» в сторону Узбекистана. Вот почему крупнейший в Центральной Азии автозавод компании «Дэу» был запущен в этой стране. Концерн «Дэу» и его автомобильная компания перестали существовать в Южной Корее в 2011 г., а «Уз-Дэу» продолжает оста-

ваться крупнейшим предприятием и выпускает десятки тысяч автомобилей в год.

Ко второй половине прошлого века Сеул скорректировал свои планы и южнокорейские компании стали активно внедряться на казахстанский рынок. Этому продвижению помешал азиатский валютно-финансовый кризис.

Подписанные в последние два года контракты вновь вывели Южную Корею в инвесторы №1. Это означает, что выбор Сеула в пользу Казахстана сделан. Учитывая победу правящей партии на парламентских выборах 11 апреля 2012 г. и перспективы избрания нового президента из правящей партии, Казахстан останется для Южной Кореи приоритетным стратегическим партнером.

Южная Корея стремится закрепить свои позиции в качестве нефтедобывающей страны, вот почему она выкупает контрольные пакеты акций, участвует в совместных проектах не только на Каспии, но и в зоне Персидского залива, Африке и Латинской Америке. Меморандумы о намерениях и соглашения подписаны на правительственном уровне со всеми государствами Каспия без исключения.

Япония, запоздавшая, впрочем, скорее сознательно, чем ошибочно, в продвижении в регион Каспия и постсоветской Центральной Азии, подошла к необходимости диверсификации своих источников энергоносителей. Это ставит перед Токио задачу выбора стратегического партнера.

Планы по инвестициям в нефтедобычу и переработке

Все без исключения прикаспийские государства заинтересованы в крупных инвестициях в нефтегазовый сектор своих стран. Сеулу и Токио предлагаются привлекательные условия, а главы некоторых государств обещают особый режим благоприятствования. В случае увода крупных инвестиций в

одну из прикаспийских стран, другие, вероятнее всего, упустят потенциально выгодные возможности. Однако существенное отличие Казахстана от соседних стран Центральной Азии заключается в том, что ему не требуются инвестиции как таковые. Ему необходимы самые передовые технологии и ноу-хау, которыми ведущие экономические державы неохотно делятся.

В казахстанском секторе Каспия работают японская национальная нефтяная корпорация JNOC, а также компании «Иточу», «Мицуи», Японская нефтеразведочная компания (JAPEX). Компания INPEX совместно с JNOC, JAPEX и «Мицубиси» создала совместную компанию «INPEX — Северокаспийская нефть», которая присоединилась к консорциуму «Офшорная казахстанская международная операционная компания» (ОКМОК), получив акции и возможность расширения своего поля деятельности.

Говоря о перспективах японских инвестиций в нефтегазовый сектор Казахстана, необходимо принять во внимание ее современную экономическую ситуацию после катастрофического цунами, аварии на АЭС «Фукусима-1» и рецессии в мировой экономике, которые серьезно задела Японию.

Перспективы участия Южной Кореи в разработке и переработке казахстанской каспийской нефти выглядят более оптимистично, ибо развитие ее национальной экономики, валютно-финансовое хозяйство и внешнеторговое сальдо имеют позитивные показатели. Начиная с 2002 г. Южная Корея настойчиво предлагала свои инвестиции в разработку нефтяных месторождений на казахстанском шельфе Каспия. Был создан специальный консорциум из пяти крупнейших компаний во главе с KJNOC. Участие корейских компаний в разведке нефтеносных районов заметно выросло со строительством первой в Казахстане морской буровой вышки «Жамбыл». Казахстанско-корейский проект «Жамбыл» —

первый крупномасштабный проект, охватывающий два десятка участков на казахстанском шельфе Каспия с прогнозными ресурсами около 2 млрд тонн нефти.

В результате переговоров на высшем уровне был подписан пакет документов о строительстве нефте-газохимического комплекса в Атырау, который должен выдать первую продукцию уже в 2016 г.

Таким образом, объем согласованных южнокорейских инвестиций в нефтегазовый сектор казахстанского Каспия несопоставим с тем капиталом, который южнокорейские компании осваивают в Азербайджане или планируют завести в Туркменистан или Узбекистан.

К тому же наметилась определенная диверсификация интересов, если в Казахстане Южную Корею и Японию привлекают все источники минерального сырья, то в Туркменистане и Узбекистане основное внимание уделено природному газу.

Отдельной строкой проходит в каспийской политике Иран. Здесь экономические интересы туго переплетены с геополитикой и Сеулу с Токио приходится оглядываться в сторону Вашингтона.

С Россией, ее огромными ресурсами и растущей экономикой, интересы Японии и Южной Кореи широки и разнообразны. Таможенный союз, самая протяженная совместная граница и действующие транспортные коридоры из Казахстана через Сибирь к берегам Тихого океана несут в себе значительные преимущества и потенциал расширения сотрудничества между Казахстаном и АТР. Безусловно, кроме указанных предпосылок есть ряд не менее важных причин для восприятия Казахстана и России как интегрированного экономического пространства, крепко связанного политическими, военными, социально-культурными, гуманитарными узами.

Выбор маршрута транспортировки

В то время как «КазМорТрансФлот» приобретает российские танкеры, другие страны, в том числе и Южная Корея, пытаются получить заказы на строительство крупнотоннажных танкеров. Компания Hyundai конкурирует с итальянской Eni в проекте судовой верфи в Казахстане, а южнокорейская STXShipbuilding добивается строительства верфи в Азербайджане, предлагая 63,000-тоннажный танкер класса Panamax.

Сеул и Токио прислушиваются к позиции США по транспортировке энергоресурсов из Каспийского региона. Вашингтон весьма настороженно относится к «китайскому направлению», которое связывает Атырау с Актобе и далее пойдет в СУАР КНР с возможным ответвлением на юг — в Иран (через Туркменистан). США не поддерживают и российское направление каспийской нефти Атырау — Новороссийск или Баку — Новороссийск. Для Вашингтона и его союзников в АТР наиболее предпочтительным видится западное направление Баку — Тбилиси — Джейхан.

На иранском направлении политика стран АТР приобретает все более противоречивый характер. В октябре 2011 г. Иран и Южная Корея подписали договор о совместном строительстве трубопровода протяженностью 1 тыс. 680 км для транзита каспийской нефти из порта Нека в порт Джаск в Оманский залив. Этот трубопровод рассчитан на нефть стран Каспия, в том числе Казахстана, которые танкерами будут доставлять ее в порт Неку. Однако в декабре 2011 г. Южная Корея присоединилась к санкциям против Ирана, внося в «черный список» более 100 компаний и индивидуальных предпринимателей из Ирана и ужесточив контроль над финансовыми операциями с Тегераном.

Япония после решения глав МИД 27 стран Евросоюза от 23 января 2012 г. о введении эмбарго на поставки нефти из

Ирана рассматривала вопрос о сокращении импорта нефти из Ирана на 20%. В итоге было принято решение продолжить импортировать иранскую нефть, о чем в марте заявил посол Японии в Иране Киници Кумано.

Таким образом, можно подытожить, что интересы Японии и Южной Кореи к Каспию приобрели явный прагматический характер. Но в силу ряда причин многие вопросы их участия в каспийской политике остаются нерешенными. Многое будет зависеть от политики США в отношении Ирана. Ситуация также может измениться с подписанием Конвенции по Каспию.

2.9. Правовой статус Каспийского моря на современном этапе

В настоящее время каспийская проблематика по-прежнему далека от чисто юридического аспекта и все еще приближена к геополитической составляющей. Наслоение проблем геостратегического характера в значительной мере тормозит процесс выработки взаимоприемлемого решения относительно Конвенции по правовому статусу Каспийского моря. Лишь сравнительно недавно, а именно после III саммита глав прикаспийских государств, у стран Прикаспия обозначился некоторый прогресс в вопросе о формировании общего видения и понимания региональных угроз. Главы пяти государств подписали важные документы: Соглашение о сотрудничестве в сфере безопасности и совместное заявление президентов, фиксирующее нынешнее положение дел по определению статуса моря; Соглашение по сохранению биоресурсов Каспия, включающее пункт о запрете вылова осетровых сроком на пять лет; решено обсудить позиции по ширине национальных зон, исходя из 24—25 миль, включающих водное пространство, на которое распространяется суверенитет прибрежного государства, и сделать саммиты

ежегодными. Данные решения свидетельствуют о наличии потенциала для урегулирования проблемы правового статуса Каспийского моря и достижения совместимости выбранных национальных стратегий на Каспии.

Вместе с этим следует выделить ряд проблемных моментов, препятствующих завершению согласования положений Конвенции по правовому статусу каспийского водоема:

- преобладание в каспийской политике прибрежных стран ориентированности на реализацию узконациональных интересов, несмотря на декларирование применения межгосударственного подхода;
- недостаточная оперативность в решении вопросов на уровне специализированных рабочих групп и комиссий. Проводимые переговоры в формате межведомственных консультаций сталкиваются с проблемой делегирования властных полномочий для достижения конкретных договоренностей и подписания обязывающих документов;
- низкая степень межведомственной координации на национальном уровне в реализации и оптимизации каспийской политики.

Достаточно показательной выглядит отсрочка в организации IV саммита глав прикаспийских государств. Целесообразность его проведения целиком и полностью зависела от результатов работы соответствующих специализированных структур. Однако динамика переговоров на последних встречах* не позволила сформировать повестку дня, вопросы которой можно было бы вынести на обсуждение глав прикаспийских государств.

На современном этапе первостепенное значение приобретает рассмотрение возможности документального под-

* 30-е заседание Специальной рабочей группы по разработке Конвенции о правовом статусе Каспийского моря на уровне заместителей министров иностранных дел прикаспийских государств состоялось 22—23 ноября 2011 г. в Астане под председательством заместителя министра иностранных дел РК К. Сарыбай. Очередное заседание Специальной рабочей группы по разработке Конвенции о правовом статусе Каспийского моря состоялось в Ашхабаде в сентябре 2012 г.

тверждения существования на Каспии территориальных и рыболовных зон, закрепленных за прикаспийскими государствами, и зон общего пользования. Необходимость согласования каждого термина в отдельности обуславливается отсутствием договоренности относительно того, какие нормы Конвенции ООН по морскому праву [52] применимы в случае урегулирования каспийского вопроса.

Вместе с этим на практике участвующие в делимитации стороны сознательно проводят политику, направленную на комбинирование положения «морского» и «озерного» варианта раздела акватории Каспия. Так, в международной практике делимитации водоемов по срединной линии, называемой иначе «линией медианы», чаще всего используется принцип для определения правового режима пограничных озер и морских пространств с особым статусом. Именно он был применен Казахстаном, Россией и Азербайджаном при делимитации секторальных границ недропользования.

Однако, как уже отмечалось, в ходе переговорного процесса стороны намерены оставить за собой право на обладание территориальным морем и исключительной экономической зоной, что в полной мере соответствует определению морских, а не озерных границ. Для того чтобы использовать данный принцип, странам «каспийской пятерки» придется лишь пересмотреть ширину исключительной экономической зоны, изначально прописанную в конвенции, а именно, уменьшить ее с 200 морских миль до приемлемой для всех ширины.

Принципиальным остается вопрос о ширине и режиме национального морского пояса. На прошедшем в 2010 г. саммите в Баку было озвучено предложение о рассмотрении возможности согласования ширины национальной зоны исходя из 24—25 морских миль, включающих водное пространство,

на которое распространяется суверенитет прибрежного государства. В данном контексте предполагается следующий вариант раздела каспийского водоема:

- согласно соответствующим статьям Конвенции ООН по континентальному шельфу и морскому праву каждое прикаспийское государство уже получает право на суверенное обладание 12-мильными территориальными водами (континентальный шельф). При этом ширина территориального моря может быть увеличена по согласованию заинтересованных сторон;

- внешние границы исключительной рыболовной зоны не будут определяться на основе принципа срединной линии. За каждым прикаспийским государством будет зарезервирована собственная рыболовная зона. Так как в соответствии с действующим режимом советско-иранских договоров 1921 и 1940 г. право на рыболовство прибрежное государство получает в пределах 10 миль. Однако ширина обновленной зоны может быть увеличена;

- акватория за пределами территориальных вод будет являться зоной общего пользования, что соотносится с положениями режима «открытого моря», который в свою очередь регулируется нормами специальной Конвенции ООН об открытом море.

Сам факт инициирования подобной дискуссии означает фактический отказ от «озерного» варианта раздела водной поверхности на Каспии. Озеро в юридическом смысле не имеет таких категорий, как экономические зоны, шельфы и территориальные воды. Раздел пограничных озер, как правило, регулируется договорами сопредельных государств, при которых юрисдикция прибрежного государства распространяется на всю акваторию, доставшуюся после проведения срединной линии и определения национального сектора.

Подобный способ делимитации противоречит провозглашенному на Каспии принципу «делим дно — вода общая». Секторальный раздел на Каспии был применен исключительно для определения прав собственности на нефтегазовые запасы офшорных месторождений. Однако, после того как ряд государств «каспийской пятерки» на официальном уровне узаконили применение термина «национальный сектор Каспийского моря»*, стала происходить подмена юридических понятий, которая косвенным образом оказывает деструктивное влияние на переговорный процесс по определению статуса Каспийского моря.

В случае деления Каспия на национальные секторы границы соответствующих морских зон становятся государственными границами прибрежного государства. Это означало бы, что каждая из стран Прикаспия в своем секторе имеет полный и исключительный суверенитет на все виды военно-политической и экономической деятельности. Именно в обозначенных обстоятельствах государства региона не могли бы препятствовать реализации планов относительно укладки по дну Каспийского моря трубопроводов, особенно если все технические моменты были заранее согласованы между теми странами, по территориям которых и проходят транскаспийские маршруты.

Казахстан, Россия и Азербайджан де-факто произвели раздел северной части Каспия непосредственно по дну, что должно было автоматически исключить дальнейшие претензии на осуществление исключительной экономической активности в зоне так называемого национального сектора. Россия рассчитывала, что сохранение в общем пользовании

* Так, например, Конституция Азербайджана 1995 г. объявила азербайджанский сектор Каспийского моря «составной частью Азербайджанской Республики». В 1993 г. в Туркменистане был принят Закон «О государственной границе», в соответствии с которым было объявлено об установлении на Каспии своих внутренних вод, территориального моря и исключительной экономической зоны, что свидетельствует о фактическом разделе Каспийского моря на национальные секторы.

водной толщи снимет вопрос о строительстве подводных трубопроводов без согласия других прибрежных стран. В этой связи переговоры между Баку и Ашхабадом о строительстве Транскаспийского газопровода на двусторонней основе с участием внерегиональных инвесторов вызывают недовольство и противодействие Москвы, которую в данном вопросе поддерживает Тегеран. В отличие от Туркменистана, который пока не успел подписать ни одного соглашения, носящего делимитационный характер, Азербайджан связан договоренностями 2001—2003 гг., что позволяет России использовать данный факт для блокирования проекта. Однако апеллирование РФ к данным соглашениям имеет малую эффективность, ввиду того что международно-правовой статус Каспийского моря остается неопределенным.

Заключенные Российской Федерацией, Азербайджанской Республикой и Республикой Казахстан двух- и трехсторонние соглашения представляют собой временную меру правового обеспечения проводимых на месторождениях углеводородов работ. В свою очередь, они могут служить основой для дальнейшей разработки пятистороннего соглашения о разделе дна Каспийского водоема.

Особую позицию по отношению к проблеме статуса Каспия продолжает занимать Иран. Энергетическая активность страны на каспийском побережье лишь с недавних пор имеет положительную динамику. Иран отстаивает консенсусный принцип при принятии решений «каспийской пятеркой» и сознательно затягивает переговорный процесс по урегулированию правового статуса водоема. С одной стороны, он тем самым препятствует возможности появления на Каспии вооруженных сил внерегиональных держав, с другой — Тегеран добивается более «справедливого» с его точки зрения раздела акватории на равные для всех прибрежных государств участки. Предполагается, что иранский сектор Каспийского

моря обладает меньшими запасами нефти и газа. Тегеран вслед за другими прибрежными государствами занялся исследованием глубоководных участков шельфа на предмет залежей нефти и газа.

Озвученные на Бакинском саммите инициативы об определении национальной морской зоны так и не получили практической реализации. В ходе прошедших в 2011 г. заседаний Специальной рабочей группы (СРГ) по разработке Конвенции о статусе Каспия стороны не выработали единого подхода относительно данного вопроса. Аналогичная ситуация произошла и в отношении моратория на коммерческий вылов осетровых в каспийской акватории. Соглашение, текст которого Россия вынесла на рассмотрение еще в феврале 2011 г., не было утверждено членами Комиссии по водным биоресурсам Каспия*.

Можно заключить, что при сохранении существующего формата работы специализированных структур на достижение конкретных результатов будет по-прежнему затрачиваться значительное количество времени. Так, к примеру, на 32-м заседании Комиссии по водным биоресурсам Каспийского моря, состоявшемся в декабре 2011 г., туркменская делегация заявила, что не уполномочена подписывать мораторий о запрете на вылов осетровых без предварительного согласования документа с руководством страны. Подобное положение вещей нарушает плановую работу по документальному оформлению согласованных главами государств договоренностей. Принимая стратегически важные решения относительно дальнейшего развития региона, главы прикаспийских государств не могут рассчитывать на своевременное выполнение своих поручений на межведомственном уровне.

* На 32-м заседании Комиссии по водным биоресурсам Каспийского моря под председательством России была создана рабочая группа для доработки межправительственного соглашения о запрете промышленного вылова осетровых на Каспии.

Недостаточная степень координации проявляется и между министерствами внутри государств. Прикаспийские страны пытаются устранить данную проблему, прибегнув к межминистерским консультациям*. Однако, несмотря на создание соответствующих органов, страны региона продолжают испытывать трудности с выработкой оптимальной линии поведения как на международных переговорах по определению статуса водоема, так и при формировании концепции развития прикаспийских областей.

Определенную проблему для разрешения вопроса правового статуса водоема составляет ускорение темпов милитаризации. Вплоть до 2002 г. страны региона не предпринимали активных действий по увеличению своего военного потенциала на Каспии, однако ситуация изменилась после I саммита глав прикаспийских государств в Ашхабаде, отличительной особенностью которого стало отсутствие каких-либо итоговых документов**. С этого момента прибрежные страны стремятся использовать свой флот в качестве дополнительного аргумента в защиту своих национальных интересов в Прикаспии.

Обладая наиболее мощной группировкой военно-морских сил в акватории Каспийского моря, Россия сохраняет курс на усиление каспийской флотилии. До 2020 г. РФ намерена предоставить своей группировке на Каспийском море 16 новых боевых кораблей. В июле 2012 г. в состав Каспийской флотилии вошел малый артиллерийский корабль «Волгодонск», на очереди ракетный корабль «Дагестан» [53]. Помимо этого планируется усилить российскую группировку новыми береговыми ракетными частями и авиационными группами на Каспийском море за счет командования «Юг». Расширив

* Положение о Межведомственной комиссии по вопросам правового статуса Каспийского моря было утверждено постановлением Правительства РК 4 июня 2004 г.

** Не были подписаны ни совместная декларация, ни коммюнике о том, что данное мероприятие состоялось.

протяженность причалов в Махачкале, РФ получит возможность завершить реформирование флотилии, которая помимо основной базы в Астрахани будет также дислоцироваться и в морском порту Дагестана.

При этом российское руководство открыто заявляет о необходимости проведения крупномасштабной модернизации российского флота на Каспии ввиду его моральной отсталости и неконкурентоспособности. Разрабатывая детальный план наращивания российской военно-морской мощи на 30-летний период, РФ фактически стимулирует своих соседей на проведение аналогичных действий. Одностороннее увеличение российского воинского контингента в Каспийском море, который по-прежнему остается самым значительным, еще больше усилит существующий в регионе дисбаланс.

В этой связи Иран намерен планомерно обновлять и пополнять арсенал своих силовых структур на Каспии новейшим вооружением собственного производства. В настоящее время национальные ВМС ИРИ на Каспии представлены двумя командованиями различных силовых структур: командованием ВМС армии (главная база — Энзели) в зоне Каспийского моря и командованием ВМС КСИР (главная база — Ноушехр) в этой же зоне. Всего на вооружении ВМС армии и КСИР Ирана на Каспии находятся до 90 катеров и вспомогательных судов. Также Тегеран планирует пополнить военно-морские силы, находящиеся в Каспийском море, минным тральщиком «Вилайет», который представляет усовершенствованную модель корабля «Джамаран», способного вести борьбу против подводных, надводных и воздушных целей.

Ослабление позиций азербайджанского военно-морского флота на фоне усиления российских и иранских ВМС подтолкнуло Баку к принятию решения о сооружении совместно с турецкой компанией Ares Shipyard судостроительного за-

вода, в том числе для сборки военных кораблей [54]. Также Баку расширяет свое военное сотрудничество с США и Израилем. Однако в силу дефицита бюджета, а также роста государственного долга администрация Б. Обамы вынуждена сокращать военную помощь Азербайджану, установив паритет в размере предоставляемой военной помощи между Баку и Ереваном.

Туркменистан ставит перед собой задачу завершить подготовительный этап создания морского флота, а именно подготовить к 2015 г. квалифицированный кадровый состав, а также приобрести современную военную технику. При этом Ашхабад в военной сфере сотрудничает с Ираном, Турцией и Россией. В частности, в 2003 г. Иран передал Туркменистану в долгосрочную аренду 7 катеров береговой охраны. В 2008 г. у России были закуплены 3 сторожевых корабля с телеуправляемыми ракетами, а в 2009 г. — 2 патрульных катера «Соболь». В 2011 г. у Турции было закуплено 2 быстходных патрульных катера общей стоимостью 55 млн евро, а у России — 2 ракетных катера «Молния» и морской тренажер [55]. Американская помощь Ашхабаду будет осуществляться за счет средств программ зарубежного военного финансирования.

Таким образом, страны Каспийского региона ускоряют темпы наращивания собственной военно-морской мощи. Усиление военных группировок расценивается ими как фактор сдерживания и противодействия возможным рискам и угрозам, в особенности по отношению к вопросам охраны нефтегазовых месторождений. Договариваясь о формах и мерах взаимодействия пограничных и правоохранительных служб в Каспийском море, прибрежные государства не затрагивают вопросов о качественном и количественном составе национальных ВМС.

2.10. Вопросы экологии на Каспии

Нарастающая экологическая деградация бассейна и прибрежных территорий является в настоящее время самой острой, ключевой проблемой региона Каспийского моря.

Современное состояние экосистемы Каспия определяется следующими основными факторами:

- многолетними естественными колебаниями уровня моря, которые представляют собой главную особенность гидрологического режима Каспийского бассейна, во многом определяющую характер развития экономик прибрежных территорий (транспортной сферы, нефтегазовой промышленности, рыбного и сельского хозяйства, жилищно-коммунального комплекса и др.);

- гидростроительством на реках Каспийского бассейна, зарегулированием их стока, что приводит к неизбежным аномалиям гидрологического, гидрохимического и гидробиологического режимов в зонах влияния речных стоков;

- рыбохозяйственной деятельностью, включая рыболовство с ежегодным промысловым изъятием от 500 тыс. тонн рыбы в 50—70 гг. прошлого века до 200 тыс. тонн в настоящее время;

- появлением чужеродных видов (вселенцев), в частности гребневика *Mnemiopsis*, нарушивших кормовой баланс, что привело к истощению биомассы и разнообразия планктона, снижению запасов и объемов вылова промысловых рыб;

- массовым браконьерством, представляющим собой, по сути, альтернативную отрасль экономики для прибрежных территорий, бизнес с баснословными доходами;

- загрязнением промышленными, сельскохозяйственными и бытовыми стоками — в море впадают 130 рек, принося с собой собранные со всей акватории, промышленных и сельскохозяйственных регионов отходы;

- морскими нефтяными операциями (бурением, добычей, транспортировкой, переработкой);

- историческими загрязнениями — регулярными подтоплениями и утечками нефти с заброшенных и законсервированных нефтяных и других промышленных объектов (скважин, свалок, хвостохранилищ, отстойников сточных вод и т. д.). Только в Казахстане насчитывается около 2 тыс. старых нефтяных скважин, консервация которых требует значительных материальных затрат.

По оценкам, наиболее сильное негативное воздействие на экологию Каспия в настоящее время оказывают:

- 1) деятельность предприятий добывающей промышленности (разведка, добыча, транспортировка нефти, газа, урана);

- 2) деятельность предприятий химической, металлургической и других отраслей обрабатывающей промышленности, энергетического комплекса, сельского хозяйства, коммунальных служб;

- 3) загрязнения, вызванные естественными колебаниями уровня моря;

- 4) охота и браконьерство.

В результате действия перечисленных факторов только с начала XXI века мы стали свидетелями следующих негативных явлений:

- массовой гибели тюленей — 25 марта 2012 г. по береговой полосе моря от мыса Урдюк до местности Баутинская коса были обнаружены 35 мертвых особей; 353 мертвых тюленя были обнаружены на казахстанском побережье Каспия в 2009 г.; в 2007 г. в казахстанском секторе Каспия погибло около 1 тыс. тюленей; в 2006 г. — 337; в апреле—июне 2000 г. произошел самый масштабный мор каспийских тюленей за прошедшее столетие — в общей сложности количество погибших особей на островах Северного Каспия,

береговой полосе Казахстана, России (Дагестан) и Азербайджана составило порядка 25—30 тыс., из них в казахстанской зоне ответственности погибло более 12 тыс. тюленей. По состоянию на март 2010 г. популяция тюленей в казахстанской части Каспия составляла порядка 8 тыс. особей. По данным экспертов, в начале 20-х гг. прошлого века популяция тюленей на Каспии превышала 1 млн особей. Сейчас же их количество сократилось до 100 тыс. Среди причин гибели называются как природно-климатические факторы (короткий период ледостава в Северном Каспии), так и мор в результате вирусных заболеваний и отравления нефтепродуктами [56];

- массовой гибели кильки — в 2001 г. по всей акватории Среднего и Южного Каспия было обнаружено 250 тыс. тонн погибшей кильки — это годовая квота вылова всех прикаспийских государств и 40% всех запасов кильки в Каспийском море. В погибшей рыбе нашли большое содержание тяжелых металлов и нефтепродуктов [57];

- массовой гибели осетровых — в конце апреля 2006 г. к побережью Мангистауской области прибило туши более 2 тыс. рыб осетровых пород. Основной причиной их гибели также назывались загрязнение моря нефтью и периодический аварийный выброс сероводорода из скважин [58].

Особенность экосистемы Каспийского бассейна такова, что негативные антропогенные факторы воздействия на окружающую среду усиливаются природными явлениями, присущими региону. Совокупность действия природных и антропогенных факторов представляет большую угрозу экологическому балансу акватории и прибрежной зоны Каспия, особенно северной его части, являющейся уникальным природным заповедником — «роддомом» и «детсадом» для редких видов флоры и фауны, в первую очередь ценнейших пород реликтовых осетровых рыб и тюленей, а также местом остановок и зимовок водоплавающих и околоводных птиц.

Значительную угрозу несет в себе и рост динамики нефтяных операций на Каспии. Нефтяная отрасль оказывает негативное воздействие на все компоненты окружающей среды: атмосферу, воду, почву, недра, биоразнообразие. В связи с этим экологическая безопасность нефтегазового комплекса является одной из основных составляющих национальной безопасности государства.

Можно выделить три основных вида воздействия нефтегазовой промышленности на окружающую среду:

1) сброс отработанных буровых растворов, шламов и пластовых вод в результате буровых работ, эксплуатации скважин и первичной переработки нефти;

2) аварийные разливы (выбросы) нефти и высокоминерализованных вод при добыче и транспортировке, а также штатные и нештатные выбросы загрязняющих веществ, образующихся, в частности, в процессе сжигания попутного нефтяного газа;

3) деформация земной поверхности и недр в результате извлечения нефти, газа и подземных вод, вызывающая землетрясения, оползни, затопления, нарушение целостности водоводов, кабелей, дорог и т. д. В результате происходит перемещение грунтовых слоев, трансформация почвенных горизонтов, смещение русел поверхностных и подземных водотоков, что способствует интенсификации процессов заболачивания и деградации почв, изменению среды обитания растительного и животного мира.

Положение осложняется тем, что работающие на шельфе Каспия компании, ссылаясь на условия СРП, ограничивают допуск государственных экспертных групп на месторождения для мониторинга и проверки, привлекая для этих целей частные компании, которые не всегда заинтересованы в объективном отражении экологической ситуации. Также добывающие компании часто скрывают или искажают информа-

цию о произошедших аварийных ситуациях, прикрываясь условиями заключенных контрактов.

Данная ситуация требует пересмотра условий вновь заключаемых контрактов в направлении повышения прозрачности производственной и финансовой деятельности компаний-недропользователей. Необходимо внедрять на всех уровнях, особенно для условий шельфовой добычи, строгие стандарты экологической безопасности, предусмотрев самые жесткие санкции в отношении нечистоплотных компаний, для которых в настоящее время легче выплачивать штрафы, чем «вкладываться» в природоохранные мероприятия. Требуется обеспечить условия для доступа на месторождения сертифицированных экспертных групп для исследований и мониторинга.

Особую обеспокоенность в условиях Казахстана вызывает также обстановка, складывающаяся в сфере транспортировки нефти и нефтепродуктов. Следует отметить, что сложной системе транспортировки нефти и газа всегда и неизбежно сопутствует повышенный «аварийный фон», который существенно возрастает в сейсмоопасных и бессточных условиях Каспийского бассейна.

Масштабы воздействия нефтетранспортной отрасли на природные комплексы огромны. Так, прокладка трубопроводов приводит к деградации сельскохозяйственных земель, исторических мест и памятников природы, заповедных и природоохранных территорий. Утечки нефти при повреждении и неправильной эксплуатации труб и других нефтяных объектов являются причиной загрязнения источников питьевой воды, земельных фондов, жилых зон, нарушения среды обитания растений и животных, их гибели*, а также тяжелых

* Так, согласно оценкам МООС РК, в результате нарушения требований природоохранного законодательства, применения отсталых технологий и вследствие промышленных аварий общая площадь замасоченных земель в Западном Казахстане составляет около 200 тыс. га, основная часть которых находится в прибрежных территориях.

техногенных катастроф: взрывов, пожаров, нередко с человеческими жертвами.

Также особо опасны разливы нефти на водной поверхности в результате аварий на танкерах, нефтедобывающих платформах и других сооружениях*.

Следует отметить, что мероприятия по рекультивации земель и очистке акватории очень затратны и зачастую не могут быть полностью профинансированы виновной стороной, даже если ее удастся определить. Тем самым эти расходы ложатся на плечи бюджетов пострадавших территорий.

В связи с высокой стоимостью проведения очистительных мероприятий целесообразно активно внедрять механизмы страхования, создавать специальные фонды экстренной помощи пострадавшим районам.

Для снижения вероятности аварий на трубопроводах должны постоянно повышаться требования к их надежности. В первую очередь это касается контроля над процессами естественного физического износа труб, сооружений, оборудования, их плановой замены, а также строгое соблюдение технологий отливки труб и укладки трубопроводов.

Необходимо применять самые совершенные технологии** и регулярно проводить обновление антикоррозийного покрытия трубопроводов, детально изучать места их прокладки, осуществлять районирование территорий по фактору геодинамического риска, с которым связаны не только эндогенные, но и экзогенные проявления. Также требуется постоянно обновлять парк специализированной аварийной техники, приобретать и внедрять лучшие технологические

* По оценкам, 1 литр нефти лишает кислорода 40 тыс. литров морской воды, 1 тонна нефти загрязняет до 12 кв. км поверхности водоема.

** Мировой опыт показывает эффективность применения гибких трубопроводов из армированного пластика с неограниченным сроком эксплуатации.

решения в области ликвидации последствий техногенных катастроф*.

Первоочередное значение для повышения безопасности трубопроводов имеет оснащение их эффективными системами обнаружения утечек. Разработка данных систем должна быть приоритетом не только для самих транспортных компаний, но и для профильных научных учреждений и обеспечиваться поддержкой на государственном уровне.

Для регулирования деятельности в данной области должны быть разработаны и приняты соответствующие нормативные документы — технические регламенты**, в которых необходимо четко прописать конкретные требования к системам обнаружения утечек на трубопроводах, механизмы их отбора и применения, а также обозначить уровни ответственности при возникновении аварийных ситуаций.

Таким образом, усилия законодательных, исполнительных, контролирующих органов власти, самих компаний, а также общественности должны быть направлены на предотвращение аварийных ситуаций, проведение всего упреждающего комплекса мероприятий, широкое использование мирового опыта в этой области.

Ужесточение экологических требований в РК уже приводит к тому, что прогрессивные компании-владельцы и операторы трубопроводных сетей сами внедряют современные системы мониторинга состояния трубопроводов***,

* Эффективным способом борьбы с разливами нефти является использование биотехнологий: специальные микроорганизмы окисляют нефтепродукты, в результате чего они расщепляются и становятся безвредными.

** На сегодняшний день в Казахстане на практике применяются российские стандарты и регламенты, прошедшие верификацию в РК.

*** В этой связи большой интерес представляет опыт НК «КазМунайГаз», которая реализует Комплексную экологическую программу на 2006—2015 гг. Одной из основных задач программы является проведение мониторинга казахстанского сектора Каспийского моря для обнаружения нефтяных загрязнений по данным космического радиолокационного зондирования, а также предупреждения и ликвидации последствий возможных аварийных разливов нефти и нефтепродуктов. Создание эффективной корпоративной системы производственного экологического мониторинга определено одним из главных приоритетов стратегии компании.

включающие в себя широкий диапазон методов — от обхода (облета) специалистами до контроля объектов со спутников*.

Но, к сожалению, подобная «сознательность» недропользователей наблюдается далеко не всегда. На практике многие компании стараются сэкономить именно на природоохранных мероприятиях. Во многих случаях повышенный аварийный потенциал формируется еще на начальных этапах — при проектировании и строительстве трубопроводов и других сооружений для добычи, переработки и транспортировки углеводородного сырья. Также большой проблемой является качество транспортного строительства.

Практика показывает, что нефтепроводы являются относительно недорогим способом транспортировки нефти — стоимость строительства магистрального нефтепровода в среднем окупается за 2—3 года. Режим работы трубопровода практически не зависит от погодных условий, влияние человеческого фактора также сведено к минимуму. Таким образом, трубопроводный транспорт экономически выгоден и при определенных условиях незаменим. Однако, согласно транспортной статистике, основной объем международных перевозок нефти осуществляется нефтеналивными танкерами**.

В последние годы активно растет рынок морских перевозок и на Каспии, при этом борьба за их будущие объемы только ужесточается. Каждая из прибрежных стран прикладывает усилия к созданию и развитию собственного танкерного флота и портовой инфраструктуры.

Однако главным условием конкуренции танкерных перевозок в сложных погодно-климатических характери-

* Дистанционные методы с использованием искусственных спутников Земли позволяют проводить съемки в многоспектральном диапазоне, а также лазерные и радиолокационные измерения.

** В настоящее время в мировой практике 7—8 тонн нефти из каждых 10 тонн, добываемых в море, доставляется к местам потребления морским транспортом.

стиках и при сохраняющейся неопределенности юридического статуса Каспийского моря являются не столько объемы транзитной нефти, сколько гарантии безопасности ее транспортировки и сохранения качества перевозимых нефтепродуктов.

Нефтяные танкерные перевозки несут в себе значительные экологические риски. Водные пути на многих направлениях перегружены транспортными средствами, что увеличивает аварийный фон и снижает степень управляемости и безопасности перевозок. Компании — владельцы танкеров в условиях жестокой конкуренции за фрахт и погони за удешевлением процесса транспортировки стремятся к уменьшению численности экипажей за счет автоматизации процессов управления судами и к упрощению технологии строительства, что для нефтеналивных танкеров крайне опасно.

Мониторинг экологической обстановки в северной части Каспия, проведенный в марте—апреле т. г. по заказу ООО «Лукойл-Нижневожскнефть» с использованием искусственных спутников, установил, что суммарная площадь пленочных загрязнений акватории Северного Каспия составила 53,7 кв. км. Главным источником загрязнения названо судоходство. При этом 78% детектированных пленок (суммарной площадью 42 кв. км) расположены в казахстанском секторе Каспия вдоль судоходных трасс, идущих на юг от порта Актау. А самый крупный разлив площадью около 69 кв. км был обнаружен в российском секторе моря в сторону Махачкалы [59].

Между тем необходимо признать, что эффективных методов ликвидации массивных разливов нефти на водной поверхности до сих пор не существует — это убедительно показал опыт устранения последствий взрыва на нефтяной платформе ВР в Мексиканском заливе в 2010 г. Район раз-

лива нефти всегда становится зоной экологической катастрофы. Покрывающая поверхность нефтяная пленка нарушает процессы тепло- и газообмена моря и атмосферы, на больших пространствах гибнет фито- и зоопланктон, являющийся основой пищевой пирамиды, что подрывает кормовую базу рыбных стад и морских млекопитающих, влечет за собой снижение их численности, повышение заболеваемости. В условиях закрытой акватории Каспийского моря любая подобная авария может иметь фатальные последствия.

В этой связи следует приветствовать подписание Казахстаном 12 августа 2011 г. первого Протокола о региональной готовности, реагировании и сотрудничестве в случае инцидентов, вызывающих загрязнение нефтью, к Рамочной конвенции по защите морской среды Каспийского моря (г. Тегеран, 4 ноября 2003 г.).

В ноябре 2010 г. на саммите в Баку президенты пяти прикаспийских государств объявили задачу сохранения биоразнообразия и экологического баланса Каспия своим приоритетом. В настоящее время идет согласование проекта Соглашения о сохранении и рациональном использовании биологических ресурсов Каспия. Однако провозглашенные принципы, очевидно, идут вразрез со многими коммерческими проектами, в том числе и по прокладке транскаспийских трубопроводов по дну и охраняемым территориям бассейна Каспийского моря. Также большие опасения экологов вызывает запуск проекта «Кашаган». Особенностью данного месторождения является то, что уровень давления в скважинах Кашагана в несколько раз больше, чем в Мексиканском заливе, и в случае аварии нефть из морских глубин в условиях мелководья будет выходить с очень высокой скоростью. В рамках реализации проекта предполагается отсыпать 42 острова, на которых будет пробурено 240 скважин, а это огромная техногенная нагрузка на экологию Северного Каспия.

Гарантировать экологическую нейтральность будущих нефте- и газопроводов, нефтяных платформ и других сооружений при современном уровне развития технологий невозможно. В мировой практике не существует абсолютно безопасных способов добычи и транспортировки углеводородного сырья, особенно в условиях бессточного замкнутого водоема в сейсмоактивной зоне. Помимо рисков возникновения крупных утечек значительную угрозу несут в себе и виброакустические колебания, создаваемые подводными трубопроводами. Эти воздействия способны крайне негативно сказаться на природных маршрутах миграции осетровых и их способности к нересту.

В то же время необходимо быть реалистами и понимать, что, по крайней мере, для трех из пяти литоральных стран каспийские нефть и газ — важнейшие экспортные товары и источники доходов государственных бюджетов. В этой связи понятно, что Казахстан, Азербайджан и Туркменистан не откажутся от своих амбициозных нефтегазовых проектов и будут наращивать экспортный и транзитный потенциал, становясь конкурентами на мировом сырьевом рынке и вовлекаясь в соперничество за выгодные пути транзита и прибыльные каналы сбыта.

Однако намечающийся конфликт экономических интересов ни в коем случае не должен создавать угрозу экологической безопасности региона.

В этой связи планируемые в интересах в первую очередь третьих стран пути доставки каспийских углеводородов на внешние рынки должны проходить тщательную экологическую экспертизу всеми членами «пятерки» и при возникающих сомнениях скорее отклоняться, чем приниматься. Мы не можем принять позицию некоторых литоральных стран, в частности Туркменистана, согласно которой «прокладка подводного трубопровода по дну Каспия должна осуществляться

ся с согласия только тех государств, на участках дна которых будет построен такой трубопровод»*. Каспий — это единая и очень хрупкая экосистема, поэтому допустить ситуацию, когда от чьих-либо действий кто-то бы выигрывал, а кто-то проигрывал, нельзя. Цена ошибки будет слишком высока. Путем межгосударственного диалога необходимо достичь определенного баланса между освоением природных ресурсов и сохранением уникальной экосистемы бассейна Каспийского моря.

Очевидно, что диапазон существующих сегодня экологических проблем весьма обширен, многие из них носят трансграничный, а подчас и глобальный характер и не могут быть решены в узких национальных рамках. В этой связи каспийские государства должны отказаться от соперничества в пользу эффективного взаимодействия во всех областях и сферах обеспечения региональной безопасности: военно-политической, энергетической, экономической, экологической, социально-гуманитарной и др. Данная политика должна стать одним из важнейших приоритетов внешней и внутренней стратегии этих стран.

Особенно важно, на наш взгляд, сотрудничество в области обеспечения экологической безопасности, в частности, в сфере предотвращения и ликвидации последствий стихийных бедствий и техногенных катастроф.

В связи с нарастающим потенциалом нефтеналивного флота и трубопроводной системы, необходимо налаживание тесного взаимодействия всех государств региона в формировании аварийно-спасательных структур, разработке систем защиты побережья и акватории от возможных разливов нефти и нефтепродуктов.

Комплексный подход к обеспечению экологической безопасности должен включать в себя:

* Официальное заявление Президента Туркменистана Г. Бердымухамедова на саммите глав Прикаспийских государств в ноябре 2010 г. в Баку.

- оценку рисков;
- подготовку планов мобилизации и ликвидации аварийных ситуаций;
- наличие необходимого оборудования;
- обучение персонала.

Данный подход позволит минимизировать ущерб от аварий и обеспечить максимальную рентабельность капиталовложений в соответствующее оборудование и технологии.

В целях улучшения экологической обстановки и предотвращения аварийных ситуаций прикаспийским государствам необходимо предпринимать следующие действия:

- проводить обязательное и регулярное тестирование состояния нефте- и газопроводов, мероприятия по их защите от коррозии и т. д.;
- систематически проводить аэрокосмический мониторинг трубопроводов;
- на основе собранных данных разработать непрерывно обновляемую электронную экологическую карту;
- поддерживать постоянную готовность спасательных буксиров и другой специальной техники для оказания помощи поврежденным танкерам;
- регулярно проводить учения для поддержания готовности спецподразделений по борьбе с широкомасштабными разливами нефти и другими аварийными ситуациями;
- при заключении контрактов на недропользование обязательно включать пункт об ответственности за нарушения в области экологического законодательства;
- заключать договора с владельцами транспортно-логистических комплексов о совместной борьбе с последствиями разлива нефти и нефтепродуктов;
- провести сертификацию всех судов, занимающихся перевозкой нефти и нефтепродуктов;

- не допускать выхода в море судов, не отвечающих требованиям безопасности;
- провести унификацию методик, определяющих критерии состояния экосистем Каспия между всеми странами региона, что должно способствовать преодолению противоречий и выработке общей «дорожной карты» по решению экологических проблем;
- активизировать деятельность постоянно действующих рабочих групп и ученых прикаспийских стран по оценке и мониторингу текущего состояния экологии Каспия для выработки предложений по сохранению биоресурсов региона;
- синхронизировать экологические законодательства стран «пятерки» посредством межпарламентского диалога;
- совершенствовать правовые механизмы взаимодействия в экологической сфере, в том числе механизмы совместного реагирования на нештатные ситуации, аварии и т. п.;
- проводить тщательный мониторинг климатических изменений;
- проводить тщательную экологическую экспертизу любых проектов по добыче и транспортировке углеводородов, притом в пятистороннем формате;
- внедрять жесткий контроль за деятельностью национальных и транснациональных компаний на предмет соблюдения ими экологического законодательства, социальных и налоговых обязательств;
- координировать работу правоохранительных органов по борьбе с незаконной промысловой и другой противоправной деятельностью;
- провести системный экологический мониторинг рек, впадающих в Каспийское море;
- рассмотреть вопрос об учреждении наднациональных институтов по охране природной среды Каспия, улучшению

экологической обстановки в местах освоения и транспортировки энергоресурсов, а также взаимопомощи во время природных и техногенных аварий и катастроф, устранения их последствий и организации помощи населению.

Безусловно, данные мероприятия могут замедлить скорость принятия управленческих и инвестиционных решений по вопросам добычи, переработки и транспортировки углеводородных ресурсов. Однако в сложившейся крайне опасной экологической ситуации эти меры и неизбежные экономические потери следует признать оправданными.

В целях недопущения снижения темпов экономического развития литоральных стран необходимо определить другие несырьевые «точки роста», одной из которых может стать региональный туризм, в том числе и экологический. Реализация данного направления позволит создать мощный положительный мультипликативный эффект в сфере занятости, инфраструктурных и сервисных секторах (гостиницы, кафе, производство сувениров, индустрия развлечений и т. д.), транспортном комплексе. Вполне реальна организация туристических круизных маршрутов по Каспийскому морю, что будет способствовать расширению торгово-экономических и культурно-гуманитарных связей между прикаспийскими государствами.

Также следует укреплять внутрирегиональную инвестиционную базу и создавать благоприятный инвестиционный климат для стран-региональных партнеров. Этого можно добиться путем образования специальных финансово-кредитных институтов (банков, фондов — по типу Евразийского банка развития, учрежденного Россией и Казахстаном), основной задачей которых будет финансирование и страховое обеспечение совместных, прошедших всестороннюю экспертизу проектов, как в ресурсном, так и в инфраструктурном секторах, а также поддержка мероприя-

тий по сохранению окружающей среды и биоразнообразия региона.

В направлении более полной реализации экспортного потенциала региона требуется проведение максимально согласованной политики, ориентированной на разработку наиболее экономически эффективной и максимально экологически безопасной схемы транспортировки энергоресурсов Каспия, реконструкции действующих и создание новых, «оправданных» с точки зрения внутрирегиональных интересов транспортных маршрутов.

Целесообразно также учреждение постоянно действующего надгосударственного органа (совета, ассамблеи), призванного защищать интересы и безопасность региона на мировой арене, не допускать милитаризации Каспия и конфликтов между прикаспийскими государствами.

Большой потенциал нам видится в развитии не только межгосударственных связей, но и взаимодействия на уровне соседних областей и территорий (приграничной торговли).

Реализация этих направлений позволит, по нашему мнению, повысить статус Каспия как единого экономического пространства, усилит влияние прикаспийских государств в вопросах внешней политики и обеспечения национальной и региональной безопасности.

Таким образом, необходимость согласованного и комплексного подхода в формате всех стран «пятерки» к проблемам осуществления хозяйственной деятельности в регионе абсолютно очевидна. Природоохранная политика в акватории Каспия и его бассейне может быть либо единой, либо фиктивной, прикрывающей его варварское разграбление. И в этой связи требуется объединение усилий правительств, добывающих компаний и общественности литоральных государств в том, чтобы поднять экологические требования и техническую планку любой экономической деятельности на

Каспии до уровня, позволяющего сократить выбросы и загрязнения до минимально возможных значений.

С сожалением можно констатировать, что в настоящее время усиливающаяся конкуренция между странами региона в условиях неопределенности юридического статуса моря и зон ответственности прибрежных стран наносит экологии Каспия удар, способный стать фатальным. Незавершенность процесса правового разделения Каспийского моря не позволяет четко определить степень ответственности каждой из литоральных стран в вопросе сохранения уникального природного разнообразия Каспийского бассейна и разумного использования его ресурсов. В случае возникновения аварийной ситуации будет очень трудно найти «виноватых» и «ответственных». Ни один международный суд не примет дело о возмещении убытков к рассмотрению.

В этих условиях только сотрудничество в рамках «пятерки» способно сделать борьбу за экологию Каспия по настоящему эффективной и результативной.

2.11. Угрозы терроризма и экстремизма на Каспии

Оценивая степень террористической угрозы на Каспии, следует различать следующие два понятия: первое — Каспий как географическая единица, включающая в себя акваторию моря и прилегающие к нему территории национальных государств; второе — Каспий как геополитическая и геоэкономическая единица, структура которой формируется национальными интересами не только пяти прибрежных государств, но и ряда игроков мирового уровня, топливно-энергетической инфраструктурой, биологическими и энергетическими ресурсами.

Каспий как географическая единица

В рамках «географического» Каспия фиксируется наличие угрозы терроризма и конкретных актов ее реализации. Террористическая активность характерна для ряда прилегающих к водоему территорий прикаспийских государств*. Однако объектом террористов не является Каспий в его геополитическом и геоэкономическом измерении. Осуществленные теракты имеют внутривластную природу.

Терроризм в Дагестане является составной частью общего террористического фронта Северного Кавказа**. Анализ терактов в Дагестане показывает, что основными объектами нападений являются сотрудники правоохранительных органов, военнослужащие, представители власти и религиозные деятели. Начиная с 2010 г. наблюдается частичная смена стратегии террористов в регионе, в результате которой теракты стали осуществляться и в отношении объектов экономической инфраструктуры. Такой подход может иметь целью нанесение удара по стратегии федеральных властей на Северном Кавказе, которые пытаются с помощью экономики победить терроризм. С другой стороны, в условиях, когда взрывы автомобилей стали привычными, изменение объектов нападения способно вызвать больший шок и резонанс, чем привычный для Дагестана теракт.

* Наибольшую активность террористы проявляют в Дагестане (РФ). В частности, 15—16 апреля 2012 г. в Махачкале было осуществлено 3 теракта. Меньший уровень террористической активности наблюдается в Азербайджане. Так, в ходе антитеррористической операции, проведенной в первой половине апреля 2012 г. в Баку, Сумгаите, Гяндже, Гахском, Загатальском, Шекинском, Гусарском, Апшеронском и Хачмазском районах, была обезврежена преступная группировка, возглавляемая В. Падаровым и планировавшая террористические акты в стране. На прикаспийской территории Казахстана теракт был осуществлен 31 октября 2011 г. в Атырау.

** В 2011 году в СКФО совершено 591 преступление террористического характера (рост по отношению к 2010 году — 24%), что составляет 93% терактов от общероссийского показателя.

В минувшем году правоохранительные органы РФ провели на территории Северного Кавказа 85 тыс. контртеррористических и 12 тыс. боевых операций, в ходе которых были нейтрализованы 343 бандита, 618 задержаны. Помимо этого было выявлено около 500 схронов и баз боевиков. В настоящий момент количество боевиков в СКФО оценивается экспертами в 1 000 чел.

События, имевшие место в Казахстане в 2011 г., также свидетельствуют о том, что основным объектом нападения являются правоохранительные органы, их служащие и объекты инфраструктуры.

Потенциальными объектами нападения террористов в Азербайджане являются мечети, офисы еврейских общин, объекты туристической инфраструктуры* и дипломатического корпуса. Специфика терроризма в стране отчасти зависит от ее взаимоотношений с соседними государствами**.

В течение, как минимум, двух последних лет фиксируется процесс формирования террористической сети в треугольнике Западный Казахстан — Дагестан — Азербайджан. Структурно данная сеть характеризуется наличием следующих механизмов:

- информационно-пропагандистского;
- информационно-технического;
- вербовочного;
- механизмов переброски людей, взрывных устройств, оружия;
- механизмов финансирования.

Как и любая система, данная сеть не является замкнутой на саму себя и находится в активном взаимодействии как с международным террористическим интернационалом (Ближний Восток, Афганистан, Пакистан), так и с доморощенными криминальными кругами.

* Накануне международного музыкального конкурса «Евровидение-2012» азербайджанские исламисты заявили о намерении осуществить нападения на участников. 30 мая 2012 г. Министерство национальной безопасности Азербайджана заявило, что спецслужбам удалось обезвредить международную террористическую группу, которая готовила ряд терактов во время конкурса. Как выяснилось в ходе оперативно-следственных мероприятий, объектами массивной террористической атаки должны были стать крупнейшие отели Баку — Hilton Baku и JW Marriot Hotel Absheron, зал Baku Crystal Hall, площадь Государственного флага, места религиозного паломничества.

** Только в первой половине 2012 г. в СМИ трижды появлялась информация о задержании на территории Азербайджана «иранских террористов».

Взаимодействие с террористическими организациями, функционирующими на территории Афганистана, Пакистана и Ближнего Востока, позволяет развивать идеологическую пропаганду, осуществляемую в рамках исламистских образовательных структур, действующих на вышеуказанных территориях*.

С психологической точки зрения контакты такого рода позволяют доморощенным террористам и экстремистам постсоветского пространства ощущать себя частью чего-то большего, более значимого и этим придают смысл собственным действиям.

Северокавказское террористическое подполье генерирует и собственный пропагандистский контент**, «приближая» и адаптируя идеи терроризма к ценностным установкам и условиям проживания населения ряда прикаспийских государств.

Использование потенциала криминальных кругов позволяет решить проблемы обеспечения оружием и финансирования деятельности***. Вопрос об источниках финансирования северокавказского терроризма и их долевого соотношения остается открытым, однако общественно-политический дискурс все чаще фиксирует связку «терроризм — криминал». В частности, заместитель председателя правительства РФ — полномочный представитель президента РФ в СКФО А. Хлопонин заявил, что террористы на Северном Кавказе

* В частности, по заявлению МНБ Азербайджана, члены группы В. Падарова прошли религиозно-психологическую подготовку к джихаду в медресе Сирии, а также участвовали в военно-религиозных учениях в Вазиристане в составе группы «Ислами-джихад».

** Наиболее ярким северокавказским идеологом терроризма до сих пор остается Саид Бурятский (А. Тихомиров). Феномен идеологической силы» С. Бурятского отчасти продуцируется его евразийским происхождением.

*** В частности, в начале марта 2012 г. в Новосибирске пресечена деятельность бандгруппы. Из 11 задержанных 5 человек входили в «Новосибирский джамаат» — экстремистскую организацию, занимающуюся финансированием бандподполья на Северном Кавказе. Задержанные, по оперативным данным, занимались вымогательством, грабёжом и разбоем, а также вербовали граждан для участия в своей противоправной деятельности.

финансируются за счет махинаций внутри страны, «к сожалению, те разговоры, что бандподполье сегодня финансируется из-за рубежа — это все детский лепет. Не надо бегать за рубеж, здесь достаточно использовать те лазейки, которые существуют в округе» [60]. Схожую информацию озвучил советник председателя НАК А. Пржездомский: «Мы знаем, что бандподполье на Северном Кавказе подпитывается в основном не за счет поступлений из-за рубежа, а за счет бандитизма, рэкета, за счет жертвований, которые поступают от сочувствующих элементов» [61].

Несмотря на имеющиеся связи с международным террористическим интернационалом, террористическое подполье прикаспийских государств существует в условиях определенной автономности. Вследствие изменения подходов международного терроризма исламистского толка к организации мирового джихада* этот фактор в дальнейшем будет усиливаться.

В пользу наличия каналов переброски людей, взрывных устройств, оружия из страны в страну в рамках выделенного нами «треугольника» свидетельствуют данные о задержании или гибели казахстанских граждан в результате проведенных антитеррористических операций на территории СКФО и Дагестана, в частности. Что касается Азербайджана, то факты присутствия азербайджанских граждан в рядах бандформирований, действующих на территории Дагестана, фиксируются еще с 2008 г. Кроме того, аналитический дискурс терроризма в Азербайджане отражает роль страны как перевалочной базы, через которую осуществлялись финансовые операции террористов и организовывался транзит членов бандгруппировок по маршруту Ближний Восток — Северный Кавказ.

* В настоящее время международный терроризм меняет свою стратегию в пользу диверсификации субъектов терроризма. Суть «реформы» заключается в сокращении вложений в профессиональную подготовку террористов в специализированных лагерях и последующую заброску их на территорию государства-объекта. Взамен развивается система интернет-подготовки террористического подполья на территориях различных стран.

Развитию механизмов вербовки населения в ряды террористов способствует распространение идей радикального салафизма (ваххабизма) на территории Западного Казахстана, Северного Кавказа и Азербайджана*. При этом следует обратить внимание на то, что развитие радикального салафизма в прикаспийских странах, в частности в Казахстане и Азербайджане, несет в себе ряд вызовов, потенциально способных трансформироваться в угрозы террористического характера. Данные вызовы и угрозы детерминируются наличием в рамках идеологии радикального крыла салафитов следующих идеологем:

- такфир шиитам;
- отрицание национальной идентичности.

В Азербайджане в условиях радикализации суннитской молодежи, в том числе и в приграничных с Россией лезгинских и аварских районах, одновременная актуализация двух вышеуказанных идеологем может привести к всплеску диверсионно-террористической активности на территории страны. Для Казахстана вопрос так остро не стоит, однако дальнейшее распространение радикального салафизма в западных районах республики может способствовать привлечению казахстанских граждан к террористической деятельности на территории Азербайджана.

Каспий как геополитическая и геоэкономическая единица

Нефтегазовая инфраструктура различных государств уже неоднократно становилась объектом диверсионно-террори-

* Салафитам свойственны буквалистские трактовки ряда положений Корана и Сунны, без учета социальных реалий, к которым данные трактовки применяются. Приверженцы салафизма как богословского течения в ритуально-правовой сфере придерживаются ханбалитского мазхаба. Несмотря на то что приверженность салафизму не делает верующих террористами ipso facto, на сегодняшний день определенная часть салафитов вовлечена в деятельность международной сети террористических организаций «Глобальный исламский джихад салафи».

стических актов^{*}. В то же время, несмотря на «привлекательность» нефтегазовой инфраструктуры для террористов, терактов непосредственно на нефтяных объектах Каспия не зафиксировано^{**}. Причины низкой диверсионно-террористической активности в отношении нефтяных объектов Каспия, возможно, кроются в совокупном влиянии следующих факторов:

✓ в системе международных отношений Каспий остается периферийной зоной, что заметно снижает интерес международного террористического интернационала, в частности «Аль-Каиды», к Каспию как объекту, теракт на котором способен вызвать мощный общественно-политический резонанс в мире;

✓ в соответствии со сложившейся практикой обеспечение безопасности нефтяной инфраструктуры на Каспии возлагается на администраторов нефтяных объектов, обладающих достаточными финансовыми и технологическими ресурсами для их защиты, с одной стороны, и находящихся в тесном взаимодействии с государственными органами страны пребывания — с другой. В результате организация терактов на нефтяных объектах требует больших финансовых вложений;

✓ террористическое подполье прикаспийских государств не обладает в достаточной мере ни организационными, ни финансовыми ресурсами для осуществления терактов на нефтяных объектах Каспия. Кроме того, несанкционированные «врезки» в нефтепроводы в целях хищения нефти,

* В августе 2010 г. был совершен теракт на нефтепроводе Киркук — Джейхан. Ответственность была возложена на курдских сепаратистов. За период 2011 г. было совершено 7 террористических атак на панарабский газопровод. В причастности к терактам подозревают «Аль-Каиду». 7 декабря 2011 г. произошел взрыв под магистральным нефтепроводом Баку — Грозный.

** Во второй половине 2010 г. в прессе появились сообщения о возможном теракте на нефтепроводе Баку — Тбилиси — Джейхан. 6 декабря на турецком отрезке нефтепровода (администратор — компания «Боташ») была совершена диверсия, повлекшая за собой разлив нефти. Представители ВР (администратор нефтепровода Баку — Тбилиси — Джейхан в Грузии и Азербайджане) связали этот инцидент с неудачной «врезкой» в нефтепровод, осуществленной в целях хищения нефти.

а также криминальные действия и махинации в отношении объектов, специализирующихся на хранении и транспортировке нефтепродуктов, приносят криминальным кругам и, в частности, террористам большой доход, нежели непосредственно сами теракты.

В то же время в западном экспертном сообществе наблюдается отход от восприятия Ближнего Востока, Кавказа и Каспия как локально обособленных друг от друга геополитических и геоэкономических зон. Формируется понятие «кавказско-каспийско-персидскозаливского узла». В этом контексте в совокупности с дальнейшей диверсификацией маршрутов транспортировки каспийской нефти вероятность терактов в средне- и долгосрочной перспективе возрастает. Несмотря на то что Иран не ведет промышленную добычу нефти на Каспии, следует учитывать процессы, происходящие вокруг ИРИ^{*}. Уже сегодня уязвимость нефтяных объектов перед терактами и различного рода диверсиями становится одним из критериев оценки целесообразности того или иного проекта^{**}.

Литература

1. Каспийская миссия Морнингстара — Баку становится узлом евразийской энергодипломатии США // <http://www.centrasia.ru>
2. Мир после кризиса. Глобальные тенденции-2025: меняющийся мир. Доклад Национального разведывательного совета США. — Москва: Изд-во «Европа». 2009. — С. 76.

* По мнению специалистов АТЦ СНГ, в настоящий момент наблюдается формирование террористических сил быстрого реагирования, а террористические атаки могут выступать в качестве запускающих большой конфликт механизмов.

** Это, в частности, касается любых проектов, связанных с прокладкой трубопроводов по дну Каспийского моря. Главный аргумент — в случае теракта или техногенной катастрофы прикаспийские страны столкнутся с экологической катастрофой, влекущей за собой невосполнимые потери.

3. Путин В.В. Россия и меняющийся мир // Московские новости, 27 февраля 2012 г.
4. Путин В.В. Россия сосредотачивается — вызовы, на которые мы должны ответить // Известия, 16 января 2012 г.
5. Путин В.В. Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России // Российская газета, 20 февраля 2012 г.
6. Путин В.В. Россия сосредотачивается — вызовы, на которые мы должны ответить // Известия, 16 января 2012 г.
7. Путин В.В. Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России // Российская газета, 20 февраля 2012 г.
8. Лавров С.В. Выступление и ответы министра иностранных дел России на вопросы СМИ в ходе пресс-конференции по итогам переговоров с министром иностранных дел Азербайджана Э.М. Мамедьяровым. Баку, 3 апреля 2012 г. // <http://www.mid.ru>
9. Каспийскому морю нужна международная защита // Литер, 3 мая 2012 г.
10. Куликов С. Война на Каспии может стать реальностью // <http://www.ng.ru>
11. Там же.
12. Кавказ отложили до выборов // <http://www.gazeta.ru>
13. МВД подтверждает передислокацию сил на Кавказе // <http://www.rosbalt.ru>
14. Нарастивание группировки // <http://www.vz.ru>
15. Проблемы обеспечения безопасности России на Северном Кавказе // <http://www.mir-politika.ru>
16. ЕС заявляет о поддержке энергетической стратегии Туркменистана // <http://www.turkmenistan.ru>
17. Венгерские власти заявили о выходе из проекта Nabucco // <http://www.lenta.ru>
18. Адысов И. Хватит ли у Туркмении ресурсов для Транскаспийского газопровода? // <http://www.gundogar.org>
19. США окажут содействие Туркмении в диверсификации экспорта энергоносителей на мировой рынок // <http://www.casfactor.com>
20. Евросоюз поддерживает проект «Южный коридор» // <http://www.neftegaz.ru>
21. Вопрос строительства трубопроводов по дну Каспия принципиален для Туркменистана // <http://www.turkmenistan.ru>
22. Туркменистан — западное влияние: энергетические интересы и политические последствия // <http://www.gundogar.org>

23. Евросоюз ждет от Туркмении твердого решения по Nabucco // <http://www.dw.de>
24. МИД Туркменистана распространил сообщение для средств массовой информации // <http://www.chrono-tm.org>
25. Конфликт с Азербайджаном на Каспии // <http://www.infoabad.com>
26. Азербайджанские пограничники задержали близ спорного месторождения Кяпаз (Сердар) туркменских рыбаков без регистрационных документов // <http://vestikavkaza.ru>
27. Ашхабад пустил с молотка газовый шельф // <http://www.ng.ru>
28. Газовый апофеоз // <http://www.chrono-tm.org>
29. Взрыв газопровода и отношений // <http://nabucco.ge>
30. Богатства кладовых «голубого топлива» // <http://www.turkmenistan.ru>
31. Адысов И. Хватит ли у Туркмении ресурсов для Транскаспийского газопровода? // <http://www.gundogar.org>
32. В Пекине состоялись переговоры Президента Туркменистана и Председателя КНР // <http://www.turkmenistan.gov>
33. Пик нефтедобычи в Азербайджане был пройден в 2010 году // <http://analitika.at.ua>
34. МВФ прогнозирует рост ВВП Азербайджана в 2012 году на уровне 3,7% // <http://www.banki.ru>
35. Алиев В. Плоды реформ // <http://www.btime.az>
36. Азербайджан готовится занять 7% европейского рынка газа // <http://www.rbcdaily.ru>
37. Ковалов Г. Транскаспийский газопровод: возвращение // <http://www.casfactor.com>
38. Сулейман С. Военный бюджет Азербайджана превышает национальные бюджеты Армении и Грузии в пять раз // <http://www.topwar.ru>
39. Дарабади П. Кавказ и Каспий в мировой истории и геополитике XXI века. — М.: Весь мир. 2010. — 214 с.; Малышева Д. Кавказский узел мировой политики // Россия и мусульманский мир. 2009. — № 3. — С. 70—84; Федулова Н. Борьба за влияние в зоне Большого Кавказа // Россия и новые государства Евразии (ИМЭМО). 2010. — № 11. — С. 35—56; Ланда К. Современная геополитическая ситуация в Каспийском регионе // Россия и мусульманский мир. 2009. — № 1. — С. 62—73.
40. Магомедов А. Энергетическая и транзитная геополитика «Большого Каспия» // Россия и мусульманский мир (ИВ РАН). 2009. — № 6. — С. 65—80; Михалева М. Каспий — зона

соперничества или сотрудничества? // Россия и мусульманский мир (ИНИОН РАН). 2010. — № 1. — С. 55—63; Никеров В. От Фукусимы до Ливии: политизация трубопроводного соперничества на каспийской энергетической сцене // Россия и мусульманский мир (ИВ РАН). 2012. — № 4. — С. 72—78; Маркедонов С.М. Кавказский регион: от периферии к эпицентру мировой политики // Актуальные проблемы Европы (ИНИОН РАН). 2010. — № 3. — С. 100—122.

41. Жильцов С.С., Зонн И.С. США в погоне за Каспием. — М: Международные отношения. 2009. — 200 с.

42. Лаумулин М.Т. США укрепляют свои позиции в Туркменистане и Таджикистане // Россия и мусульманский мир (ИНИОН, ИВ РАН). 2011. — № 11. — С. 76—83.

43. Жильцов С., Зонн И. Политика США на Каспии: перезагрузка // Россия и мусульманский мир (ИНИОН, ИВ РАН). 2009. — № 11. — С. 65—72.

44. The 2006 Brussels Conference «Towards an EU External Energy Policy», 20—21.11.2006 // <http://ec.europa.eu>

45. Andrew Rettman. Berlin submits new Central Asia text to EU diplomats // <http://euobserver.com>

46. Доступ Евросоюза к ресурсам Прикаспийского региона является ключевым вопросом для ЕС — Еврокомиссар. 13.09.2011 // <http://1news.az>

47. Приоритет ЕС в развитии двустороннего энергетического сотрудничества // <http://trade.ecoaccord.org>

48. EU starts negotiations on Caspian pipeline to bring gas to Europe // <http://europa.eu>

49. RWE может выйти из Nabucco // <http://www.vedomosti.ru>

50. Проект Nabucco теряет участников // <http://www.dni.ru>

51. Януш Б. Трансграничный менеджмент водных ресурсов в Центральной Азии. Казахстанско-германское сотрудничество: семинар по устойчивому развитию на ФМО // <http://kaznu.kz>

52. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву // <http://www.un.org>

53. Каспийская флотилия РФ получит новейшие боевые корабли // <http://www.kt.kz>

54. Турецкая компания Ares Shipyard хочет приступить к военному судостроению в Азербайджане // <http://ru.apa.az>

55. В Туркмении решили создать Военно-морские силы // <http://www.zakon.kz>

56. На казахстанском побережье Каспия зафиксирована массовая гибель тюленей. 28 марта 2012 г. // <http://oilnewskz.com>

57. Смирнов С. Нефтяной разлив: шаг до катастрофы // <http://expert.ru>

58. Там же.

59. Главным источником загрязнения Северного Каспия специалисты назвали корабли // <http://zakon.kz>

60. Хлопонин А. Боевики на Кавказе не финансируются из-за рубежа // <http://kommersant.ru>

61. НАК сообщает о задержании финансистов боевиков Дагестана и Кабардино-Балкарии // <http://www.kavkaz-uzel.ru>

ЗАКЛУЧЕНИЕ

Таким образом, ситуация в Центральной Азии и в Каспийском регионе остается сложной, с большим количеством вопросов.

Несмотря на неоднократные заявления лидеров стран региона о заинтересованности в совместном решении проблем, практической реализации объединенных усилий по нейтрализации новых вызовов и угроз, надвигающихся в основном извне, пока не наблюдается.

В странах Центральной Азии нарастает недовольство населения, в первую очередь вследствие ухудшения уровня жизни. Подтверждением этому является увеличение числа граждан из Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана, выезжающих в поисках работы в Россию и другие государства.

Вызывает беспокойство возможное обострение ситуации в странах региона зимой 2012 года из-за прогнозируемого роста цен на основные продукты питания, в первую очередь на хлеб, вследствие засухи в основных зерносеющих районах мира, в том числе в Казахстане и России. Определенное недовольство населения вызывает стремление правящих режимов сохранить авторитарные методы управления. Вместе с тем существуют очевидные риски, что после ухода действующих лидеров может возникнуть борьба между представителями национальных политических элит за передел собственности и сфер влияния с непредсказуемыми последствиями.

Не может не тревожить все увеличивающееся соперничество великих и региональных держав на Каспии. Мы являемся свидетелями нарастающей милитаризации в прикаспийских государствах. Один из лидеров гонки вооружений — Азербайджан, закупивший оружия и военной техники у

Израиля на более чем 1,5 млрд долларов. Учитывая высокий градус противостояния между Израилем и исламским миром, пассивная реакция мусульманских государств на военное сотрудничество между Баку и Тель-Авивом говорит о многом.

Нами не исключается заинтересованность некоторых транснациональных корпораций, действующих в сырьевом секторе, в первую очередь в нефтегазовом, в том, чтобы пространство Центральной Азии и прикаспийских стран оказалось в состоянии «управляемого хаоса». За примерами далеко ходить не надо. Достаточно обратиться к событиям, продолжающимся второй год в Северной Африке и на Ближнем Востоке.

Анализ торгово-экономического сотрудничества ведущих зарубежных государств со странами региона показывает, в частности, что для США основной интерес представляют военно-политические причины, через призму развития ситуации в Афганистане, с одной стороны, а также фактор энергетической безопасности на Каспии — с другой.

В зависимости от складывающейся в настоящее время ситуации в Сирии и, возможно, в Иране, Китае и Россия, несмотря на имеющиеся между ними серьезные противоречия, вынуждены будут объединить свои усилия для противодействия стремлению США установить единоличный контроль над Центральной Азией, в том числе в рамках программы «Новый Шелковый путь», сменившей прежнюю программу «Большая Центральная Азия».

Существенной угрозой для ЦА являются вызовы, исходящие из Афганистана, для парирования которых целесообразно было бы рассмотреть возможность сотрудничества стран региона с Россией и Китаем, с одной стороны, региональными и международными организациями, в частности ООН, ШОС и ОДКБ, — с другой.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ауелбаев Б.А. — заведующий отделом внешнеполитических исследований Казахстанского института стратегических исследований (КИСИ) при Президенте РК

Каратаева Л.Р. — заместитель директора КИСИ при Президенте РК, доктор исторических наук

Ким Г.Н. — главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор исторических наук, профессор

Кушкумбаев С.К. — главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук

Лаумулин М.Т. — главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук, профессор

Серик Р.С. — директор Департамента по науке и инновационной деятельности Казахстанско-Немецкого университета, кандидат исторических наук

Султанов Б.К. — директор КИСИ при Президенте РК, доктор исторических наук

Сырлыбаева Б.Р. — заведующая отделом экономических исследований КИСИ при Президенте РК, кандидат экономических наук

Сыроежкин К.Л. — главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук, профессор

Тимофеев Л.А. — старший научный сотрудник отдела внешнеполитических исследований КИСИ при Президенте РК

Черных И.А. — главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор исторических наук, профессор

Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институты туралы ақпарат

Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институты (ҚСЗИ) Қазақстан Республикасы Президентінің 1993 жылғы 16 маусымдағы Жарлығымен құрылған.

Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институтының құрылған күнінен бастап оның негізгі мақсаты — мемлекеттік ғылыми-зерттеу мекемесі ретінде Қазақстан Президентінің және елдің басқарушы органдарының қызметін ғылыми-талдаулармен қамтамасыз ету.

Осы уақыт барысында ҚСЗИ жоғарыкәсіпті ғылыми-талдау орталығына айналды. Бүгінгі таңда институтта тоғыз ғылым докторы он үш ғылым кандидаттары, саясаттану, тарих, экономика, социология салаларының мамандары қызмет атқарады.

ҚСЗИ қызметі барысында институт сарапшыларының қатысуымен халықаралық қатынас, ғаламдық және аймақтық қауіпсіздік мәселелері бойынша 200-ден астам кітап басып шығарылған. Институт төрт мерзімді ғылыми-сараптамалық журнал басып шығаруда: «Қоғам және Дәуір» тоқсандық ғылыми-сараптамалық журналы, «Қазақстан-Спектр» тоқсандық ғылыми журналы, «Analytic» ақпараттық-талдау журналы және «Central Asia's Affairs» тоқсандық сараптамалық журналы (ағылшын тілінде). Бұл басылымдарда сыртқы және ішкі саясат, халықаралық қатынастар, ұлттық қауіпсіздік, Қазақстан Республикасының әлеуметтік және экономикалық саясаты мәселелері жарық көреді, сондай-ақ материалдарды өзінің www.kisi.kz сайтында жариялайды. ҚСЗИ-дың жеке сайты үш тілде: қазақ, орыс және ағылшын тілдерінде ұсынылған.

Институт өзінің негізгі зерттеу бағыттары бойынша семинарлар, ғылыми конференциялар, «дөңгелек үстелдер», халықаралық форумдар өткізеді. ҚСЗИ өткізетін ғылыми форумдардың ішінде шетелдік сарапшылардың ерекше қызығушылықтарын тудыратыны — 2003 жылдан дәстүрлі өтіп келе жатқан, Орталық Азиядағы ынтымақтастық пен қауіпсіздік мәселелеріне арналған Алматы конференциясы. ҚСЗИ-дың ғылыми басқосуларына Қазақстаннан ғана емес, сонымен қатар, Орталық Азия елдерінің, Ресейдің, Қытайдың, Германияның, Францияның, АҚШ-тың, Үндістанның, Иранның, Түркияның, Пәкістанның, Жапонияның және басқа да мемлекеттердің ғалымдары белсене қатысуда.

ҚСЗИ негізінде Қазақстанның жетекші жоғарғы оқу орындарының студенттері мен шетелдік сарапшылар үнемі тәжірибеден өтіп отырады.

Бүгінгі таңда институтта қызметкерлердің кәсіби және ғылыми өсулері үшін барлық қажетті жағдайлар жасалынған.

ҚСЗИ туралы толық ақпаратты төмендегі мекенжайдан алуға болады:

Қазақстан Республикасы, 050010, Алматы,
Достық даңғылы, 87^{«б»}
Тел.: +7 (727) 264-34-04
Факс: +7 (727) 264-49-95
E-mail: office@kisi.kz
<http://www.kisi.kz>

**Информация о Казахском институте
стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан**

Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан (КИСИ) был создан Указом Президента Республики Казахстан 16 июня 1993 г.

С момента своего возникновения основной задачей Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан как государственного научно-исследовательского учреждения является научно-аналитическое обеспечение деятельности Президента Казахстана, руководящих органов страны.

За это время КИСИ превратился в высокопрофессиональный научно-аналитический центр. В настоящее время в институте работают девять докторов наук, тринадцать кандидатов наук, специалистов в области политологии, истории, экономики, социологии.

За время существования КИСИ экспертами института издано более 200 книг по международным отношениям, проблемам глобальной и региональной безопасности. Институтом издаются четыре журнала: «Қоғам және Дәуір» (на казахском языке), «Казахстан-Спектр», «Analytic» (на русском языке), «Central Asia's Affairs» (на английском языке). КИСИ располагает собственным сайтом на трех языках: казахском, русском и английском.

В КИСИ ежегодно проводится большое количество международных научных конференций, семинаров, круглых столов. Особый интерес у экспертов вызывают ежегодные конференции КИСИ, проводимые с 2003 г. и посвященные проблемам безопасности и сотрудничества в Центральной Азии. В научных форумах КИСИ принимают участие не только экс-

перты из Казахстана и стран Центральной Азии, но и ученые из России, Китая, Германии, Франции, США, Индии, Ирана, Турции, Пакистана, Японии и других стран.

На базе КИСИ постоянно проходят стажировку и преддипломную практику студенты ведущих казахстанских высших учебных заведений, а также зарубежные эксперты.

В настоящее время в институте созданы необходимые условия для профессионального и научного роста сотрудников.

Более подробную информацию о КИСИ можно получить по адресу:

Республика Казахстан, 050010, Алматы,
пр. Достык, 87^{«б»}
Тел.: +7 (727) 264-34-04
Факс: +7 (727) 264-49-95
E-mail: office@kisi.kz
<http://www.kisi.kz>

**About the Kazakhstan Institute
for Strategic Studies under
the President of the Republic of Kazakhstan**

The Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan (KazISS) was established on June 16, 1993 by the Decree of the President of the Republic of Kazakhstan.

Since its foundation the mission of the KazISS as the national research institution is to provide analytical support to the President of the Republic of Kazakhstan

The KazISS enjoys a reputation of the leading think tank of Kazakhstan as it employs a highly professional pool of experts; at present it includes nine doctors and thirteen candidates of sciences, who specialize in political science, history, economics and sociology.

The KazISS have published more than 200 books on international relations, global and regional security, economics and politics. The Institute is publishing four journals: the Kogam Jane Dayir in Kazakh, the Kazakhstan-Spectrum, and the Analytic in Russian, the Central Asia's Affairs in English. The KazISS has a trilingual website.

The KazISS holds a great number of international conferences, seminars and round tables, including the Annual Conferences (regularly held since 2003) on the issues of security and cooperation in Central Asia participated by the experts from Kazakhstan, Central Asia as well as Russia, China, Germany, France, India, Iran, Turkey, Japan and USA and other countries.

The KazISS is the basis for both professional practice work of students from the leading Kazakhstan universities and fellowship of the experts representing foreign research institutions.

Contact us for any further information:

The Dostyk Avenue, 87 'b'
050010, Almaty
Republic of Kazakhstan
Tel: +7 (727) 264-34-04
Fax.: +7 (727) 264-49-95
E-mail: office@kisi.kz
<http://www.kisi.kz>

Для заметок

Для заметок

Коллективная монография

**ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И КАСПИЙСКИЙ РЕГИОН:
РИСКИ, ВЫЗОВЫ, УГРОЗЫ**

Редактор-корректор **Г.А. Цай**
Дизайн обложки **ТОО «Sakura Print»**
Верстка **А.А. Жумагалиева**

Подписано в печать 14.09.2012. Формат 60x90 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 14,0.
Тираж 500 экз.

Казахстанский институт стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан
050010, г. Алматы, пр. Достык, 87^{«б»}.

Отпечатано в типографии ИП «Волкова Е.В.»
г. Алматы